Е. С. Шумигорскій

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

НЕЛИДОВА

(1758—1839)

(Очеркъ изъ исторіи императора Павла)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное, съ портретами, рисунками и автографами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1902.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Царствованию императора Павла в последнее время посчастливилось в русской исторической литературе: о нем появились новые документы и исследования, имеющие ту особенную цену, что они, уясняя факты, выводят, наконец, личность императора Павла из анекдотического тумана, которым она окружена была целое столетие; вместе с тем, собирается громадный материал для освещения жизни русского общества Павловского времени и созидается тот исторический мост между царствованиями Екатерины II и Александра I, отсутствие которого так чувствовалось и чувствуется при изучении событий русской истории начала XIX века.

В течение двадцати лет, в самое тяжелое время его жизни, Павла Петровича всячески поддерживал преданный и бескорыстный друг, фрейлина его жены, императрицы Марии Федоровны, — Екатерина Ивановна Нелидова.

Настоящая книга пытается воссоздать ее образ на основе выпавшей ей исторической роли.

Издание 1902 года, приведено к современной орфографии.

- Евгений Шумигорский
  -
  - От автора
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - Заключительная глава
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222

- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258

Евгений Шумигорский
Екатерина Ивановна Нелидова
Очерк из истории императора Павла

Екатерина Ивановна Нелидова (1787 г.)

От автора

Царствованию императора Павла в последнее время посчастливилось в русской исторической литературе: о нем появились новые документы и исследования, имеющие ту особенную цену, что они, уясняя факты, выводят, наконец, личность императора Павла из анекдотического тумана, которым она окружена была целое столетие; вместе с тем, собирается громадный материал для освещения жизни русского общества Павловского времени и созидается тот исторический мост между царствованиями Екатерины II и Александра I, отсутствие которого так чувствовалось и чувствуется при изучении событий русской истории начала XIX-го века. Уже теперь результаты этой историографической работы подтверждают мысль кн. Вяземского, близко знавшего современников Павловского царствования: «Все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною». Мы, с своей стороны, полагаем, что история, в конце концов, сделает свое дело: проверит факты, объяснит их, и тогда истина, в смысле исторической закономерности, освобожденная от всего случайного и наносного, займет подобающую ей высоту, до которой не достигает ни похвала, ни порицание…

Но все мы — люди: в прошлом своей родной страны, даже самом отдаленном, мы ищем оправдания своим воззрениям, а в исторических наших занятиях, на рубеже XIX-го и XX-го веков, смотрим на события рубежа XVIII-го и XIX-го с точки зрения своих идеальных общественных требований, как, даст Бог, неизмеримо свысока будут смотреть и на нас потомки наши рубежа XX и XXI-го веков. Изучая события Павловского царствования, мы не можем сочувствовать нравственному уровню этого железного века, хотя в открывающемся пред нами историческом калейдоскопе не можем не удивляться оригинальной комбинации политических сил, постоянно боровшихся между собою, но действовавших в одном и том же направлении и приводивших к одной и той же цели. Император Павел, напр., во все кратковременное свое царствование жаждал уничтожения сословных привилегий, водворения правды и законности в государстве, но, по революционному духу времени, для достижения этих целей употреблялись и революционные средства: административный произвол, ссылка и кнут; эта двойственность в политике Павла чувствовалась всеми: недаром французы называли его якобинцем на троне, крестьяне — Пугачевым, а раскольники — царем Развеем. С другой стороны, враги Павла — «наши русские

Мирабо, за измятое жабо хлеставшие Гаврилу и в ус, и в рыло», были-ли это масоны или «вольтерьянцы» — все равно, — смотрели на совершавшиеся кругом события, очевидно, с иной точки зрения, чем их крепостные, и «les droits de l'homme» прилагали лишь к себе и к своему сословию. Первый шаг к уравнению сословий был сделан несомненно императором Павлом, и хотя произведенная им «революция сверху» не сопровождалась такими ужасами, как французская, но жертвой ее сделался он сам. В этом смысле, по моему глубокому убеждению, Павел Петрович есть одно из самых трагических лиц нашей истории: фанатик своих идей, он вел непрерывно борьбу один против всех, и духовные его силы оказались недостаточны, чтоб безнаказанно вынести на себе всю ее тяжесть…

Наблюдая этот изменчивый круговорот политических идей и борьбу страстей человеческих, с сопровождавшими их повсюду низкими свойствами человеческой природы: эгоизмом, предательством, жестокостью, — историк отдыхает на изображении лиц, проявивших в волнующемся житейском море красоту душевную, которая везде и во все века, как высшее выражение человечности, невольно возбуждает сочувствие и удивление, и в сущности является залогом нравственного совершенства общества, указывая каждому, чем он должен быть. Люди, носящие у себя в сердце эту искру Божию, не дают заглохнуть ей и у других; напротив, они питают ее, поддерживают ее пламя, и, таким образом, среди ужасов политической и общественной борьбы, не позволяют ее деятелям забывать самого священного для них звания — человека и тем укрепляют, увеличивают их нравственные силы. Павел Петрович в течение 20 лет, в самое тяжелое время своей жизни, имел возле себя именно такого преданного, бескорыстного друга, полагавшего свое личное счастие в счастии видеть его добрым, любимым и уважаемым и постоянно напоминавшего ему о вечных, христианских началах любви и правды. Другом этим была фрейлина его супруги, императрицы Марии Феодоровны, — Екатерина Ивановна Нелидова, и на ее именно характеристике я, как историк Павловского времени, и позволяю себе немного отдохнуть.

Воссоздать полный образ Нелидовой, история которой заключается в развитии жизни по-преимуществу внутренней, — довольно затруднительно: историческая психология, как и всякая другая, есть, в большинстве случаев, палка о двух концах. Поэтому в предлагаемом очерке жизни Нелидовой я ограничился лишь выпавшею на ее долю исторической ролью — ролью поэта, который, по отношению к Павлу,

«И чувства добрые в нем лирой пробуждал,
И милость к падшим призывал»…

4-го марта 1898 г.

I

Детство Нелидовой. — Прием ее в Смольный институт. — Характеристика институтского воспитания времен Екатерины. — Отношение смольнянок к обществу и значение их в истории русской женщины. — Первый выпуск Смольного института 1776 года. — Нелидова — как одна из пионерок русского просвещения и «людскости» в XVIII веке.

Восемнадцатый век есть по преимуществу женский век нашей истории: Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елисавета Петровна, Екатерина II, в течение 70 лет управляли судьбами России, почти без перерыва следуя друг за другом; наконец царствование государя, закончившее собою этот богатый событиями век, — царствование несчастного по своей судьбе императора Павла, тесно связано, в светлых своих сторонах, со скромным именем Екатерины Ивановны Нелидовой, дочери простого армейского поручика. Долгое время имя это окружено было таинственностью, которая, по словам единственного биографа Нелидовой, «быть может, придавала некоторого рода прелесть ее памяти»[1]. Но таинственность эта, в конце концов, однако, должна была оказаться призрачною для такого крупного исторического лица. Могущество влияния Нелидовой на Павла Петровича, чистота ее репутации и бескорыстие побуждении, оригинальная простота ее обстановки, служили предметом постоянных, большею частью мало доброжелательных, толков современников. При распущенности нравов высшего русского общества XVIII века, благодаря обычному пошловатому его «умоначертанию», им легко было разгадать по своему личность Нелидовой и характер ее отношений к Павлу I; имена Лавальер, Помпадур, Дюбарри и Елисаветы Воронцовой сами собою просились на язык каждому. Но простейшее объяснение фактов, благодаря сложности жизненных отношений, не всегда бывает, вместе с тем, самым верным, и, при более внимательном изучении данных, оставшихся нам от Павловского времени, аналогия роли Воронцовой с ролью Нелидовой является по меньшей мере неполною. Уже теперь можно сказать с уверенностью, что фаворитизм Нелидовой при Павле возбуждает не фривольный, а чисто психологический интерес: нервная, надломленная и суровая натура Павла Петровича, в естественном стремлении своем к душевному равновесию, находила себе, в свойствах ума и характера Нелидовой, некоторое успокоение и поддержку; с своей стороны, в сознании искренности своих

отношений к Павлу, Нелидова, до конца своей жизни остававшаяся восторженно-сентиментальной смольнянкой, гордилась мыслью, что ей как бы суждено быть ангелом-хранителем государя, личные свойства которого, наряду с тяжелыми обстоятельствами его жизни, внушали ей живое участие. И действительно, Екатерина Ивановна Нелидова долгое время была другом Павла Петровича, хотя, к несчастью для него и для себя, не сумела остаться им навсегда.

О детстве Нелидовой не сохранилось подробных сведений. Известно только, что она родилась 12 декабря 1758 года от брака поручика Ивана Дмитриевича Нелидова с Анной Александровной Симоновой, в селе Климятине, Смоленской губернии, Дорогобужского уезда[2]. Родители ее были люди весьма зажиточные, имея до 500 душ крестьян, в Смоленской и Тверской губерниях, но и семейство их было многочисленное: у маленькой Кати Нелидовой, кроме сестры Натальи, было, кажется, шесть братьев: Феодор, Андрей, Александр, Аркадий и Любим (по-семейному)[3]. Детские годы Нелидовой протекли, без сомнения, при одинаковых условиях с детством всех помещичьих детей того времени, среди нянюшек и мамушек, на лоне деревенской природы, мирные впечатления которой навсегда отпечатлелись в восприимчивой душе девочки. Для питомцев нянюшек и мамушек природа не была бездушной: одухотворенная народной поэзией, в сказках и преданиях, она уже говорила уму и сердцу ребенка прежде, чем он мог осмыслять ее явления, и Нелидова впоследствии, среди роскоши придворной жизни, никогда не забывала родного ей Климятина, его реченки «Царицы-водицы»[4], струи которой осенены были густыми деревьями, пугавшими девочку. Но тихая, уединенная жизнь в Климятине не могла благоприятствовать образованию детей, а родители Нелидовой, очевидно, понимали пользу образования даже для девочек, о чем большинство дворян того времени и не думали. Едва только сделалась известна в глухой провинции новость об открытии в Петербурге, под особым покровительством императрицы Екатерины, воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре, как Анна Александровна Нелидова решилась ехать в Петербург, вместе с дочерью своей Екатериной, едва достигшей шестилетнего возраста, чтобы ходатайствовать о приеме ее в новое, дотоле неслыханное по своим задачам и обстановке учебное заведение. Нужно знать, что, желая создать посредством воспитания «новую породу людей», императрица Екатерина пробовала устранить от воспитываемых девиц всякое постороннее влияние и потому поставила правилом, чтобы родители, при приеме дочерей их в воспитательное общество,

давали подписку не брать их из заведения до окончания курса, который продолжался 12 лет: тогда только поймем мы жертву материнской любви Анны Александровны, представившей свою дочь на первый прием воспитательного общества в начале 1765 года. «По публикованному о воспитании благородных девиц уставу видя ее императорского величества воспитательного общества учреждений и будущую от того пользу, желаю препоручить в оное дочь нашу Екатерину, рожденную от мужа моего Ивана Дмитриевича Нелидова», так писала она в своем, как выражались тогда, «Объявлении».

Резолюцией императрицы на этом объявлении: «следует принять», маленькая Нелидова оторвана была от родной семьи и, едва начав жизнь сознательно, попала в иную семью, в новую, совершенно чуждую ей обстановку. Она очутилась среди полусотни подобных ей девочек 4–6 лет, из которых, многие едва умели еще говорить; вместо нянюшек, медлительно вязавших свои чулки и еще медлительнее тянувших нескончаемые сказки об Иване-царевиче, появились образованные француженки и немки, не знавшие по-русски и почти исключительно заботившиеся о том, чтобы их маленькие питомицы поскорее усвоили себе французскую и немецкую речь и «благородные манеры»[5]; о деревенском просторе и свободе нечего было и думать: вся жизнь «благородных девиц» протекала в красивом каменном квадратном здании, окружающем ныне Смольный собор, на окраине города, у берега Невы, и поставлена была в строгие, определенные рамки. Короче, все было приспособлено к тому, чтобы создание «новой породы людей» не могло встретить затруднении.

Целью учреждения Смольного института было воспитание девиц в духе гуманности, путем развития их ума и сердца, чтобы сделать их впоследствии «отрадою семейств» и способными не только смягчать жестокие» и «неистовые» нравы русского общества XVIII века, но и воспитывать детей. Но, вместе с тем, императрица была против того, чтобы девицы «умничали», и оттого обучение их в Смольном носило по преимуществу светский характер: все направлено было главным образом лишь к тому, чтобы они умели держать себя в обществе, вести непринужденный разговор на французском языке, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства или кокетства. Все разнообразные цели эти действительно достигались, благодаря особым заботам Екатерины, первого попечителя института Ивана Ивановича Бецкого и всего учебно-воспитательного персонала заведения, во главе которого стояла француженка, вдова действительного статского советника, София

Ивановна Делафон. Институт представлял из себя одну семью, так как дети были постоянно вместе и воспитательницы так же, как и Делафон, были при них неотлучно: «это была по словам одной из институтских подруг Нелидовой, община сестер, подчиненных одним общим для всех правилам; единственным отличием между воспитанницами служили достоинство и таланты. Делафон была умной наставницей, заменявшей воспитанницам мать и служившей им руководительницей: все институтки обращались к ней за советом и дорожили ее мнением о том или другом своем поступке»[6]. Делафон действительно не только хотела, но и умела посвятить себя своим воспитанницам, которые, по выражению устава Смольного института, «яко драгоценный для нее, для государства и отечества залог, были вверены благоразумному ее попечению». По уставу, все надзирательницы должны были поступать с воспитанницами во всем с крайним благоразумием и кротостью, «соединяя оныя не иначе с непринужденною веселостью, и сие внушать молодым девицам, дабы сим способом отвращен был и самый вид всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться может». Для достижения этой цели надзирательницы обязаны были «скрывать от воспитываемых ими детей свои собственные, домашние огорчения» и всеми мерами «не допускать у них уныния и задумчивости». Самое преподавание не имело сухого, тем более удручающего для детей характера. Уроки были беседами учениц с учительницами, которые должны были особенно заботиться о том, чтобы девицы «не привыкли излишне важничать и унылый вид являть» иметь в виду свойства характера и способностей каждой воспитанницы, а в случае нерадения или лености ограничиваться увещаниями виновной; высшей мерой наказания было «пристыжение» пред классом, что, впрочем, очень редко встречалось, а нераскаянных ставили иногда на колени во время обедни. Устав института требовал также, чтобы «госпожи учительницы по окончании классов употребляли по нескольку времени вступать с воспитанницами в разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли с пристойной вольностью». Учебные занятия и сами по себе не были обременительны. За 12 лет пребывания в институте девицы должны были выучиться «исправно читать писать и говорить, кроме отечественного, на французском, немецком и итальянском языках, обучиться Закону Божию, арифметике, истории, географии и опытной физике, в элементарных их курсах, и приобрести некоторые сведения из архитектуры и геральдики, которая в то дворянское время считалась важной наукой для «благородных девиц». Более всего учебного времени тратилось

затем на занятия рукоделием, музыкой и танцеванием; из искусств, кроме рисования, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дело. В свободное от учебных занятий время дети, под руководством своих наставниц, читали исторические и нравоучительные книги со строгим, впрочем, их выбором, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно действовать на воображение детей или их нравственность.

При таком строе жизни неудивительно, что смольнянки первых выпусков о времени пребывания своего в институте вспоминали, как о счастливейшем периоде своей жизни. Подруга Нелидовой, Ржевская (в девичестве Алымова), в записках своих объясняет, что «этого счастья нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим светским положением, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем… Между нами царило согласие; общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц; никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для подруг. Вообще, большею частью, были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели»[7].

Эта трогательная простота и умиление, с которыми уже в старости рассказывает нам Ржевская об оранжерейной, тепличной обстановке своего воспитания, лучше всего доказывают ту истину, что пригодность воспитательных теорий и сравнительное достоинство их определяется, главным образом, лишь потребностями общества, среди которого они прилагаются. Нравы были «жестокие», люди — «неистовые», жизнь, благодаря отсутствию общественных задач и интересов, — пустая и бесцветная: что могло быть привлекательнее для задач воспитателей, как не развитие внутренней жизни в юных питомицах, добродетели, основанной на чувстве и на незнании гнездившегося повсюду порока, — того «прекраснодушия» (Schönseligkeit), которое в то время даже в образцовых произведениях европейской литературы выставлялось идеалом нравственного совершенства человека? Оттого смольнянки, в том числе и Нелидова, видели свет и солнце только тогда, когда это вызывалось задачами их воспитания, и лишь настолько, насколько это входило в его программу. Обыкновенно,

знакомство смольнянок со светом начиналось не ранее, как через 6 лет после поступления их в заведение, с переходом их в 3-й возраст — серый, отличавшийся от других серыми лентами на обычных для всех институток коричневых платьях, — и заканчивалось в последнем, 4-м, белом, возрасте, когда девицам было 14–15 лет, и когда в обществе, куда они показывались, их считали уже взрослыми девушками. Для этой цели, по воскресным и праздничным дням, в Смольном устраивались ассамблеи, концерты и другие собрания, на которые приглашались по строгому выбору, дамы, кавалеры и другие «почтительные» люди из высшего общества, чтобы, приобретая привычку к обхождению, девицы «могли пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной девице столь нужны к достижению необходимых для нее знаний и для истинного воспитания, разговоры эти происходили, разумеется, на французском языке, который смольнянки знали гораздо лучше природного, русского. Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты из Шляхетского корпуса. Вместе с тем, воспитанниц старшего возраста возили иногда ко двору, на вечера к Бецкому и к директору Шляхетского корпуса. В особенности обращено было внимание на устройство в Смольном театральных представлений, на которых все роли исполнялись девицами. Сама императрица выбирала пьесы для институтских спектаклей и советовалась по этому поводу даже с Вольтером: давались обыкновенно высокопарные трагедии ложно-классического стиля или оперы и балеты сентиментального и пасторального характера[8], при чем тщательно выбрасывались из исполняемых произведений все места, которые могли бы так или иначе оскорбить «чувствительность» девиц или сообщить им «ложные» понятия. Так как каждому спектаклю предшествовало всегда много репетиций, то театральные занятия девиц отнимали у них много времени, мешая правильному ходу занятий учебных, но на это не обращали внимания, потому что именно устройство институтских спектаклей и удовлетворяло всего более задачам светского воспитания смольнянок, обнаруживая и изощряя их светские и эстетические способности: девицы приучались держать себя на сцене, декламировали, исполняя в балетах самые трудные хореографические упражнения, пели, играли на разных музыкальных инструментах, — и все это часто в присутствии двора и самой государыни, которая лично хорошо знала всех смольнянок, в особенности первого приема, постоянно ласкала их и одной из них, любимице своей, Левшиной, писала даже письма, всегда приправленные ласковой шуткой, поручая ей «поклониться

мелюзге коричневой, приласкать малюток голубых, поцеловать серых сестер и обвиться руками вокруг шеи пилигримок белых, моих старых приятельниц»[9].

В конце концов, нельзя не признать, что, по условным привычкам и отчасти по складу своего миросозерцания, смольнянки были плодом чисто-аристократического воспитания: занятия домашним хозяйством, предположенные программой обучения, являлись простой декорацией, а введенные г-жей Делафон для ста нищих женского пола ежегодные обеды, которые устраивались 20 апреля, накануне дня рождения императрицы, и за которыми должны были прислуживать сами воспитанницы «в знак человеколюбия к ближнему и благодеяния к бедным», также были, по своей исключительности, лишь красивым сентиментальным спектаклем, где дети играли в добро. Не зная вовсе ни людей, ни жизни, невинные и простодушные девушки выходили, однако, из института во всеоружии светского образования — для дворцов и гостиных высшего общества; оттого, усвоив себе идеальные понятия о добродетели, проникнутые сознанием своих обязанностей к Богу, и к людям, смольнянки, очутившись в водовороте действительной жизни, оказывались чересчур наивными, прилагая свои прямолинейные институтские воззрения к фактам повседневной жизни, далеко не всегда давая им надлежащее значение и оценку и почти вовсе не умея отличать добродетель от красивого порока, завернувшегося в тогу добродетели. Первая ученица первого выпуска, Алымова, спустя много лет, писала в своих записках: «вполне развитый разум и твердо коренившиеся в сердце нравственные начала способны были охранить смольнянок от дурных примеров», но та же Алымова прибавляет затем: «скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божием, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы»[10]. Одним словом, школа Смольного института не только не готовила своих питомиц для жизни, но умышленно оставляла их в неведении о ней. Оттого на воспитанниц первых выпусков Смольного института историк должен смотреть с грустью и с глубоким сочувствием: они были в большинстве случаев, агнцами искупления, положенными на алтарь русской дикости, — исторической жертвой, принесенной для развития «людскости» в русской семье и обществе, и, между тем, эти пионерки просвещения, выступая на предназначенное им поприще, были еще вполне детьми, в буквальном и переносном смысле этого

слова, не понимавшими самого главного: ни смысла готовившейся им роли, ни людей, с которыми они бессознательно долиты были бороться, смягчая их и перевоспитывая. Но современники первых смольнянок смотрели на дело гораздо проще и любили выставлять на вид одни лишь смешные стороны институтского воспитания, даже преувеличивая их. «Воспитанницы первых выпусков Смольного монастыря», — говорит один из них, — «набитые ученостью (sic), вовсе не знали света и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, например, где то дерево, на котором растет белый хлеб? По этому случаю сочинены были к портрету Бецкого вирши:

Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий.
Носил мундир шведский[11],
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур[12].

В числе этих учениц первого выпуска, вышедших из Смольного в 1776 г., была и Екатерина Ивановна Нелидова.

Из предыдущего очерка институтской жизни можно себе представить, как она жила и чему научилась в институте. Индивидуальные свойства Нелидовой и ее способности, выдвинувшие ее из ряда других подруг, проявились довольно рано, когда ей не было еще и 12 лет. «Появление на горизонте девицы Нелидовой, — писала императрица Екатерина Левшиной, — феномен, который я приеду наблюдать вблизи, в момент, когда кто то всего менее будут ожидать, и это может случиться скоро, скоро!»[13]. Двенадцатилетняя девочка сделалась феноменом, благодаря необыкновенной способности своей к танцам и чрезвычайной грации и живости движений во время игры на сцене. Нелидова была некрасива, но умные глаза, выразительность лица и подвижной, веселый характер заставляли забывать этот ее недостаток; очевидно, еще в институте, Нелидова женским чутьем поняла, чем она может выделиться из ряда своих подруг. «Весьма умная, Нелидова была отвратительно нехороша собою»[14] — сообщает о ней ее соученица, Алымова, а, между тем, эта «отвратительно-нехорошая» на вид девушка своим пением, грацией и танцами возбуждала всеобщий восторг в посетителях смольных спектаклей и сумела заинтересовать в свою пользу даже императрицу. После представления оперы «La

servante-maitresse», где Нелидова исполняла роль Сербины, современный поэт приветствовал ее следующими стихами:

Как ты, Нелидова, Сербину представляла,
Ты маску Талии самой в лице являла
И, соглашая глас с движеньями лица,
Приятность с действием и с чувствиями взоры,
Пандольфу делая то ласки, то укоры,
Пленила пением и мысли, и сердца.
Игра твоя жива, естественна, пристойна,
Ты к зрителям в сердца и к славе путь нашла.
Нелестной славы ты, Нелидова, достойна
Иль паче всякую хвалу ты превзошла[15].

Императрица подарила «феномену» бриллиантовый перстень, а в 1783 г. приказала Левицкому написать с Нелидовой портрет, где она изображена была танцующей менуэт[16]. Сценическому своему таланту Екатерина Ивановна Нелидова обязана была, вероятно, и тем, что при выпуске из Смольного, она получила, будучи восьмой по счету, шифр и золотую медаль второй величины, а на акте произнесла благодарственную речь от имени выпускных на немецком языке. Вслед затем определилась и дальнейшая будущность Нелидовой: она назначена была фрейлиной ко двору супруги наследника престола Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны, вместе с подругами своими по выпуску: Левшиной (в замужестве кн. Черкасской), Борщовой (в 1-м браке — Мусиной-Пушкиной и во втором — Ховен), Алымовой (в 1-м браке — Ржевской, а во втором — Маскле) и Молчановой (в замужестве — Олсуфьевой) [17]. Оставляя место своего воспитания, Нелидова навсегда, подобно прочим смольнянкам, сохранила к нему и к своей «maman», Делафон, самую теплую привязанность, соединенную с воспоминанием о самых лучших детских годах жизни, вдали от забот и горестей света[18], в котором Нелидовой, одной из первых, суждено было играть тяжелую роль, отказавшись от личных радостей и личного счастья… Императрица, конечно, никак не воображала, что одной из созданных ею смольнянок выпадет на долю исполнять свою миссию — смягчать «жестокие» и «неистовые» нравы, прежде всего, по отношению к собственному ее сыну, великому князю Павлу.

II

Назначение Нелидовой фрейлиной ко двору великого князя Павла Петровича. — Влияние придворной жизни на Нелидову. — Отношения Нелидовой к Павлу Петровичу и к великой княгине Марии Феодоровне. — Нелидова и Мария Феодоровна в отношениях их к Павлу Петровичу. — Влияние Нелидовой на Павла; размолвка ее с Марией Феодоровной. — Разлад в жизни великокняжеской четы.

Очутившись при дворе по воле императрицы, Нелидова с самого начала должна была окунуться в омут придворных интриг и всевозможных сплетен. Отчуждение малого, великокняжеского двора от большого, Екатерининского, не было ни для кого тайной, а внезапная кончина супруги Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны, знавшей Нелидову по институту и благоволившей к ней, повлекла за собою, тотчас после поступления Нелидовой ко двору, второй брак Павла с принцессой Виртембергской Софией-Доротеей, в православии нареченной Марией Феодоровной; молодая фрейлина участвовала даже при встрече новой своей повелительницы, при въезде ее в Россию, сопровождая назначенную императрицей для этой цели статс-даму, графиню Е. М. Румянцеву. Положение семнадцатилетней неопытной и несомненно даже наивной девушки, не имевшей среди придворных ни родственников, ни друзей, было бы при таких обстоятельствах не только затруднительным, но даже и опасным, если бы первые два года она не находилась под руководством известной по своим нравственным достоинствам графини Е. М. Румянцевой, которая в качестве гофмейстерины великой княгини заведывала ее фрейлинами, и если бы проницательный ум и твердый, самостоятельный характер Нелидовой не помогли бы ей быстро освоиться с новою для нее обстановкой. Во всяком случае, Нелидова должна была испытать много огорчений, прежде чем насторожилась и, утратив институтскую свою наивность, основательно узнала «придворную науку», чувствительно доказавшую ей на практике, что не всегда порок бывает наказан, а добродетель торжествует. Иными глазами, чем в институте, начала она смотреть и на императрицу, свою благодетельницу, хотя Северная Семирамида подверглась ее оценке по преимуществу с женской точки зрения. При виде натянутых отношений Екатерины к сыну, симпатии Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, как ей казалось, жертвы

материнской несправедливости: любезный, рыцарский характер молодого, 24-летнего великого князя, его выспренние стремления к правде и народному благу, как нельзя более отвечали институтским воззрениям на жизнь, а его религиозность и тихая семейная жизнь представляли слишком разительный контраст с образом жизни большого двора. С новою великою княгиней сближало Нелидову общее им обеим сентиментальное направление, любовь к природе и постоянные хлопоты по устройству маленьких придворных праздников, где Нелидова неизменно блистала своими сценическими талантами. Но в характере Марии Феодоровны было слишком много немецкой методичности, тогда как ее фрейлина отличалась чрезвычайною подвижностью и порывистостью, — тем, что она сама впоследствии называла «les bizarreries de caractère»; кругозор великой княгини ограничивался семейными и хозяйственными заботами, а строгое соблюдение кодекса нравственных правил уживалось у нее с практичностью, умением даже в мелочах применяться к обстоятельствам, тогда как Нелидова, поступив ко двору прямо из института, вынуждена была сама вырабатывать себе миросозерцание, вне круга семейных и домашних мелочей, и менее всего способна была, по свойствам своего характера, постоянно взвешивать свои слова и поступки; оттого Павел Петрович считал ее сначала страшно злою[19], а Мария Феодоровна вообще, следуя наставлениям своего супруга, осторожно относилась к своим фрейлинам[20] и смотрела на Нелидову несколько свысока, проводя свободное время с выписанною из Монбельяра подругой своего детства, Юлианой Шиллинг фон-Канштадт, которую она выдала замуж за майора гатчинских войск Бенкендорфа[21]. Из лиц, составлявших малый двор, Нелидова всего более сблизилась с фрейлиной Борщовой, подругой своей по институту, и товарищем детства великого князя, князем Александром Борисовичем Куракиным, легкомысленный и тщеславный нрав которого искупался, в глазах Нелидовой, его преданностью Павлу Петровичу и веселым характером.

Подробности жизни Нелидовой в первое время пребывания ее при дворе мало известны, но несомненно, что лучшей образовательной школой для нее послужило путешествие за границу, которое совершила она, в 1781–1782 г., в свите Павла Петровича и Марии Феодоровны, посетивших, под именем графа и графини Северных, Германию, Италию, Швейцарию и Францию. Лишь после возвращения великокняжеской четы из этого путешествия имя Екатерины Ивановны Нелидовой начинает часто встречаться в записках и письмах современников, имевших

случай следить за жизнью великокняжеской четы: о ней стали говорить, как о любимице Павла Петровича, или, что казалось тогда однозначащим, как о его любовнице. Действительно, за это время Нелидова приобрела при дворе великого князя особое значение. Чрез шесть-семь лет после выпуска своего из института, Нелидова сделалась серьезнее, опытнее, а положение великого князя значительно изменилось к худшему: Екатерина, устраняя сына от дел правления, относилась к нему подозрительно и удалила от него лучшего его друга, князя Александра Куракина, замешанного в дело Бибикова[22]; в то же время скончался граф Никита Иванович Панин, воспитатель Павла, имевший огромное влияние на великокняжескую чету и, с качестве опытного дипломата, умело руководивший ее поведением в смысле, враждебном Екатерине[23]. Лишившись людей, с которыми он издавна привык делиться мыслями и чувствами, Павел Петрович стал находить особое удовольствие в обществе Нелидовой, которая живостью своего ума, характером, искренностью и благородством своих суждений умела более других отвечать душевным его запросам. Любезный, рыцарский образ действий Павла придавал его вниманию к Нелидовой вид ухаживания, но первоначально ему придавала никакого значения даже супруга Павла, Мария Феодоровна, так как Нелидова была некрасива лицом.

Чувства Нелидовой к Павлу Петровичу проистекали, конечно, из чистого источника: положение Павла в царствование Екатерины, даже независимо от личных его свойств, несомненно должно было вызывать сочувствие; при том лица, окружавшие великого князя, видели, как впечатлительная, пылкая, порывистая натура Павла, под влиянием окружавших его тяжелых условий, с каждым годом изменялась к худшему: горячность сменялась постепенно раздражительностью, доходившею до бешенства, осторожность — крайней подозрительностью; вечное недовольство своим положением выражалось в сумрачном, суровом настроении духа, в мысли, что ему не оказывают и не хотят оказывать должного сану его уважения, а боязнь, что он окружен шпионами и врагами, действующими по наущению Екатерины и ее фаворитов, сделала его доверчивым к сплетням и наговорам интриганов, желавших заслужить внимание великого князя и вкрасться в милость к нему. Оттого психическая природа Павла Петровича начала постепенно показывать признаки расстройства: мозг и нервы его были слишком утомлены от постоянного напряжения в одном направлении. Образ мыслей Павла, нравственный мир его оставались возвышенны, благородны, по-прежнему, но его действия, как плод

расстроенного воображения и испортившегося характера, начинали уже смущать окружающих своею резкостью и непоследовательностью. Мало-помалу все друзья Павла стали, как будто сговорившись, смотреть на него, как на дорогого больного, нуждающегося в некотором присмотре и опеке. Цель у опекающих, при возможном единстве их интересов была одна — счастье Павла, и совместные действия опекающих, их, так сказать, дружеские заговоры, и увенчивались часто успехом, временно, в каждом отдельном случае. Но согласие друзей не могло продолжаться долго, так как вскоре выдвинулся вопрос о том, чье именно влияние на Павла должно было быть преимущественным; при том сам дорогой больной, почувствовав дружеские тиски и узнав о заботливом присмотре за собою, естественно захотел избавиться от непрошеных опекунов и показать себя самостоятельным. Тогда-то, вслед за разрушением дружеского союза, наступил удобный момент для действия разного рода интриганов, и стали вырастать в своем значении едва заметная сначала фигура главного из них, великокняжеского камердинера и брадобрея, Ивана Кутайсова.

Великая княгиня Мария Феодоровна в глубине души едва-ли могла быть довольна тем, что некоторое влияние на ее супруга имеет другая женщина, ее фрейлина. С другой стороны, Нелидова, естественно, увлекалась своею ролью друга Павла Петровича: ее самолюбию льстило влияние, приобретенное ею над его умом, и она не замечала, сколько затаенной горячи должно было накипать в душе Марии Феодоровны всякий раз, когда сила влияния Нелидовой как бы подчеркивала ее собственную слабость. Несомненно, что таких случаев было очень много в жизни великокняжеского двора[24], в особенности когда Павел Петрович уединялся на летнее и осеннее пребывание в Павловск и Гатчину. При всем том, Мария Феодоровна, вероятно, сумела бы скрыть свое огорчение по этому поводу и примениться к обстоятельствам, если бы возле нее не было подруги ее детства, г-жи Бенкендорф, которая, играя сначала главную роль при великокняжеском дворе, обнаруживала нерасположение к русским фрейлинам[25], и, конечно, не радовалась возвышению Нелидовой. Нелидова предчувствовала, что в будущем ей предстоит борьба с великой княгиней, и хотела заранее удалиться, зная хорошо, что успех будет не ее стороне; еще перед отправлением своим в Финляндию, надеясь участвовать в военных действиях, Павел прислал Нелидовой краткую, но многозначительную записочку на клочке бумаги: «знайте, что умирая я буду думать о вас»[26]. Но знаки внимания великого князя, его аффектация, проявлявшаяся на глазах у всех, также

имела свою оскорбительную для Нелидовой сторону: уже с 1785 года при дворе и в обществе, по замечанию современника, «Нелидова была любовницей Павла»[27].

Как бы ни были убеждены многие современники в справедливости этих слухов, но ложность их можно считать доказанною. Привязанность Павла к Нелидовой объясняется исключительно психологическими мотивами и той противоположностью, которая сказалась вполне определенно в это время в личностях Марии Феодоровны и ее фрейлины. Им обеим было около 30-ти лет. Великая княгиня была очень красива, высока ростом, белокура, склонна к полноте и близорука; обращение ее было крайне скромно, — до того, что она казалась слишком строгою и степенною (по мнению некоторых — скучною). Нелидова была маленькой брюнеткой, с темными волосами, блестящими черными глазами, с лицом некрасивым, но весьма выразительным; по свидетельству современников она танцевала с необыкновенным изяществом и живостью, а разговор ее, при совершенной скромности, отличался остроумием и блеском[28]. По душевному своему настроению и складу своего ума, Мария Феодоровна постепенно расходилась с своим супругом все более и более, тогда как в беседе с Нелидовой Павел Петрович находил видимое себе удовлетворение. Бурный, мечтательный, отчасти мистический ум Павла, измученного в его трудном положении нравственной борьбой, искал средств согласить действительность с высшими идеальными воззрениями; вместе с тем, великий князь никогда не забывал, что он будущий русский самодержец, и даже военным своим занятиям, страсти своей к мелочам военного дела, придавал серьезный характер подготовки к будущим своим государственным обязанностям. Между тем, Мария Феодоровна, не умея владеть умом своего супруга и обуздывая порывы его раздражительности лишь кротостью и терпением, противопоставляла государственным заботам Павла — хлопоты пред императрицей о делах немецкой своей родни, его неудовлетворенным стремлениям к высшей правде — возможно спокойное, прозаическое отношение к жизни, способность мириться с обстоятельствами и даже применяться к ним. Всего менее Павел Петрович мог успокоиться на сентиментализме Марии Феодоровны, мало интересовался ее занятиями искусствами и хозяйством и вовсе не находил себе утешения в тех театральных зрелищах, литературных чтениях и невинных играх, которыми Мария Феодоровна наполняла свои досуги и думала развлекать своего сумрачного, скучавшего цесаревича[29]. Дети, являющиеся обыкновенно связующим звеном между родителями, даже мало симпатизирующими друг

другу, не могли играть этой роли в жизни великокняжеской четы: Екатерина забрала к себе своих внуков и внучек и давала им воспитание согласно собственным своим воззрениям, не считая нужным справляться о чувствах отца и матери. При всем том, Павел Петрович высоко ценил семейные добродетели Марии Феодоровны и относился к ней с уважением и благодарностью. Тем не менее, после Финляндского похода сделалось совершенно ясно, что умом Павла и сердцем его владела Нелидова. Ее отношения, юмор, живость, даже ее «bizarreries de caractère», вполне отвечали характеру Павла, который в обществе своей супруги находил наоборот размеренную немецкую аккуратность и методичность. Смелость, решительность действий молодой фрейлины, не боявшейся откровенно выражать свои мнения, внушали доверие к ее искренности, тогда как покорность Марии Феодоровны всегда казалась Павлу пассивным противодействием и имела вид молчаливого протеста. Набожность Павла была мечтательная и тесно связана с мистицизмом, и в этом отношении не мог он не ценить выспреннего, склонного к вере во все таинственное ума Нелидовой[30]. Наконец самолюбию цесаревича льстила самоотверженная, бескорыстная преданность молодой девушки, идеализировать которую и платонически поклоняться ей было в рыцарских его видах. Зато Нелидова с чисто женским чутьем умела понять характер великого князя и хорошо владела его темпераментом, что не далось его супруге. В одном из позднейших своих писем к Павлу Петровичу и Марии Феодоровне, уже занимавшим в то время императорский трон, сама Нелидова, со свойственною ей искренностью, нарисовала одну из тех бытовых сцен, которые весьма часто, вероятно, происходили между царственными супругами.

«Каждый день, — пишет она, — меня радует хорошая погода мыслью, что моя добрая и дорогая императрица пользуется прогулкою, столь нужною для нее, и что император в лучшем расположении духа, ибо, не в гнев будь сказано его величеству, у меня есть маленькое подозрение, основанное на маленьких доказательствах, что погода действует на его физическое состояние, физическое на нравственное, оно же в свою очередь на нравственное состояние других, и т. д. и т. д., и вот добрые друзья спрашивают его голосом не совсем твердым: «что с вами, не рассердили ли вас чем-нибудь?» И вот он им отвечает, с видом и тоном глубокого убеждения: «ничего со мной не делается. Это вы в дурном расположении духа и стараетесь во всем мне перечить». И вот мы начинаем оправдываться, а над нами разражается гром словами: «О, если так, так я уеду куда-нибудь». Поэтому-то, когда я вижу хорошую погоду, мое воображение рисует мне сцены

иного рода, на которых оно любит останавливаться и я вижу ту физиономию, которая так часто заставляет всех говорить: «у императора — прелестная физиономия, когда он спокоен». И вот тот пункт во всей истории, на котором я хочу остановиться»[31].

Сама Нелидова иначе поступала с Павлом, даже после восшествия его на престол. «В характере Павла, — замечает Саблуков, — было истинное благородство и великодушие, и хотя он был ревнив к власти, но презирал те лица, которые слишком подчинялись его воле в ущерб истине и справедливости, а уважал тех, которые для того чтобы защитить невинного, бесстрашно противились вспышкам его гнева»[32]. Саблуков, бывший на карауле в Гатчинском дворце, был однажды свидетелем следующей сцены. Около самой офицерской караульной комнаты, — пишет он, — была обширная прихожая, в которой стоял караул, а из этой прихожей длинный, узкий коридор вел во внутренность дворца, и тут поставлен был часовой, чтобы вызывать караул каждый раз, как император шел оттуда. Вдруг я услышал крик часового: «на караул!» выбежал из моей комнаты, и едва солдаты успели схватить свои ружья, а я обнажить свою шпагу, как дверь коридора отворилась настежь, а император, в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге, поспешно вошел в комнату, и в ту же минуту дамский башмак, с очень высоким каблуком, полетел чрез голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император чрез мою комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла Катерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак, надела его и вернулась туда же, откуда пришла. На следующий день, когда я снимал караул, его величество пришел и шепнул мне: «Mon cher, у нас вчера была ссора». — «Точно так, государь», — отвечал я[33]. В это время (1797 г.) Нелидовой было уже 39 лет, но отношения ее к Павлу, очевидно, не изменились ни на йоту.

Конечно, весьма трудно, иногда даже невозможно, проникнуть в тайники человеческой души, недоступные даже самопознанию, но насколько можно думать, самолюбию и гордости Нелидовой должно было льстить влияние, приобретенное ею над Павлом Петровичем, и неудивительно, что постепенно она сама, в своей восторженности, пришла к убеждению что сам Бог предназначил ее охранять цесаревича и руководить им для общего блага[34]. Сознание чистоты своих отношений к нему укрепляло Нелидову, среди шума возникших неблагоприятных о ней толков, продолжать свои сношения с Павлом. «Знаете ли вы, — писала она однажды Павлу, — почему вы любите ворчунью? это потому, что сердце ваше знает лучше, чем ваш ум, и что, несмотря на все предубеждения последнего,

первое отдает ей справедливость». «Разве я когда-либо, — писала она Павлу незадолго до его кончины, смотрела на вас, как на мужчину? Клянусь вам, что я не замечала этого с того времени, как к вам привязана; мне кажется, что вы — моя сестра»[35]. Чисто нравственный, даже религиозный характер связи Павла с Нелидовой, имевший отчасти мистическую подкладку, неоднократно, засвидетельствован был самим Павлом, всегда искренним, всегда глубоко-религиозным. Посылая Нелидовой одну книгу духовного содержания, Павел писал ей:

«В ком заключается высшее благо, — если не в Том, Кому я полагаю свое счастие поручать вас на каждом шагу моем в течение дня? Смею это высказать: связи, существующие между нами, их свойство, история этих отношений, их развитие, наконец все обстоятельства, при которых и вы, и я, провели нашу жизнь, — все это имеет нечто столь особенное, что мне невозможно упустить все это из моей памяти, из моего внимания, в особенности же в будущем… По моему мнению, я своею книгою делаю вам великий подарок, ибо заставляю вас думать о Боге, чтобы еще более вас к Нему приблизить. Тем самым я и себе делаю величайший, истинный подарок. Таков мой способ любить тех, которые мне дороги; пусть отыскивают во всем этом что-либо преступное. Читайте, добрый друг мой, открывая книгу по произволу и на удачу: не наблюдайте ни времени, ни правил, но когда явится на то желание Простите мне все это; будьте снисходительны к человеку, любящему вас более, чем самого себя, и в этом духе примите все. Единому Богу известно, насколько и во имя чего вы мне дороги; призываю на вас самые святые Его благословения и остаюсь весь ваш, слуга и друг»[36].

В начале 1790 г. уже после возвращения своего из Финляндии, когда Павел был серьезно болен и думал о смерти, он, в виду всеобщих нападок на Нелидову, которую считали его любовницей, написал императрице трогательное письмо в ее защиту, прося мать не оставить ее своим вниманием в случае его смерти.

«Мне надлежит, писал он между прочим, совершить пред вами, государыня, торжественный акт, как пред царицею моею и матерью, — акт, предписываемый мне моею совестью пред Богом и людьми: мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьею и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем Судилищем, пред которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред ним с совестью, свободною от всякого упрека,

как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою своей крови? Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог»[37].

Великий Князь Павел Петрович (1780-е годы)
С миниатюры, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Вел. Кн. Николаю Михайловичу.

Уже энергический, отчаянный, если можно так выразиться, тон этого письма ясно указывает, как много накипело горечи и

негодования в душе Павла, когда он увидел, что клевета стремилась загрязнить репутацию существа, которое он считал самым дорогим для себя на свете; но, вместе с тем, существование этой клеветы, пустившей глубокие корни в обществе, не только не сделало его более осторожным, а, напротив, заставило его удвоить, утроить публичные знаки уважения к девушке, напрасно оклеветанной и униженной, по его мнению, из-за него и терпевшей все ради него же. Нелидова не скрывала своего желания удалиться от двора, где ее положение становилось невыносимым вследствие натянутых отношений к ней Марии Феодоровны и ее наперсницы, г-жи Бенкендорф. Мария Феодоровна не вникала, да и не хотела вникать в смысл дружбы Павла и Нелидовой: уверенная в платоническом ее характере, она все-таки, с женской точки зрения, возмущалась близостью отношений своего супруга к своей фрейлине, как бы чувствуя себя лишней в их продолжительных беседах, в их нескрываемом духовном единении: тяжело было ей думать, что душа великого князя как бы принадлежит другой женщине. Естественно, она стала стремиться к удалению Нелидовой от двора и вооружать против нее окружающих, вполне искренно приписывая ей самые дурные намерения.

«До меня дошли слухи, — пишет Ржевская-Алымова, — о частых размолвках, происходивших в домашней жизни великокняжеской четы: Причиною этого была г-жа Нелидова, овладевшая умом великого князя… Живя вдалеке от двора, я не хотела верить этим сплетням. Мой заклятый враг, г-жа Бенкендорф (у которой я не бывала и которая не ездила ко мне), подтверждала мне верность всего слышанного мною. Она явилась ко мне с поручением передать мне обо всем, завербовать меня в приверженицы великой княгини и заставить противодействовать ее врагам. Я неспособна была к интригам и со свойственною мне прямотой искренно пожалела о великой княгине, обещая быть ей преданнее, чем когда-либо. Любя великого князя, я сначала не хотела мешаться в это дело. Однако я поговорила откровенно с г-жей Нелидовой, высказав ей свой образ мыслей. Она нисколько не рассердилась на меня, а великий князь, с которым я встречалась лишь в обществе, продолжал оказывать мне величайшее внимание»[38].

Цесаревич не остался, однако, равнодушен к действиям г-жи Бенкендорф и других лиц, сочувствовавших Марии Феодоровне, как, например, Лафермьера, и удалил их от двора. Влияние Нелидовой на Павла сделалось тогда общепризнанным фактом, и Мария Феодоровна, как передают современники, жаловалась тогда на свое несчастье императрице. Говорят, что Екатерина

вместо ответа подвела Марию Феодоровну к зеркалу и сказала: «посмотри какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre; перестань кручиниться и будь уверена в своих прелестях»[39]. Много лет спустя Нелидова сознавалась Марии Феодоровне, что императрица выразила ей даже свое желание, чтобы она оставалась при великокняжеском дворце[40]. Этому признанию Нелидовой можно вполне дать веру, так как в преданности себе Нелидовой императрица не сомневалась, а раздор между Павлом Петровичем и его супругою мог быть ей только приятен: уже в это время думала она о назначении Александра Павловича своим преемником и об отрешении отца его от престолонаследия, и содействие Марии Феодоровны для этой цели представлялось ей необходимым[41]. Князь Ф. Н. Голицын, близко знавший придворные интриги того времени, утверждает даже, что Екатерина, будто бы, сама заботилась поселить охлаждение между сыном и невесткой и орудием для этого избрала барона Сакена, который уверил великого князя, что посредством Марии Феодоровны им управляет г-жа Бенкендорф и Лафермьер, и таким образом нанес страшный удар его самолюбию[42]. Как бы то ни было, но жалоба Марии Феодоровны императрице не имела реальных последствий, и Нелидова оставлена была при Павле, а Мария Феодоровна оказалась в высшей степени тяжелом и трудном положении. «Фрейлина Нелидова, — говорит Ф. Н. Голицын, — вела себя похвально и не причиняла неприятностей великой княгине, но тем не менее ее высочество, лишась искренности и любви своего супруга, принуждена была вести себя совсем не по-прежнему и в обращении и в речах быть скромнее и осторожнее. Здесь можно беспристрастно сказать в похвалу сей августейшей особе, что нельзя более употреблять терпения и снисхождения, как она употребляла»[43].

III

Душевное настроение великой княгини Марии Феодоровны. — Партии, образовавшиеся при великокняжеском дворе, — С. И. Плещеев. — Значение личности Нелидовой для Павла Петровича. — Стремление Нелидовой удалиться от двора. — Переписка ее с Куракиным. — Удаление Нелидовой в Смольный монастырь. — Новое положение ее при великокняжеском дворе и его значение.

При всей сдержанности Марии Феодоровны, душевное настроение ее в это время, вследствие положения, занятого при дворе Нелидовой, было ужасное, и скорбь свою она изливала в письмах своих к старому, испытанному другу Павла, Сергею Ивановичу Плещееву, масону, руководившему религиозным чтением цесаревича.

«С маленькой (la petite, как презрительно называла она Нелидову) мы держимся весьма прилично, но, признаюсь, с того времени, как мы сошлись с нею таким образом, с нею обращаются свободнее, ласкают ее более и даже перед публикою. Demoiselle чрезвычайно фальшива: это проявляется во всем, что она рассказывает; но все это не смущает меня; я буду следовать своему пути в убеждении, что он угоден Богу». В начале 1792 года, великая княгиня, находившаяся в то время в ожидании родов, писала Плещееву: «Вы будете смеяться над моею мыслью, но мне кажется, что при каждых моих родах Нелидова, зная, как они бывают у меня трудны и что они могут быть для меня гибельны, всякий раз надеется, что она сделается вслед затем второй m-me де-Ментенон. Поэтому, друг мой, приготовьтесь почтительно целовать у ней руку и особенно займитесь вашей физиономией; чтобы она не нашла в этом почтении насмешки или злобы. Я думаю, что вы будете смеяться над моим предсказанием, которое, впрочем, вовсе не так глупо»[44].

С другой стороны, лица, составлявшие великокняжеский двор, отчасти недовольные преобладавшим влиянием г-жи Бенкендорф, отчасти в угоду великому князю и в надежде, в свою очередь, достигнуть каких-либо личных выгод, или прямо стали поклоняться новому светилу, или, по меньшей мере, сторонились Марии Феодоровны. Так, ближайший друг и советник Павла, князь Александр Борисович Куракин, имевший позволение от императрицы приезжать лишь по временам из саратовского имения своего Надеждино, куда он был выслан на жительство, — писал цесаревичу из деревенского своего уединения; «Я всегда

разумел вас, как следует, мой дорогой повелитель (mon cher maitre), всегда ценил значение и свойство того чувства, которое привлекает вас к вашей приятельнице; знаю, как много своим характером и прелестью ума своего содействует она вашему благополучию, и поэтому желаю искренно, чтобы ваша дружба и доверенность к ней продолжались. Пчела, собирая мёд для улья своего, не садится на один только цветок, но всегда ищет цветка, в котором меду более. Так поступают пчелы. Не также ли должны действовать и существа, одаренные разумением, чувствительностью, с истинным достоинством способные направлять свои желания и поступки к лучшему и к тому, что их удовлетворяет и наиболее им приличествует?»[45].

Лица, приближенные к Павлу, думали только выиграть в своем значении от соперничества между Нелидовой и Марией Феодоровной: именно в это время выросло могущественное влияние на Павла его камердинера и брадобрея, Ивана Павловича Кутайсова, которого звали еще тогда просто Иваном: он ловко пользовался минутами, когда оставался глаз-на-глаз с своим господином; вкрадывался постепенно к нему в доверие и, помогая сначала влиянию Нелидовой, вслед затем, за ее спиной, сам сделался всемогущим фаворитом, вовсе отстранив от Павла и Нелидову, и Марию Феодоровну. Даже медики, состоявшие при великокняжеском дворе, разделились на партии: одного из них, Фрейганга, поддерживала Нелидова, другого, Бека, — Мария Феодоровна; из них Фрейганг, по свидетельству Растопчина, заботясь о физическом здоровье Павла Петровича, простирал свои заботы и на нравственное его существо, одинаково отравляя то и другое. Главною поддержкою Нелидовой при дворе являлся, однако, любимец Павла, полковник Вадковский, — тот самый Вадковский, который сопровождал Павла в Финляндском походе. Из новых лиц, находившихся при дворе Павла, потерпел за свое участие к положению Марии Феодоровны граф Н. П. Панин, если верить его собственному рассказу о том[46], тогда как секретарь Марии Феодоровны, Николаи, держался в стороне от обеих партий, стараясь только о том, чтобы не навлечь на себя гнева ни Павла, ни его супруги.

Что же думала, как смотрела на свое положение сама Нелидова? Ответ на этот вопрос представляют письма ее за описываемое время к тому же князю Александру Борисовичу Куракину, который так красноречиво сравнивал Павла с пчелою и был в то же время в дружеской переписке с Нелидовой: в письмах этих Нелидова только и говорит о тягости своего положения при дворе и мечтает о тихой жизни в Смольном[47]. Без сомнения, она не раз пробовала осуществить это свое желание. В этой

решимости подкреплял ее Плещеев, глубоко скорбевший о несогласиях в жизни великокняжеской четы и еще в 1790 году убеждавший Нелидову прекратить свои отношения к Павлу Петровичу.

«Вы сказали мне, m-lle, — писал он ей, — что по мнению, которое вы создали обо мне, вы надеетесь, что я не изменю своей привязанности к великому князю и не покину его при настоящих обстоятельствах. В чем же заключаются эти обстоятельства, и на какую поддержку с моей стороны вы рассчитываете? Я думаю, что я доказал и свое усердие, и верность великому князю, объяснив ему, даже опасаясь навлечь на себя его немилость, неправильность его поведения в его несчастной связи с вами. Мне известно, как и вам, что связь эта не имеет сама по себе ничего преступного: я знаю вас и слишком уважаю вас обоих, чтобы питать в этом отношении хотя бы малейшее подозрение. Боже, сохрани меня от этого! Но можете ли вы, m-lle, утаить от себя несчастье, раздор и уныние, которое связь эта породила в великокняжеском семействе? Можете ли вы не замечать чудовищного пятна, которое наложила она на репутацию великого князя и на вашу, а также тех несчастных последствий, которые могут произойти от этого? Если вам не приходилось до сих пор серьезно об этом поразмыслить, я прошу вас, как милости, принять в соображение все, что здесь происходит: вникнуть в ужасное недоразумение, существующее между обоими супругами, поразмыслить над теми толками, которые одинаково вредят и вашей чести, и чести великого князя, а между тем нераздельно связаны с внешним характером и продолжением вашей связи. Подумайте об укоризнах, которые вы навлекли на себя со стороны всех, нарушая мир особ, возбуждавших до сих пор удивление и почтение своим замечательным единением. Вспомните, наконец, о том страшном отчете, который вы должны будете представить на Верховном Судилище за то, что вы не приложили своих стараний для водворения согласия между сторонами, которые вы столь несчастно разъединили, хотя и не по своей вине. Я не сомневаюсь, что размыслив обо всем этом с полным вниманием, вы воодушевитесь мыслью принять какую-либо действительную меру, могущую водворить мир в возмущенных сердцах и особенно в сердце великого князя, который, кажется, очень в том нуждается и в котором вы принимаете участие. Уверяю вас, что сделав это, вы лучше всего засвидетельствуете пред великим князем свое участие к нему, это также есть лучший совет, который я могу предложить вам, и единственное средство, которым мне возможно доказать свою верность и привязанность к великому князю и мою заботу о

вашем истинном благополучии»[48]. «Удаление Нелидовой, — говорил другой современник, удовлетворит желаниям всех честных людей и заставит забыть огорчения, которые причинила великой княгине эта история. Высокие добродетели великой княгини заставили всех сочувственно отнестись к ней: нет женщины, которая более ее заслуживала бы лучшей судьбы»[49].

Слушая все эти речи и читая их в глазах окружающих, Нелидова должна была желать удалиться от двора, хотя бы для того только, чтобы доказать всю их неосновательность.

В действительности, друзья Павла сами не знали, чего хотели. Для них, как мы имели случай уже заметить, истинный характер его отношений к Нелидовой не был тайной, и Плещеев, например, лучше, чем кто либо, знал внутреннюю борьбу, происходившую в глубине души цесаревича, и вместе с другими скорбел о его необдуманных поступках, бывших последствиями его впечатлительного и раздражительного нрава. Но нельзя не видеть, что действия Плещеева нисколько не могли улучшить положения Павла. Ему он твердил о необходимости смирения и самообладания, Нелидовой писал, что великий князь нуждается в душевном спокойствии, а между тем старался удалить от него единственное существо, которое могло иметь власть над умом и темпераментом великого князя, и чистота намерений которого, по собственному сознанию Плещеева, была вне всяких подозрений. Равновесие в душевном складе Павла Петровича уже давно было нарушено, его темперамент все чаще и чаще заставлял молчать его ум и сердце; сама Мария Феодоровна давным-давно устраивала дружеские заговоры против своего супруга, чтобы предотвратить печальные последствия его раздражительного и пылкого нрава. Но и прежде эти заговоры требовали участия Нелидовой, уже тогда стала ясной слабость влияния на Павла его супруги: восприимчивая, подвижная природа великого князя, податливого на чужие внушения, не терпела, однако, над собой ничьего прочного продолжительного господства, и внезапные переходы, иногда по самым ничтожным поводам, от гнева к милости, от крайней доверчивости к самой мелочной подозрительности, замечались у него даже в детские его годы. Павел Петрович всегда находился под чьим-либо влиянием, но этим влиянием определялся не образ его мыслей, а характер его действий которым легко было управлять. Поэтому доверие и предпочтение, оказываемое Павлом умной, честной и просвещенной Нелидовой, должно было бы только радовать его друзей: при нервном отношении Павла Петровича к революционному духу времени, при нравственной лихорадке, им переживаемой, Нелидова, пользуясь дружным содействием всех

лиц, окружавших цесаревича, бесспорно уже тогда была бы и другом Марии Феодоровны, каким она сделалась несколько лет спустя; при этом условии не возникло бы и тех толков, которые ходили по поводу Нелидовой. Но характер цесаревича еще не проявлялся в это время во всей его резкости, Нелидова была девушкой, и самые искренние друзья великокняжеской четы в возвышении Нелидовой видели унижение Марии Феодоровны и своими якобы примирительными действиями сами обостряли отношения между царственными супругами[50]. Замечательно, что в обществе, при всех неблагоприятных для Нелидовой толках, умели все-таки оценить смысл ее влияния. «Великая княгиня, — рассказывает Болотов, — не однажды не только говорила, но и просили еще сию госпожу, чтобы она связь сию разрушила, но что она будто всегда ей ответствовала, что она может, конечно, сие сделать и уговорить цесаревича сие оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было хуже, и что сие единое и почтение ее к ней ее от того удерживает»[51].

В начале 1792 года произошли, однако, события, которые вынудили Нелидову, помимо великого князя, обратиться к императрице непосредственно с просьбой об увольнении: великий князь поссорился с государыней, жестоко оскорбил Марию Феодоровну, говоря, что она готовит ему участь Петра III, и вслед затем уехал в Гатчину, где находилась Нелидова. Ее влиянию и приписали все эти выходки великого князя. Вся эта история нашла себе место в петербургской корреспонденции парижской газеты «Moniteur Universelle» от 24-го апреля нового стиля 1792 года, причем передавались в извращенном виде и слухи об отношениях Нелидовой к Павлу. Это и было, кажется, последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, 25-го июня, через две недели после рождения великой княжны Ольги Павловны, Нелидова подала императрице свою просьбу об увольнении от придворной должности и о дозволении жить в Смольном монастыре, прибавляя с ударением, что она возвратится туда с сердцем столь же чистым, с каким она его оставила[52]. Великий князь, узнав об этом, крайне огорчился и настоял на том, чтобы просьба Нелидовой взята была ею обратно. Мария Феодоровна и на этот раз не оценила поступка своей фрейлины, утверждая, что ее просьба была лишь одною «комедией», что Нелидова желала только «сделаться более интересною и заставить себя удерживать»[53]. С другой стороны Куракин писал великому князю: «Новость, которую вы изволили сообщить мне, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша приятельница, после стольких опытов вашей дружбы и вашей доверенности, дозволила себе возыметь

намерение вас покинуть? И как могла она при этом решиться на представление письма императрице, без вашего ведома? Мне знакомы ее ум и чувствительность, а чем более я думаю, тем понятнее для меня причины, столь внезапно побудившие ее к тому. Во всяком случае я рад, что дело не состоялось, и что вы не испытали неудовольствия лишиться общества, к которому вы привыкли. Чувствую, что вам тяжело было бы устраивать свой образ жизни на новый лад, и вполне представляю себе, как в первые минуты этот неожиданный поступок должен был огорчительно подействовать на вас»[54].

«Я читала ваше последнее письмо к вашему другу (Павлу), — отвечала ему сама Нелидова, — и видела, как вы удивлены поступком, в котором нет ничего не совместного с тою привязанностью и глубокой благодарностью, которые я питаю к вашему другу, и которых ни разлука, ни время не могут ослабить… Я вас прошу, однако, принять в соображение, что согласно с моим постоянным образом мыслей и моим постоянным желанием окончить свои дни в том мирном убежище, где я получила воспитание, — я не могла найти более удобного момента, чтобы привести свой план в исполнение, как тот, в котором я вижу единственного человека, привязывающего меня к моему месту, в спокойном состоянии, после того, как он, так сказать, принудил других признать, что он думал только о их счастии и спокойствии, так что они не могут уже заподозрить его мотивов или сомневаться в его принципах. Впрочем, мой дорогой князь, присутствие такой мало полезной подруги, как я, важно ни для кого. Я слишком хорошо себя знаю, чтобы не чувствовать, как мало я значу во всех отношениях. Мои друзья могут придавать мне некоторую цену лишь вследствие искренности моих чувств к ним»[55].

В дальнейших письмах своих к Куракину Нелидова делается, однако, более откровенною и находит новые, неожиданные причины жалеть о неудаче своей попытки удалиться от двора: она замечает, что характер великого князя с каждым днем становится хуже, и что постоянная борьба с его раздражительностью ей становится не под силу. «Различные сцены, которые происходят у меня пред глазами, — писала она, — для меня так непонятны, что я вижу, что сердце этого человека — лабиринт для меня. Я не сделаю ничего, чем бы я боялась скомпрометировать своих друзей, но я решилась, и даю в том клятву пред Богом, сделать вторую попытку удалиться от двора»[56]. В начале 1793 года, Павел, по неизвестной причине, как оказалось потом, под влиянием «Ивана», то есть Кутайсова[57], разгневался на своего «тридцатилетнего друга», то есть Александра Борисовича

Куракина, приехавшего из своего имения на короткое время в Петербург, выставляя предлогом, что он не представился ему тотчас по приезде. Усилия Нелидовой помирить друзей, которые, вместе с тем, были и ее друзьями, оставались безуспешны, и Мария Феодоровна имела право писать Плещееву в это время: «Скажите, мой добрый Плещеев, что такое происходит? Я вижу только печальные лица. Маленькая (то-есть Нелидова), имеет скорбный вид и в дурном настроении духа; супруг мой также сумрачен, и таким он является даже по отношению ко мне. Я замечаю, что есть нечто, что волнует его внутренне. Он часто спорит с маленькой; все это наводит такое стеснение и уныние на наше общество, что никто не открывает рта. Я предполагаю, что великого князя что-то мучит, но не сумела определить, что именно; сознаюсь, что это очень беспокоит меня, хотя я и стараюсь сохранить спокойный вид. Мне кажется, что Куракин на дурном счету; в конце концов, мы уже не видим счастливых»[58]. С своей стороны Нелидова писала тогда Куракину: «Ваше сердце не может быть более растерзано, чем мое. Я готова отказаться от всего, я не сумела проявить умеренности, которой обстоятельства, быть может, требовали от меня по отношению к характеру, столь живому и впечатлительному, как его (то-есть Павла)… Сердце мое возмущается, когда я представлю себе, что происходит в душе его… Уже давно я стараюсь уничтожить в сердце моем все то, что заставляет меня входить в его интересы[59]… Но вы, дорогой князь, будьте к нему снисходительны, окажите хладнокровие, которого не было у меня, которого, быть может, я не должна была даже сохранять. Дело в том, что он не отдал себе отчета в чувствах, которые породил в нем вид небрежности по отношению к нему с вашей стороны после восьмилетнего отсутствия вашего. Покажите себя, дорогой князь, великодушнее, чем другие… Ваша благородная снисходительность и мягкость заставят почувствовать свои ошибки душу, которая не лишена вовсе доброты и доступна угрызениям совести… Всем известна его привязанность к вам, знают, что он умеет беречь тех, которые для него дороги. Увы, все думают что он меня любит, и в то же время все видят, что, он поступает со мной так же, как вчера с вами. Это должно, по крайней мере, успокоить вас по отношению к мнению, которое могли бы составить себе свидетели происшедшей сцены»[60]. Кончилось дело тем, что Куракин написал Павлу письмо, составленное Нелидовой, в котором умолял его сохранить к нему дружбу, которая продолжалась уже 30 лет. Замечательно, что уже в этом случае обращались к услугам «Ивана», то-есть Кутайсова. «Кутайсов только что пришел ко мне, — писала Куракину

Нелидова, — и я спрашивала у него объяснений о вашем деле. Он сказал мне, что, прочитавши ваше письмо, он (то-есть Павел) был тронут и приказал сказать вашему слуге, чтобы он передал вам, чтобы вы хорошо спали и провели ночь спокойно»… «Не думайте больше о своем отъезде, — прибавляла Нелидова, — это было бы хуже всего при данных обстоятельствах»[61].

Сама Нелидова, однако, не выдержала пытки своего положения при дворе и в сентябре 1793 года исполнила свою клятву — добилась у императрицы увольнения от придворной должности с дозволением поселиться в Смольном монастыре, убедив на этот раз и великого князя подчиниться своему решению. Нелидова с понятным облегчением оставляла двор, где, по ее признанию, «она испытала гораздо более печали, чем радостей». «Друг наш (Павел), — писала она Куракину, — я не могу отрицать этого, был чрезвычайно взволнован и огорчен моим поступком и особенно его успехом в более сильной степени, чем я желала бы видеть это; но это для него случай показать ту твердость, в которой он будет иметь надобность при обстоятельствах, гораздо более важных, и я надеюсь, что и в настоящее время он ее выкажет: теперь он несравненно спокойнее. Я не могу еще определить время окончательного своего отъезда, потому что друг наш требует, чтобы это время года (осень) я провела вместе с ним; он желал бы, чтобы так же точно поступала я каждое лето, а зимою каждый вечер у него ужинала. Хотя я уже получила некоторые уступки по этим двум пунктам, я, однако, не посмела и не захотела, в виду наступления празднеств, в течение которых я желала бы видеть его ясным и спокойным, — выразить ему свой образ мыслей о дальнейшем своем поведении, как мало я рассчитываю следовать его приглашению; пусть он думает, что я с ним согласна, и пусть в этом смысле истолкует мое молчание. Завтра великая княгиня представит меня ее величеству, чтобы благодарить ее за изъявленную мне милость и за приданое (la dot)[62], которое мне уже прислали сегодня вечером, но которого я не могла принять, будучи на вечернем собрании. Приданое это состоит, я думаю, из 4000 рублей. Великая княгиня также дает мне приданое в 6000 рублей вместе с ежегодной пенсией в 600 рублей: это больше, чем я могу желать. Но так как нет добра без худа, то и независимость, которой я успела добиться, не свободна будет от уз признательности, а между тем, Богу известно, как я была бы признательна всем, если бы не была обязана питать это чувство по отношению к кому-либо. Надежда, которую я таила в этом отношении в своем сердце, таким образом обманута, и в особенности я недовольна тем, что великая княгиня сделала для

меня то, что не было бы уделом другой (фрейлины). Какое бы удовольствие я чувствовала тогда! Что касается нашего друга, то я очень беспокоюсь, но это совсем по другому чувству: я знаю, что у него мало средств. Он не объяснял своих намерений, но то, что вырвалось у него, дает мне достаточно понять, что я буду одним из тех лиц, на которых он уже проявлял свою щедрость, и мое сердце сжимается при мысли, что его душе доставит удовольствие то именно, что мучит мою душу. Я уже объясняла ему самым почтительным образом, как мало нужды у меня в его щедрости, особенно при том увольнении, которое я избрала для себя и на которое я имела счастие получить разрешение. Вам, дорогой князь, не трудно будет понять, как отрадно было бы для меня не быть в тягость его кошельку, хотя я ни на минуту не сомневаюсь в его сердце. Вот почти полное изложение всех моих здешних огорчений в настоящее время; что касается до удовольствий, то они заключаются в надежде быть счастливою и спокойною, не возмущая счастия и спокойствия других. Сохраните, дорогой князь, свою столь чистую привязанности к нашему другу, и мое сердце всегда будет радоваться при мысли, что такой достойный человек останется ему верен при всяком испытании… Я надеюсь на это и со слезами молю об этом Всевышнего для счастия нашего друга, потому что только в подобных вам людях найдет он свое счастие и покой (sic). Он искренно вас любит и требует от вас, быть может, только больше того, что вы можете исполнить, т. е. чтобы чаш образ жизни более согласовался с его жизнью. Вы увидите это, если вы сможете сделать усилие над самим собою и оправдать таким образом часть надежд, которые я питаю для вас обоих. Что касается до моей жизни в Смольном, то у вас ложные в этом отношении представления. Я найду себе тысячу радостей в жизни с людьми, которые меня воспитали, которых я бесконечно уважаю и чувства которых ко мне никогда ничто не могло изменить. Если не могу иметь счастия думать, m-me Делафон проживет довольно долго, чтобы сделать меня на долгое время счастливою в этом заведении, то я по крайней мере питаю надежду, что меня переживут некоторые из дам этого чрезвычайно приятного общества, которые были моими воспитательницами и моими друзьями прежде выпуска моего из монастыря, который представляется вам гадким и скучным местом. Вы забываете, что, благодаря доброте нашего друга, у меня прекрасная библиотека, у меня моя арфа, мои карандаши — все предметы, которые так хорошо служили мне к развлечению в моменты, когда мне приходилось страдать. Я воспользуюсь там еще совершенно новым для меня удовольствием — видеть вырастающими на моих глазах юных моих родственниц, успехи

которых каждую минуту будут напоминать мне благодеяние нашего друга, вносящего плату за одну из них. Я не буду так недовольна, как вы думаете, порвав несколько связь с светом, который не умел или скорее не хотел отдать мне справедливость. Я оценила уже, чего он стоит, и мое сердце уже научилось не ставить своего счастья в зависимость от его суждений. Мне хорошо известно, что и при настоящем случае я не избегну его злобы и толков, большею частью развращенных (depraves), но я не хочу даже знать их. Я чувствую себя настолько выше их, что всего менее интересуюсь ими»[63].

Эти прелестные по чистосердечию и невинности строки Нелидовой невольно напоминают нам ту же восторженную смольнянку, которая 17 лет прежде вышла из своего монастыря с глубоким сознанием своих обязанностей пред Богом и пред людьми, с высоко развитым чувством собственного достоинства, умением и потребностью жить в самой себе. Правда, Нелидовой было уже 35 лет, — возраст, для женщины весьма серьезный, но время не могло изгладить в ее душе тихих, счастливых для нее воспоминаний детства, манивших ее по-прежнему непосредственностью чувства, свежестью впечатлений. Вместе с тем, у Нелидовой, при всем ее уме, развитом чтением и наблюдениями, очевидно, не хватало знания жизни и людей, не было глубины их понимания. Читая ее письма, проникнутые такою теплотою сердца, таким умением различать самые тонкие душевные движения человека, ценить человеческое достоинство, — с трудом веришь, что они писаны тому князю Александру Борисовичу Куракину, который, по отзыву современников, отличался своею надутостью, тщеславием, душевною пустотою, а по страсти своей к роскоши назывался «бриллиантовым князем». Еще удивительнее, что крайне легкомысленная жизнь Куракина, навсегда оставшегося холостяком, едва ли была известна Нелидовой, которая, жалея об опальной жизни Куракина в его саратовской деревне и призывая его в Петербург, не подозревала, конечно, что ему там жилось гораздо веселее и привольнее, чем ей самой в угрюмой Гатчине. Нелидова знала Куракина преимущественно с внешней стороны, знала его светские способности, как веселого, остроумного и доброго собеседника; ценила его дружбу к великому князю и, к несчастно для Павла и для себя самой, действительно вообразила, что его дружба к Павлу будет опорой для цесаревича, ждавшего престола. Наказание, впрочем, не заставило себя ждать бедную, не ведавшую того, девушку: в то самое время, когда она так откровенно писала ему свои милые письма, он, как мы уже видели, сравнивал Павла с пчелою, а Нелидову — с цветком…

Вообще, нельзя не согласиться с мнением, что куракинские письма в этом отношении служат довольно верным образчиком светской фразеологии того времени, которую можно оправдать лишь тем соображением, что притворство есть дань уважения к добродетели, потому что, по справедливому замечанию князя Лобанова, «во всяком случае не бывало еще такого полного несоответствия между словами, беспрестанно повторявшимися, и самым делом, которое они должны были выражать»[64].

Как предполагала Нелидова, так и случилось: свет ее не понял, и ее действия подвергались снова злобным толкованиям. Будучи в сентябре 1793 г. уже уволена от звания фрейлины, она должна была, по настоянию Павла, остаться при нем на осень: сама Нелидова хотела этого, чтобы, как она писала Куракину, Павел был ясен и спокоен во время празднеств, ожидавшихся осенью по случаю бракосочетания сына его, Александра Павловича; мало того, сама Мария Федоровна через Плещеева вынуждена была умолять Нелидову повлиять в этом смысле на Павла Петровича, так как Павел, в гневе на императрицу-мать, вовсе не предполагал даже выезжать из Гатчины в Петербург[65]. Много горя пришлось испытать в это время Нелидовой, а поселиться в Смольном она могла лишь после переезда великокняжеской четы в Петербург, 23-го ноября, и то лишь после упорного сопротивления великого князя. Между тем, еще в октябре, Растопчин писал Воронцову: «г-жа Нелидова, вместо того, чтобы оставить двор, получив увольнение остается при нем и пользуется успехом, который наносит ущерб достоинству великого князя и подвергает его всеобщему осуждению. Он удалил от себя Нарышкина, Александра Львовича, который был слишком доверчив и привязан к великому князю. Князь Александр Куракин, которого он звал «своею душою», претерпел жестокие обиды. Бедная великая княгиня остается в одиночестве, не находя никого, кому она могла бы открыть свое горе и, не имея другого утешения, кроме добродетельной жизни 1-го декабря тот же Растопчин извещал Воронцова: «По возвращении сюда (т. е. в Петербург), несмотря на все сцены, в которых, вместо любви и нежности, проявлялся гнев и жестокость, все-таки принуждены были (т. е. Павел) расстаться с m-lle Нелидовой». «Эта маленькая чародейка, — писал он позже — приезжает, однако же, во дворец, и отшельничество ее незаметно».

IV

Придворные интриги, окружавшие Павла Петровича. — Перелом в его характере. — Горесть Марии Феодоровны. — Сближение ее с Нелидовой. — Кутайсов и чета Плещеевых. — Размолвка Нелидовой с Павлом Петровичем. — Проект Екатерины об устранении Павла Петровича от наследования престола. — Неудовольствие Нелидовой поведением великого князя.

Удаление Нелидовой от двора было первое время загадкой для публики. Для нас теперь очевидно, что она добилась согласия Павла Петровича на удаление свое в Смольный монастырь лишь на ранее предложенных им условиях, то-есть обязавшись постоянно посещать его двор во время пребывания его в Петербурге зимою, а весною и летом гостить у него в Павловске и Гатчине. Современники, в том числе и Мария Феодоровна, не знали этих подробностей отношений Павла и Нелидовой и потому о действиях уволенной фрейлины судили вкривь и вкось, неясно понимая даже причины ее увольнения. Поэтому, когда весною 1794 года Нелидова явилась в Павловск в качестве гостьи, по желанию великого князя, то никто не знал, что об этом думать.

«Что скажете вы, друг мой, — писала тогда Мария Федоровна Плещееву, — о возврате фавора m-lle Нелидовой? Какое употребление она из него сделает? И как мог допустить это великий князь после того, как он был так раздражен против нее? Demoiselle — горделива и наверху почестей. Я удивляюсь ее неблагоразумию: в качестве кого она явилась сюда и оставила свое скромное убежище? Ах, друг мой, как свет низок, и как ужасно все происходящее! Быть может, Господь сотворит для нас чудеса; и эта поездка, которая является триумфом для d-lle, обратится против нее».

Но уже в мае произошло другое чудо: «великий князь, — писал Растопчин, — теперь гораздо в лучших отношениях с своею супругой, чем прежде, потому что она решилась уступить г-же Нелидовой и сблизиться с нею». Разгадку этой неожиданной перемены легко найти отчасти в том же письме Растопчина: «великий князь, — продолжал он, — находится в Павловске, постоянно не в духе, с головой, наполненной призраками, и окруженный людьми, из которых наиболее честный заслуживает быть колесованным без суда». Горячо любя своего супруга, великая княгиня начинала бояться печальных последствий от его поведения и как ни недовольна была неожиданным и даже неприличным, по ее мнению, приездом Нелидовой, но только в ее

влиянии увидела она почти единственную возможность достигнуть главной своей цели —«помочь великому князю вопреки ему самому», руководя его действиями[66]. Оказалось, что удаление Нелидовой послужило к выгодам лишь третьих лиц, например, Кутайсова, заботившегося в своих интересах не об успокоении Павла Петровича, а, напротив, о большем его раздражении. Ближайшим поводом к внешнему примирению Марии Феодоровны с Нелидовой было удаление весною 1794 г. последнего остававшегося еще при дворе старого друга великокняжеской четы, Плещеева, о котором донесено было Павлу, что он, вместе с Марией Феодоровной, «роет могилу (creusent une fosse)» Нелидовой, и что в интриге этой принимает участие невеста Плещеева, Наталья Федоровна Веригина, бывшая в это время фрейлиною Марии Феодоровны. Но в особенности заставили великую княгиню желать сближения с Нелидовой чрезвычайно обострившиеся отношения между императрицей и ее наследником. Императрица, уже решившаяся лишить Павла престолонаследия, готовила в тишине средства к достижению своей цели — объявить великого князя Александра Павловича своим преемником, обратившись с этою целью за содействием к любимому наставнику Александра, Лагарпу. Честный швейцарец, однако, не поддался увещаниям императрицы, а, напротив, ездил в Гатчину, чтобы убедить Павла переменить его суровые, подозрительные отношения к старшему сыну и стараться привлечь его к себе. Неизвестно в точности, знала ли Мария Феодоровна в это время о намерении Екатерины объявить своим наследником Александра Павловича в ущерб правам его отца, но она прекрасно сознавала, что дурные отношения Павла к матери угрожают для него в будущем серьезными последствиями; между тем, Павел Петрович все более и более уединялся в своих загородных дворцах, появляясь в Петербурге на зимнее пребывание к 24 ноября ко дню тезоименитства своей матери, и уезжая из него в начале февраля. Натянутые отношения к императрице были тем более тяжелы для великой княгини, что лишали ее удовольствия видеть своих детей, так как все они жили при Екатерине. Великой княгине оставалось лишь одно — просить Нелидову смягчить великого князя.

«Ради Бога, — писала она Плещееву, — дайте почувствовать маленькой, как вредно удаляться от императрицы, от наших детей, которых мы вовсе не видим, и вообще дайте ей понять, что это отчуждение великого князя от всех лиц, имеющих значение (de tous les grands), это страшное уединение, отталкивая от него все сердца, может иметь только самые ужасные последствия. В особенности указывайте ей на императрицу и на детей: первая

сильно стареет с каждым днем, и тем более опасно удаляться от нее; что же касается детей наших, то и они делаются нам чужды, и мы им также. Вы сделайте, мой друг, чрезвычайно важное дело, открыв глаза Нелидовой по этому предмету». «Признаюсь вам, друг мой, — писала она позже, — что беседа ваша с Нелидовой чрезвычайно меня поразила. Что касается ее опасений за великого князя, то не она одна питает их. Знает Бог, знают также и мои друзья, что я дрожу за него, потому что он не умеет создавать себе друзей, а между тем он погибнет когда-либо, если не будет иметь верных и усердных слуг. В то время, когда я осмеливалась говорить, я тысячу раз повторяла эти истины своему мужу, и мы знаем все, что тогда его любили. Но, чтобы привлечь его к себе, ему начали льстить, удалять его от истинных друзей, и следствием этих низких уловок была та порча его характера, которую мы видим теперь. Я очень хорошо знаю, что порчу эту замечают ежедневно, и что ее желали бы устранить, но я боюсь, что ничего не делают для этого. Нелидова употребляет фальшивую меру, рисуя великому князю будущность в самых мрачных красках, потому что, не приучая его этим к сдержанности в поведении, она, вместе с тем, восстанавливает его против всех. Тысячу раз я говорила Лафермьеру: настоящее жестоко, но будущее внушает мне чрезвычайный ужас, потому что если мужа моего постигнет несчастье, то не он один подвергнется ему, но и я вместе с ним»[67].

Таким образом между враждующими сторонами начались переговоры, хотя сначала и чрез третье лицо, и они мало-помалу приводили их к соглашению. Обе женщины любили Павла, каждая по-своему, но естественно, что разница в характере и свойствах ума их, при неясном понимании и знании положения дел при большом дворе, выражалась и в том образе действий, которого держались они в постоянной борьбе с причудливым характером Павла Петровича и в советах, которые они подавали ему. Нелидова, подобно Марии Феодоровне, обуздывая порывы раздражительности своего друга, считала необходимым для великого князя держаться по отношению к императрице в почтительном, осторожном, но в то же время и гордом положении человека, сознающего свои права, тогда как Мария Феодоровна видела в это время спасение лишь в полной покорности воле императрицы. «Нелидова, — сообщала Плещееву великая княгиня, — с дурным сердцем соединяет и дурной разум, потому что, верьте мне, это она поддерживает великого князя в его настоящем поведении, уверяя его, что в его власти самому поддержать лиц, при нем находящихся, и все это для того, чтобы напугать императрицу, а это только отдалит его от нее, тогда как

единственное средство для великого князя достигнуть своей цели заключается в том, чтобы быть почтительным и послушным сыном: тогда только императрица не будет вооружена против него… В разговорах с Нелидовой будьте очень осторожны в выборе слов»[68]. Несогласие во взглядах не мешало, однако, Марии Феодоровне действовать уже совместно с Нелидовой в обуздывании горячего нрава Павла и предупреждении вспышек его гнева в столкновениях с разными лицами и по самым ничтожным поводам. Так, когда, еще до сближения великой княгини с Нелидовой, 35 матросов из морского батальона, имевших семейства в Павловске, присуждены были к отдаче во флот за небольшое упущение. — «Что станется с их женами и детьми? — спрашивала Мария Феодоровна Плещеева. — Я желала бы, друг мой, чтобы вы сделали самые настоятельные представления с целью помешать этой несправедливости, и в этом случае, чтобы оградить великого князя от нареканий, я думаю даже, что Бог и честь дозволят даже прибегнуть к влиянию маленькой, если она может воспрепятствовать этому действию, которое произведет самое дурное впечатление для моего мужа. Вы увидите, друг мой, что эти батальоны доставят самому великому князю много огорчений и неприятностей, и подумайте о том, что императрица, раздраженная этим последним поступком (он, действительно вполне носит характер плохой шутки: как отсылать от себя 35 человек и при том еще матросов и в то же время просить себе 1500 солдат!), отнимет их у него совершенно, и что будет тогда с нами от дурного настроения духа, которое на нас обрушится?!»[69] Для предупреждения подобных историй великая княгиня, вместе с Нелидовой, постоянно сопровождали Павла во время военных его экзерциций, которым он предавался со страстью, и которые в летнее время начинались очень рано, с восходом солнца и производились во всякую погоду. Но и Нелидовой стало уже трудно справляться с характером Павла, для подозрительности которого явилась новая пища: напуганный ужасами французской революции и возбуждаемый односторонними рассказами о них французских эмигрантов, он всюду видел признаки свободомыслия, сознательное презрение к его желаниям и приказаниям. «Великий князь, — писал Растопчин в мае 1794 г. — везде видит отпрыски революции. Он всюду находит якобинцев, и на днях четыре офицера арестованы за то, что косы их оказались слишком коротки — верный признак революционного духа»[70]; тогда же началось преследование Павлом круглых шляп и фраков, введенных в употребление французской модой и принятых даже при дворе Екатерины[71]. В конце-концов никто не знал, каким

именно неосторожным словом и действием можно возбудить раздражение мнительного и сурового цесаревича, и каждый заботился только о том, чтобы как можно реже попадаться ему на глаза. Переходы от крайней милости к ничем, по-видимому, не вызванному гневу сделались так часты у великого князя, что даже приверженные к нему люди начинали просто бояться его внимания и расположения. «Зная лучше, чем кто-либо, — сообщал в августе 1795 года Растопчин, — его характер, склонный к изменчивости, я не придаю большого значения его настоящим чувствам ко мне и сделаю все возможное, чтобы его доверие ко мне не слишком возрастало. Самое лучшее, это — ни во что не вмешиваться»[72]. Другой современник, Массон, еще яснее обрисовал эту черту характера Павла Петровича: «Никто никогда не выказывал таких странностей и такого непостоянства в выборе людей, как Павел. К человеку, который казался ему подходящим, он относился сначала с беспредельным доверием и прямотою; затем, раскаиваясь в этом своем увлечении (abandon), он начинал смотреть на него, как на человека опасного, как на креатуру своей матери или ее фаворита, предполагая, что он вкрался в его доверие для того только, чтобы предать его… Тот, кто был ближе всех к нему, имел потом всегда наиболее причин на него жаловаться; кто был сначала более всех осыпан им милостями, тот всегда затем считался самым опальным из всех (le plus malheureux»)[73]. Эту же участь готовилась испытать и Нелидова, лишившаяся, благодаря сближению своему с Марией Феодоровной, поддержки всех тех новых фаворитов Павла, которые извлекали для себя особые выгоды из супружеских не согласий великокняжеской четы. Главным из них был «Иван» (Iwan), т. е. камердинер великого князя, Иван Павлович Кутайсов.

Из писем Марии Феодоровны к Плещееву за 1795 г. ясно видно, что влияние Нелидовой на Павла постепенно уменьшалось в течение этого времени[74], и соответственно с этим увеличивалось доверие к ней великой княгини, начинавшей видеть в Нелидовой свою союзницу. «Находите ли вы, друг мой, — спрашивала она Плещеева, — что маленькая тронута моим вниманием?.. Сегодня вечером на лице ее и великого князя выражалась печаль. Я уверена, друг мой, что мы не поедем завтра (в Петербург) Я крайне встревожена этим, но мне кажется, что получили оттуда дурные новости». «Не желая посылать к вашей маленькой, — писала она в другой раз, — я прошу вас уведомить меня, хотя двумя, тремя словами, о том, что произошло сегодня. Я знаю, что есть что-то новое, но не знаю, в чем оно состоит, и могу узнать это лишь вечером. Ради Бога, поддержите ее мужество, пусть Господь благословит ее усилия, и истина

восторжествует». Прося Нелидову употребить свое влияние на Павла, чтобы улучшить свое положение, Мария Феодоровна просила однажды своего друга передать «маленькой», что «она на днях испытала удовлетворение, какого не чувствовала уже три года», так как Нелидова, кроме других своих добрых поступков, очень поссорилась с великим князем по поводу одной его выходки (*elle avait fait une scène active*), и что ей приятно было выразить Нелидовой свое удовольствие за это». «Я с своей стороны, прибавляла великая княгиня, — постараюсь быть к ней как можно более любезною: гордость и надменность ее делали меня камнем, но выражение внимания с ее стороны наэлектризовало меня. Просите Нелидову употребить свои усилия, чтобы прекратили шпионство за мною решительным запрещением этого, и я скажу тогда, что это будет доброе дело Нелидовой; это будет в моих глазах новой ее заслугой, за которую я буду ей признательна, и тогда таким образом водворится между нами мир и согласие (le bonheur)». С каждым днем ухудшавшийся нрав великого князя заставлял Марию Феодоровну дорожить устанавливавшимися добрыми отношениями Нелидовой, как ни страдало иногда от этого ее самолюбие. «Должно быть, я очень дурно выразилась в своем последнем письме к вам, — сообщала она Плещееву, или вы можете думать, что я сожалела об образе действий, которого я держусь в своих отношениях к Нелидовой. Нет, это неверно, потому что мое поведение с ней основано и на сознании моих обязанностей, и на требованиях совести, и на Евангельском учении. Но я вам признаюсь, друг мой, я думаю, что мой образ действий по отношению к маленькой сделает ее надменной (l'enorgueillera) и еще более заставит играть роль первенствующей дамы (la grande dame). Но пусть будет, что угодно Богу, я не изменю своего поведения»[75].

Примирение Марии Феодоровны с своей мнимой соперницей становилось таким образом совершившимся фактом, и от совместного действия этих двух женщин можно было ожидать благодетельных последствий для Павла. Но противная партия также не дремала и старалась с одной стороны возбудить в уме великого князя подозрения против Нелидовой, а с другой — сделать предметом его платонического, рыцарского поклонения другую фрейлину Марии Феодоровны, Наталью Федотовну Веригину, бывшую уже в то время невестой Плещеева. Интрига велась усердно и последовательно, благодаря Кутайсову, и достигла своей цели: в конце марта 1796 года Нелидова окончательно оставила двор и уже не появлялась при нем, поссорившись с Павлом Петровичем и удалившись в Смольный

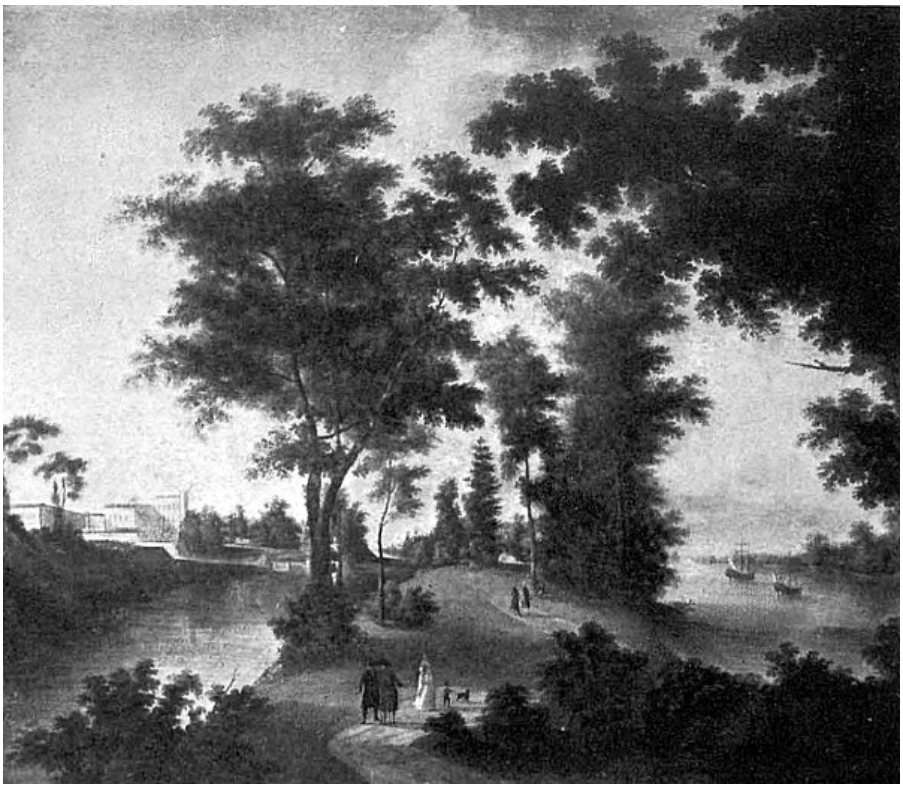
монастырь. В письме к Куракину сама Нелидова так объясняла, в мае 1796 г., свое удаление, чрезвычайно удачно и метко характеризуя «друга», т. е. Павла Петровича:

«Вы знаете вашего друга, вы знаете, что когда новое чувство овладевает его сердцем, оно, вместе с тем, господствует над всеми его помыслами (de toutes ses facultcs intellectuelles). Тогда все то, что раньше имело для него значение, все то, что могло быть для него полезно, дорого и приятно, перестает существовать для него и делается даже тем более для него неудобным, что совесть подсказывает ему всю его нечестность (turpitude), и он может забыться, лишь идя далее по пути зла. Теперь уже пять месяцев прошло с тех пор, как, наскучив, видеть, что его господин продолжает доверять безупречно честному лицу, которого никогда не могли заставить войти в придворные интриги и мелкие интересы каждого, несовместные с достоинством великого князя, — Кутайсов поклялся перед людьми, которых считает он своими клевретами, и сказал точно в этих выражениях, что он сумеет дать чувствам своего господина какое будет угодно ему направление. Я не знаю хорошо, каким путем он достиг этого, но результат был тот, что мое поклонение и благоговейная привязанность к той, с которой я всегда желала и добивалась видеть великого князя в добрых отношениях, — с его матерью, — эти чувства, столь понятные, и это поведение, предписываемое долгом и преданностью, сделались для него подозрительны. После этого мне стало невозможно никого защищать без того, чтобы не возбуждать подозрений в нашем друге в моем сообществе с людьми, которых я не видела с того времени, как я оставила двор, и о которых я слышала только от него самого. Как только установились подобные отношения, слуга (то-есть Кутайсов) заронил и укрепил мысль завести связи совсем иные чем, те, которые его господин имел со мною и которые должны были принести более разнообразия и менее стеснения, стремясь воспалить воображение своего господина удовольствием, не представлявшим, как казалось, затруднений пользоваться нежностью В. (то-есть Веригиной), о которой, правда, он не знал, что она уже невеста. Господин, ни о чем не предуведомленный и не имея никакого понятия ни о добрых, ни о дурных свойствах девицы, позволил вести себя в ее комнату, куда слуга уже входил несколько раз, по собственному побуждению или нет — неизвестно. Девица просила господина прервать свой визит, который, вследствие малого знакомства между ними, мог повести к дурным толкованиям. Жених (Плещеев), который воспользовался этим обстоятельством, чтобы объявить о своих намерениях относительно девицы, не был выслушан, и его

прекрасные проповеди (sermons) послужили только к тому, что закусили удила. Я узнала обо всем этом слишком поздно и считала своею обязанностью употребить все красноречие дружбы, чтобы, по крайней мере, воспрепятствовать ему обесчестить себя таким образом действий, имевшим вид грабежа чужого счастья, потому что начали уже бояться, что в будущем никто не может быть спокоен за свою жену Он отвечал мне, что, кроме меня, никто не нашел в его поступке ничего достойного осуждения. Действительно, общепринятой политикой было заставлять других делать вид, что они ничего не подозревают; успели даже убедить жениха, что это могло бы содействовать общему благополучию, уничтожая доверие, которое имели до сих пор ко мне, и что, будучи мужем своей жены, он не будет иметь никаких поводов бояться, если, в виде уступки, поселится вместе с будущей своей женою в Гатчине и Павловске, где дали бы им дома с полною меблировкой. Когда дела были устроены таким образом, все письма, все секреты стали сообщаться его жене (то-есть Марии Феодоровне) и новой супружеской чете (Плещеевым), которые составили интимный кружок вашего друга, и кружок этот расходится только на те минуты, когда нужно показываться публике. Жена, благодаря этой снисходительности, возвратила к себе доверие своего мужа, и дай Бог, чтобы оно никогда не находилось в худших руках; верно по крайней мере, то, что благо государства всегда близко ее сердцу, и, будучи сама всегда доступна добрым советам, она сумеет внушить их человеку, всегда чересчур порывистому в своих страстях. Что касается меня, то, видя, что истинной дружбе не придается более значения, я поставила себя вне возможности повторения каких-либо выходок, и теперь я спокойна, удаляя от себя всякое воспоминание и всякое занятие, которое могло бы нарушить это спокойствие[76].

Все эти факты, рассказанные Нелидовой, вполне подтверждаются отрывочными показаниями современников. 22-го апреля 1796 года, Протасов, воспитатель великого князя Александра Павловича, писал Воронцову: «Г. Плещеев был представлен вчера, как жених m-lle Веригиной. Оба они на самом лучшем счету у великого князя цесаревича и у великой княгини. Для них приготовляют дом и вообще их принимают как нельзя лучше, и они лишь одни в послеобеденное время допускаются в кабинет их императорских высочеств»[77]. «Наталия Федотовна Плещеева, — рассказывает Карабанов, — была предметом кратковременного благорасположения императора Павла, что возбудило крайнее неудовольствие Екатерины Ивановны Нелидовой, бывшей тогда в силе. Внимание это было причиной немаловажного смятения»[78]. В публике ходили слухи, что

удаления Нелидовой требовал от Павла, после рождения великой княжны Анны Павловны, даже петербургский митрополит Гавриил, в интересах Марии Феодоровны[79]. Растопчин, находившийся в то время при дворе, сообщал лишь кратко, что Нелидова «поссорилась с великой княгиней»[80]. Наконец, сама Мария Феодоровна, находившаяся в дружеской переписке с Н. Ф. Плещеевой, которую почему-то называла она Chabrinka, уже в октябре 1796 года иронически отзывалась о бывшей своей союзнице в своих письмах[81].



Гатчинский замок и его сад в конце XVIII в.

Все это, однако, невольно вызывает удивление: с одной стороны — Нелидова, с другой — Кутайсов, Плещеевы и сама Мария Феодоровна, уже сближавшаяся с Нелидовой и радовавшаяся этому сближению… Чем объяснить эту внезапную перемену «дворской политики»?

Хроника придворных интриг XVIII века отличается такою запутанностью и сложностью отношений действующих лиц, что на расстоянии столетнего промежутка времени, обладая массой рукописных данных, предполагавшихся быть уничтоженными, мы можем лишь постепенно открывать тайные пружины событий,

имевших важное значение в русской истории; во всяком случае, многие из этих событий мы знаем и понимаем теперь гораздо яснее и всестороннее, чем судили о них современники, взятые каждый в отдельности. Можно с уверенностью сказать что, сама Нелидова, в момент окончательного удаления своего от великокняжеского двора, не вполне понимала свое положение. Несомненно, что Кутайсов давно уже подкапывался под влияние всемогущей, казалось, фаворитки, которой минуло уже 37 лет, и старался обратить внимание Павла на другую, более молодую девушку, но несомненно также и то, что фавор Плещеевой был бы для Марии Феодоровны еще более тяжел, чем фавор Нелидовой, и поэтому участие великой княгини в совместных действиях супругов Плещеевых по отношению к Павлу, а равно усиление доверия к ней цесаревича, нужно объяснять другими причинами. И действительно, сама Нелидова дает ключ к разгадке неудовольствия на нее Павла, говоря, что ее сделали подозрительною в его глазах ее усилия примирить его с матерью.

Теперь уже доказано, что в июне 1796 года, тотчас после рождения великого князя Николая Павловича Екатерина предложила Марии Феодоровне подписать акт устранявший Павла от престола в пользу Александра Павловича, и крайне раздражена была ее отказом[82], в сентябре того же года вынудила у Александра притворное согласие на устранение отца от престолонаследия, несмотря на отказ Марии Феодоровны[83]. Но прежде чем обратиться к своей невестке, Екатерина должна была предварительно вступить в переговоры по этому поводу с самим Александром, который, при известной своей уклончивости, быть может, обусловил свое согласие на план бабушки именно одобрением матери о чем и сообщил ей своевременно, по всей вероятности, переговоры эти происходили в скором времени после свадьбы Александра, в сентябре 1795 года, так как императрица еще в 1792 году мечтала о коронации Александра именно после его свадьбы[84]. Мария Феодоровна и Александр Павлович, не желая раздражать императрицу, действовали уклончиво, следуя заранее составленному ими плану. Но, зная характер своего супруга, Мария Феодоровна не считала, конечно, удобным передавать ему в точности все, происходившее между Александром и императрицей[85], а пользуясь содействием Протасова и Плещеева, старалась примирить Павла Петровича с его старшим сыном, который для успокоения подозрительности отца, признал его императором, даже при жизни бабушки[86]. Лишь после этого Павел, вероятно, получил от своей супруги некоторые более положительные сведения о намерении Екатерины лишить его престолонаследия и заключить в замок

Лоде, о чем ходили слухи. Посредниками при переговорах Марии Феодоровны с Александром были Плещеевы[87], и они же, совместно с Марией Феодоровной, руководители действиями и Павла Петровича, который не мог не признать преданности к себе как Плещеевых, так и своей супруги. Этим объясняются постоянные совещания и беседы этих четырех лиц, — беседы, на которые так горько жаловалась Нелидова, и в которых она не могла принимать участия, так как Мария Феодоровна, очевидно, боялась доверить ей тайну, касающуюся будущности всей ее семьи. Напротив, стараясь примирить Павла с матерью, Нелидова только вооружала против себя великого князя, который уже знал о замыслах Екатерины и лучше, чем когда-либо, сознавал невозможность примирения: естественно было ему заподозрить, как писала о том сама Нелидова, что она была в сообщничестве с его врагами, являлась бессознательным их орудием… Действия Марии Феодоровны, отнесшейся к удалению Нелидовой с видимым удовольствием и ничем не проявившей участия к ее судьбе, объясняются чувством радости при возврате к ней доверия Павла и надеждою, что доверие это и дружбу своего супруга она сумеет удержать навсегда: очевидно, что великая княгиня, в оценке характера супруга, поддавалась минутному влиянию своих впечатлений, весьма многое позабывши. В сущности, Павел остался верен самому себе: скоро ему наскучили и прекрасные «проповеди» Плещеева, и общество Натальи Федотовны, и сентиментальная методичность великой княгини, и он вновь почувствовал потребность в живой, умной беседе Нелидовой, в ее резких, но сердечных и всегда искренних отзывах и суждениях.

Уже в октябре 1796 года, после неудачного сватовства великой княжны Александры Павловны, написал он Нелидовой письмо, в котором приглашал ее посетить Гатчину, но получил от нее отказ.

«Я объяснила ему, — писала она Куракину, — деликатно, но со всею прямотою честного сердца, которое никого не хочет держать в зависимости, что решение мое непоколебимо. Пусть он примирится с ним раз навсегда, я надеюсь на это! Пусть он встретит нового друга, который мог бы предложить ему сердце, подобное моему в отношении в нему! Его счастье будет всегда одним из предметов самых горячих моих молитв, но это все, чем я могу и хочу ему содействовать. Почему вы хотите, чтобы я виделась с ним? Встреча с ним возбудила бы во мне только неприятные чувства, которые он должен бы был желать потушить, если бы имел самое маленькое уважение к моим чувствам к нему: если бы какие-либо непредвиденные обстоятельства заставили меня с ним встретиться, он не нашел бы во мне того, что, быть

может, надеется найти… Думаете ли вы, что он не сознавал, не предвидел всего того, что я должна бы чувствовать, когда он предавался всем своим сумасбродствам, как человек без сердца? Если бы это была только несдержанность, быть может, я могла бы возвратиться к нему. Но в его поступках проявилась низость (la bassesse), предательство. Он унизился в моих глазах и в глазах всех тех, которые не находили своей выгоды в его дурачествах, в его недостойных выходках, на которые я до того времени считала его неспособным. Его угрызения совести, как бы искренни они ни были, не очистят его в моих глазах и не заставят меня уступить или забыть, на что он при случае бывает способен, и хотя бы я даже была уверена, что я не буду более подвержена какой-либо опасности, но впечатление уже произведено и не может изгладиться. Пусть все то, что я вам говорю сейчас, не повлияет на ваше сердце и не удалит вас от того, кто только в вас имеет истинного друга! У вас нет причин, ради которых я должна была отказаться от его дружбы, и пусть Господь сделает его способным ценить вас всегда! Вы этот момент я получила целую кучу извинений и оправданий (от Павла), которые прервали мою беседу с вами и я снова повторяю вам, что все это только усиливает мое отвращение. Ах, дорогой князь, не говорите мне ничего в пользу вашего друга: я могу чувствовать наклонность только к благородному сердцу, и все поступки, ему чуждые, внушают мне непреодолимое отвращение»[88] — Письмо это написано было Нелидовой из Смольного 1-го ноября, за четыре дня до апоплексического удара прервавшего жизнь ее благодетельницы, императрицы Екатерины. 6-го ноября, опальный великий князь Павел Петрович, «неблагородный» друг Нелидовой, стал русским самодержцем, и вслед затем никому ненужная отшельница-смольнянка явилась кумиром двора и властительницей дум нового императора.

V

Воцарение императора Павла. — Первые его действия. — Письмо Нелидовой к Павлу. — Милости Павла к Нелидовой. — Сближение с нею императрицы Марии Феодоровны. — Характеристика влияния Нелидовой на образ действий Павла Петровича. — Заступничество Нелидовой за опальных.

Воцарение императора Павла Петровича сопровождалось беспощадною и быстрою ломкой порядков, существовавших при Екатерине, и заменой их новыми. Устраняемый в царствование Екатерины от всякого участия в делах правления, Павел привык скептически относиться к деятельности державной своей матери, видел в положении дел одни лишь дурные стороны и в тиши опальной своей жизни выработал себе до мельчайших подробностей новую правительственную программу, осуществить которую он намеревался по восшествии своем на престол. Сделавшись императором лишь на 42-м году своего возраста, Павел точно боялся, что не успеет совершить всех задуманных им перемен: каждый почти день его правления приносил с собою свои крупные новости, и, казалось, скоро вся жизнь России должна была получить иное направление. В сферах, ближайших к престолу: военной и придворной, перемены начались сразу. Не прошло и месяца, как екатерининская гвардия превратилась уже в гатчинскую, над которой прежде так усердно смеялись, а екатерининские вельможи уступили свои места гатчинским придворным, не смевшим зачастую даже появляться при большом дворе: братья Куракины, Плещеев, Донауров, Ростопчин, Кушелев, Аракчеев и др. были призваны занять высшие должности в империи, составляя ближайший к престолу кружок лиц, на преданность и усердие которых особенно полагался Павел. Тем чувствительнее было для него отсутствие Нелидовой, которая несмотря на свои 38 лет и восьмимесячное пребывания в Смольном, сохранила свою власть над его умом и темпераментом: в ней видел он единственного старого друга, умевшего говорить ему правду и отвечать его душевному настроению. Ссора с ней лежала у него на сердце тяжелым камнем, и, только что получив от нее вторичный отказ посетить его в Гатчине, Павел искал средств вновь примириться со старым своим другом. В день кончины, Екатерины, 6 ноября, на рассвете, когда императрица была еще в агонии, Павел нашел время, по рассказу Ростопчина, разговаривать с четверть часа с камер-пажем Нелидовым, «вероятно, замечает Ростопчин, о тетке его

Катерине Ивановне»[89]. Камер-паж этот был, впрочем, не племянник ее, а родной брат, Аркадий.

Вслед затем последовало неимоверно быстрое повышение по службе счастливого брата упрямой фрейлины: 7 ноября, в день восшествия Павла на престол, камер-паж Аркадий Нелидов произведен был прямо в майоры, с назначением быть адъютантом при его величестве, а чрез день, 9 ноября, тот же Нелидов, ко всеобщему изумлению, пожалован был подполковником[90]. Никто не мог сомневаться, и всех менее сама сестра, Екатерина Ивановна, ради кого изливались такие милости. Когда именно произошло первое свидание Павла с Нелидовой — указать трудно; но всего вероятнее, что во время печальных церемоний, сопровождавших погребение Екатерины и Петра III. Но еще 23 ноября, накануне именин Нелидовой, Павел прислал ей дорогой подарок, который она, однако, отказалась принять. «Вы знаете, государь, — писала она, — что, ценя по достоинству дружбу, которую вы уже так давно мне оказываете, я умела ценить лишь это чувство, и что ваши дары всегда были мне более тягостны, чем приятны. Позвольте же мне умолять вас не принуждать меня к принятию того подарка, который я осмеливаюсь возвратить вашему величеству. Вы должны быть спокойны на счет чувства, заставляющего меня так действовать, потому что я в то же время с благодарностью принимаю фарфоровые дежене»[91]. Зато, 5 декабря подполковнику Аркадию Нелидову пожаловано было 1000 душ[92].

Мир между друзьями, таким образом, восстановился, тем более, что о нем стали хлопотать те именно лица, которые прежде радовались удалению Нелидовой: новая императрица Мария Феодоровна и Плещеев, жена которого Наталия Феодоровна, уже перестала пользоваться вниманием Павла Петровича; поставленные лицом к лицу с причудливым нравом, государя, действия которого не ограничивались на этот раз районом Гатчины и Павловска, а распространились на всю империю, приближенные к Павлу лица сознали необходимость по-прежнему вступить в союз с Нелидовой. Для Марии Феодоровны существовала полная возможность завязать с ней постоянные сношения, так как 12 ноября императрица назначена была «начальствовать воспитательным обществом благородных девиц где жила отставная ее фрейлина, — и почти ежедневно посещала это учреждение и начальницу его, Делафон, у которой могла видеться с Нелидовой. В день своего назначения Мария Феодоровна посетила Смольный, увиделась там с Нелидовой и тогда же заключила с ней, после трогательного объяснения дружественный союз уже навсегда[93]. Видимо целью союза было

благо императора и империи.

Первые действия Павла Петровича по его воцарении произвели вообще благоприятное впечатление на общество: забвение старых обид, облегчение народных тягостей и прощение многих осужденных Екатериной невольно привлекали к нему сердца; даже суровости военной службы, вводившиеся Павлом, частью в уродливой форме, и совместительство похорон Екатерины и Петра III объяснялись добрыми свойствами нового государя, любившего порядок и питавшего сыновнее уважение к памяти своего несчастного отца. «Двор и столица, — говорит один из злейших порицателей Павла, Массон, — остолбенели от удивления… Начинали думать, что не знали его характера, и что продолжительная и печальная опала не изменила его совершенно. Все видели себя счастливо обманутыми в своих ожиданиях, и поведение императора заставляло в это время забыть о поведении великого князя[94]. Но приближенные к императору люди, Мария Феодоровна и Плещеев, хорошо знали, что такое положение дел было только затишьем перед бурей, что от Павла, склонного действовать по первому впечатлению, можно было ожидать поступков, которых не всегда можно было предвидеть, тем более остановить. Действительно, занятый преобразованием екатерининской армии по образцам армии Фридриха II, Павел захотел уничтожить и военный орден св. Георгия, установленный Екатериной за военные отличия, и, чтобы яснее выразить свое намерение унизить этот символ славы войск Екатерины, предположил не чествовать его праздника 26 ноября. Очевидно, что усилия Марии Феодоровны и Плещеева удержать Павла от этого шага, который глубоко оскорбил бы всех екатерининских ветеранов, заслуживших этот орден своею кровью на полях сражений, — оказались напрасны, так как они в конце концов должны были обратиться за содействием к Нелидовой, которая, будто бы по собственному почину, написала Павлу красноречивое письмо, умоляя отказаться от своего намерения.

«Узнаете ли вы, — писала она императору в самый день своих именин 24-го ноября, — голос той, которая всегда была другом вашей славы, и отвергнете ли вы ее усердие в обстоятельствах, которые она считает к ней прикосновенными? Я побоялась, что бы то, что я слышала на счет ордена, единственного утешения и награды стольких людей, столько раз проливших кровь свою за отечество, было правдою, и я попросила человека, которому я доверяю, словом — г. Плещеева, заехать ко мне: я хотела через него передать вам мои желания, и сердце мое, кроме того, внушило мне написать к вам. Именем Бога, государь, да не выкажет ваше величество неуважения, да не обнаружите вы

пренебрежения к ордену, установленному для того, чтобы награждать усердие и храбрость ваших подданных. Подумайте, государь, о том, что в течение долгого времени этот знак отличия был наградою за пролитую кровь, за члены, истерзанные на службе отечеству! Сжальтесь над столькими несчастными, которые утратили бы все, увидев, что их государь оказывает презрение тому, что составляет их славу, свидетельствуя о их мужестве! Если вы, государь, имеете намерение упразднить этот орден, — вы, переставая возлагать его на ваших подданных, тем самым упраздните его, но до того времени удостойте почета носящих его, становясь при случае во главе их. Ваше величество можете найти разные предлоги, чтобы самому им не украшаться, как например, тот, что вы не успели его заслужить, так как обстоятельства не дали вам к тому случая, при чем вы, умея ценить заслуги тех, которые его носят, все-таки можете поставить в удовольствие доказать им ваше уважение вашим присутствием. Простите меня, государь, если мое усердие нескромно; но пока я буду принимать к сердцу вашу славу, и пока любовь к вам ваших верноподданных будет предметом моих желаний для вас, я буду считать моим долгом раскрывать вам мое сердце на счет всего, что может касаться лично вашего императорского величества. В таких чувствах относительно моего государя считаю я долгом жить и умереть»[95].

Письмо Нелидовой произвело свое действие: Павел уступил старому своему другу в том, в чем не хотел уступить ни Марии Феодоровне, ни Плещееву, а затем 30-го ноября посетил Смольный институт, вместе с Марией Феодоровной, великим князем Александром Павловичем и его супругой Елисаветой Алексеевной[96]. 11-го декабря, накануне дня рождения своей любимицы, Павел, стремясь излить на нее свою щедрость и не смея дарить ей лично, именным указом сенату пожаловал ее матери две тысячи душ крестьян в родном ей Дорогобужском уезде Смоленской губернии[97]. Новая милость императора к родным Нелидовой, как видно, сильно смутила ее, и она писала ему:

«Ради Бога, государь, позвольте мне просить у вас, как милости, чтобы вы уменьшили этот дар, слишком щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное для себя богатство тысячу душ, от которых я не смею отказаться за нее, потому что она мне мать. Вы понимаете, государь, все то, что в этих обстоятельствах может связать мне язык. Но смею заверить вас всем тем, что есть для меня священного, что я сочла бы истинным благодеянием, если бы вы имели милость дать ей 500 душ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливо и щедро

награжденною, между тем как 2000 душ тяготят мою совесть: ни моя мать, ни кто-либо из моих близких еще не служил вам; есть еще время уменьшить ваш дар на половину, и я повергаюсь к вашим стопам, чтобы просить вас об этом; можно сказать, что 2000 душ были выставлены по ошибке: сделайте это, государь, ради Бога, пока на это есть еще время, снимите с моего сердца тяжесть». Благодаря затем Павла за присланный ей лично фарфор, Нелидова заключила свое письмо словами: «я была бы счастлива, если бы у меня не было ни дня рождения, ни именин»[98]. Пожалование матери Нелидовой, конечно, уменьшено не было, а 1-го января 1797 г. Павел Петрович доказал бескорыстно скромной своей любимице, что, кроме дня рождения и именин, существует для раздачи милостей еще и Новый год: в этот день тот же счастливый, очевидно любимый, братец Нелидовой произведен был в полковники, с оставлением в звании флигель-адъютанта[99].

Примирение между Павлом и Нелидовой, очевидно, состоялось: Нелидова не устояла в своем решении, объявленном ею Александру Куракину за четыре дня до восшествия Павла на престол, только молиться о счастии своего «неблагородного» друга. И двор, и вся официальная Россия знали уже, кто является властительницей сердца императора, в чьих руках находится гнев и милость самодержца, не привыкшего разбираться в своих впечатлениях и действовавшего быстро и решительно. Все, искавшие милости Павла Петровича, группировались около всемогущей, как казалось, фаворитки, положение которой было тем прочнее и почетнее, что сама супруга Павла, новая императрица, всячески выказывала ей свое внимание и уважение.

«Вам приятно будет узнать, — писал Воронцову придворный доктор Рожерсон 14-го декабря 1796 года, — что мир и согласие царствуют в императорском семействе. Императрица, которая, без сомнения, есть самая добродетельная женщина в мире, пользуется влиянием, но не злоупотребляет им… Она занята тем, что делает добро. Она часто ездит в Смольный монастырь, который вверен ее попечениям. Она прилагает все старания, чтобы побудить m-lle Нелидову возвратиться ко двору, но та до настоящего времени остается непоколебимою в этом отношении. Девица эта ведет себя таким образом, что возбуждает всеобщее удивление и почтение: она изредка появляется на придворные обеды, но не хочет ни во что вмешиваться, хотя ей ни в чем не было бы отказа. Г-жа Делафон назначена статс-дамой, и я думаю, что честолюбивые цели Нелидовой заключаются в том, чтобы после этой престарелой своей подруги получить начальство над Смольным» (sic)[100].

Одна из придворных дам того времени, известная графиня Головина, еще подробнее уясняет значение, приобретенное тогда Нелидовой. «В первый визит свой в Смольный, — рассказывает она, — император примирился с Нелидовой и вел себя так хорошо, что сама императрица вынуждена была смотреть на нее, как на лучшего своего друга, и сообразно с этим относиться к ней. С этого момента единение самое полное видимо установилось между императрицей и m-lle Нелидовой. Императрица этим союзом с новою своею подругой укрепила свое влияние, и обе они вмешивались во все дела и во все назначения и в особенности поддерживали друг друга. Единение это было бы для всех удивительным, если бы вскоре не стало ясным, что оно основывалось на личном интересе: без m-lle Нелидовой императрица не могла рассчитывать иметь какое-либо влияние на своего супруга, как это и было потом доказано; точно также и Нелидова без императрицы, в стремлении своем вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворе той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому в расположении императрицы, бывшем как бы защитой для ее репутации. Посещения Смольного двором сделались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видеть двор в учреждении, которым она управляла, а m-lle Нелидовой приятно было доказать публике, что именно ее присутствие влекло туда императора, и что он охотно являлся туда потому, что m-lle Нелидова в особенности любила это место. Вследствие всего этого, все три заинтересованные лица находили свои вечерние собрания прелестными, проводя их часто исключительно в беседе друг с другом. Но остальная часть двора присутствовала там лишь потому, что император приезжал всегда в Смольный не иначе, как с большою свитой. Великие князья и великие княгини проводили там время смертельно скучно. Иногда молодые воспитанницы давали концерты, иногда они танцевали, но часто время проходило в полном ничегонеделании»[101].

Сама Нелидова также ездила иногда в Зимний дворец, где отведены были для нее особые апартаменты, долгое время и после называвшиеся Нелидовскими[102], но не захотела переселиться туда на постоянное жительство, зная хорошо переменчивый характер государя и не желая вторично ставить себя в ложное положение.

В чем же выразилось влияние Нелидовой в то время, когда ее царственный поклонник сделался повелителем обширнейшей и могущественнейшей империи в свете? Можно сказать положительно, что в новом своем значении наша героиня оказалась тою же сентиментально-доброю и благонамеренною

институткой, какою была она и ранее при дворе Павла. У Нелидовой не было и признаков государственного ума и политического образования, не было даже твердых политических убеждений, которые могли бы выработаться у нее даже чисто практическим путем в течение двадцатилетнего пребывания среди дельцов века Екатерины, в водовороте крупных политических перемен в судьбах России и Европы, резко характеризующих собою вторую половину XVIII века. Вместо каких-либо теорий, Нелидова, подобно большинству женщин того времени, создавала себе не продуманные политические симпатии, вызванные на свет Божий по преимуществу какими-либо нравственными и сердечными мотивами: все доброе, прекрасное, великодушное или все казавшееся таковым встречало участие и поддержку Екатерины Ивановны, как бы мало ни согласовалось это «доброе» с государственными соображениями и целями; точно также, по чисто женской логике, все симпатичные почему-либо люди или казавшиеся таковыми признавались людьми достойными и полезными для государства, и, наоборот, самые искренние и деловитые государственные люди не возбуждали к себе никакого уважения, если отталкивали от себя несимпатичною внешностью или каким-либо мнением, мало согласовавшимся с «великодушием», «добротою» и т. и. Короче, политические мнения Нелидовой и единомысленных с ней приближенных Павла говорили более сердцу, чем уму. Вот почему в области теоретических государственных соображений Павел Петрович был всегда сильнее Нелидовой и действовал, как и прежде, в этом отношении самостоятельно: изменялся всегда не образ его мыслей, а характер его действий, которым легко было управлять и Нелидовой, и Марии Феодоровне, в первое время его царствования.

Удерживать императора от вспышек гнева и от резких необдуманных распоряжений, вызывавших недовольство войск и общества, ходатайствовать за опальных, назначать на высшие придворные и государственные должности людей, благонамеренных и преданных государю, — вот чего главным образом добивались новая императрица и ее доверенная фрейлина. В особенности легко было им содействовать выбору должностных лиц. Павла Петровича всегда преследовала боязнь заговоров или дворцового переворота: события 1762 года всегда живо представлялись его воображению. Поэтому он стремился окружить себя такими людьми, на которых мог бы вполне рассчитывать. Оттого он, по свидетельству современников, возвышал на высшие должности часто недостойных людей, менее всего способных к исполнению возлагаемых на них обязанностей.

Таких людей он выбирал из числа своих гатчинцев, таких он отыскивал среди приверженцев своего отца, которые когда-то дали ему доказательство своей верности, среди их потомков или родственников. Вместе с тем Павел преследовал и удалял тех, которые пользовались вниманием его матери и которые уже по одному этому были для него подозрительны. Боязнь какой либо измены была постоянным, всегда действующим мотивом его поступков и его милостей[103]. Старые друзья Павла, братья Куракины, сразу получили высшие места в империи: Александр, друг Нелидовой, назначен был вице-канцлером, а Алексей — генерал-прокурором, Ростопчин и Аракчеев заведывали военною частью, Плещеев, Лопухин, Нелединский-Мелецкий, двоюродный брат Куракиных, состояли при особе императора для докладов по гражданской, а Кушелев по морской части и др. Из екатерининских дельцов пользовался действительным влиянием лишь Безбородко, умевший доказать свою преданность и выдвинувший тогда же и Трощинского. Было бы утомительно перечислять всех лиц, которым, по личным соображениям, покровительствовала сама Нелидова: достаточно указать на графа Ф. Ф. Буксгевдена, женатого на ее интимной институтской подруге, Наталии Александровне Алексеевой[104], и получившего, по восшествии Павла на престол, известный эстляндский замок Лоде, предполагавшийся, как думали, местом ссылки самого Павла, с принадлежащими к нему мызами, и затем графское достоинство[105], а также барона Гейкинга, женатого на дочери г-жи Делафон, из председателей курляндской гражданской палаты пожалованного сначала сенатором и в этом звании употреблявшего все усилия к возобновлению уничтоженных Екатериной остзейских привилегий, а затем и президентом юстиц-коллегии. «Вызванный внезапно в Петербург, — рассказывает сам Гейкинг, — я поспешил в Смольный институт, к своей теще, у которой нашел дам из наших приятельниц. Мы уже отобедали, когда из дворца приехала фрейлина Нелидова. Самым любезным образом выразила она радость свидеться со мною у «Guten Mama» (так продолжали называть мою тещу все бывшие воспитанницы института, какое бы положение в обществе они ни занимали). Поцеловав у своей «Mama» руку, она сказала ей: «их величества поручают мне поздравить вас с удовольствием видеть у себя господина барона. Государь милостиво разрешил приветствовать его завтра вечером». Затем, обратясь ко мне, госпожа Нелидова внушительно заметила: «Вы не дурно сделаете, если завтра поутру заедете к генерал-прокурору (Алексею Куракину), но ранее восьми часов», прибавила она улыбаясь. «Да», сказал кто-то из присутствующих, «все в Петербурге

изменилось: поднимаются очень рано, а в 11 часов вечера все — по домам». Оказалось, что генерал-прокурору уже повелено было спросить у Гейкинга, какое ему угодно будет занять место в Петербурге, и скромный барон выбрал себе только место сенатора; вместе с тем, еще до представления государю, Гейкингу даровано было редкое право присутствовать на малых вечерних собраниях во дворце и ужинать с государем. Гейкинг и впоследствии пользовался поддержкой Fräulein Nelidow[106].

Заступничество Нелидовой за опальных повело к тому, что она не имела врагов; напротив, она всем внушала к себе расположение своим поведением. Один из главных деятелей революции 1762 года, обер-гофмаршал князь Ф. С. Барятинский, первый испытал заслуженный, хотя и поздний гнев императора: в день кончины Екатерины на его место обер-гофмаршалом назначен был граф Н. П. Шереметев; сам же Барятинский был уволен от всех дел на другой день, 7-го ноября[107]. «В день праздника св. Георгия», — рассказывает графиня Головина в своих записках, — «дочь князя Барятинского, княгиня Долгорукова, просила императора о прощении отца, но Павел отказал ей. Тогда Долгорукова обратилась за помощью к Нелидовой, которая и обещала ей свое покровительство. Я находилась позади них обеих, когда княгиня настаивала пред m-lle Нелидовой, чтобы она ходатайствовала за нее пред императором. В это время государь приблизился к m-lle Нелидовой, которая стала говорить ему о княгине Долгоруковой, как о дочери, страдающей при виде несчастья отца. Император ответил: «Я также имел отца, сударыня»[108]. По крайней мере, ходатайству Нелидовой Барятинский одолжен был, вероятно, тем, что избавлен от дальнейшего преследования. Не менее любопытный случай рассказывает Шишков, состоявший в то время при особе императора. «Мне», — говорит он, — «случилось однажды на бале, в день бывшего празднества, видеть, что государь чрезвычайно рассердился на гофмаршала и приказал позвать его к себе, без сомнения, с тем, чтобы сделать ему великую неприятность. Катерина Ивановна стояла в это время подле него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Он тотчас почувствовал, что это значило, и ответил ей отрывисто: «Нельзя воздержаться!» Она опять его дернула. Между тем, гофмаршал приходит, и хотя Павел изъявил ему свое негодование, но гораздо кротчайшим образом, нежели как по первому гневному виду его ожидать надлежало. О, если бы при царях, и особливо строптивых и пылких, — заключает Шишков, — все были Катерины Ивановны!»[109].

Письма Нелидовой в Павлу вообще были наполнены просьбами за опальных[110]. Доброе сердце, боязнь за безопасность государя, желание, чтобы царственный ее друг возбуждал своими действиями чувства восхищения, радости, а не вражды и страха, — вот что руководило Нелидовой в ее ходатайствах за лиц, в громадном большинстве случаев ей даже совершенно неизвестных. Настойчивость Нелидовой оправдывалась иногда и личными соображениями; всем было известно влияние ее на государя, и она имела основание бояться, что многие из его жестоких распоряжений лягут на ее совести, вызовут в обществе, не знавшем истинных пределов ее воздействия, дурные о ней толки. «Мне невозможно, государь, — писала она однажды Павлу, — воспротивиться голосу сострадания, которое заставляет меня показать вам это раздирающее письмо. Мое заступничество не повело бы тут ни к чему, я это знаю; поэтому я не прошу вас сделать что нибудь для меня, но для Бога. Сжальтесь над восьмидесятилетним старцем! Если бы вы знали, что мне стоит говорить и чего мне стоит молчать в подобных случаях, вы бы поняли всю тяжесть моего положения»[111]. Но и государственные соображения, хотя в весьма редких случаях, также имели для Нелидовой свою долю значения при ее стремлении смягчать невоздержного на гнев императора. Всеобщая перетасовка даже высших должностных лиц в империи, последовавшая вслед за воцарением Павла, замена старых, опытных екатерининских дельцов людьми, правда, преданными новому государю, но вовсе еще не знакомыми с делами управления, — не могли не вызывать опасений и Нелидовой, и Марии Феодоровны, в особенности при склонности Павла к опрометчивым, необдуманным решениям. Известный правитель канцелярии Потемкина, Василий Степанович Попов, заведывал после его смерти делами императорского кабинета. Узнав о многих противозаконных и корыстных действиях Попова, совершенных им во время службы его при Потемкине, Павел уволил его без прошения, назначив на его место бывшего своего библиотекаря Донаурова[112]. По этому поводу Нелидова написала императору: «Я не знаю лично Попова, но полагаю, что было бы жаль лишиться человека, известного по своему трудолюбию и порядливости (vraiment d'ordre). Если то, что вам в нем не нравится, не такого свойства, что могло бы повредить делам, то ради Бога, государь, будьте снисходительны: удерживайте их как можно долее, эти светлые головы. Но если совершенно необходимо дать ему преемника, то посоветуйтесь об этом с Безбородко. Его честность может послужить вам ручательством, что он укажет вам на человека способного; что

касается до меня, то я не смею положиться на свое суждение. Во всяком случае, молю Бога, чтобы он руководил вами»[113]. Следствием этого письма было назначение Попова уже 8-го февраля членом мануфактур-коллегии[114]. Платон Зубов, также навлекший на себя немилость Павла и уволенный 3-го февраля по прошению за границу для поправления здоровья[115], обязан был этой легкой формой своей опалы также Нелидовой. «Благодарю вас, государь, — писала она, — за вашу милость к князю Зубову, ибо все страждущие имеют право на мое сочувствие, и я всегда тронута вашим великодушием к ним. Да благословит вас Бог»[116]. Нелидова хлопотала также и за Суворова, чем, конечно, не мало содействовала облегчению его печальной участи[117]. Вообще, едва ли можно сомневаться в том, что первый год царствования Павла отличался бы гораздо большей суровостью, если бы нрав государя не умерялся в это время мягким влиянием его друга.

VI

Смерть г-жи Бенкендорф. — Торжества коронации. — Анна Петровна Лопухина и Кутайсов. — Проявление дурных свойств характера императора. — Николай Петрович Архаров. — Назначение императрицы Марии Феодоровны начальствовать над воспитательными домами. — В какой мере Нелидова содействовала благотворительной деятельности Марии Феодоровны?

В марте 1797 года, среди приготовлений к коронации, Мария Феодоровна потеряла старого друга своего, г-жу Бенкендорф, которая умерла за границей, куда поехала лечиться. По воцарении Павла, г-жа Бенкендорф вызвана была вместе с мужем ко двору и осыпана милостями государя, старавшегося забыть неудовольствия великого князя, но, наученная горьким опытом, она уже ни во что не вмешивалась и держала себя, по отзыву современников, очень скромно[118]. С своей стороны Нелидова отнеслась к Бенкендорф дружелюбно, чем приобрела новые права на расположение Марии Феодоровны, которая, поместив двух дочерей Бенкендорф в Смольный, поручила их особому вниманию Нелидовой и вновь назначенной помощницы Делафон, г-жи Пальменбах[119]. Пока императорская чета готовилась в Москве к коронации, смольнянки, с Нелидовой во главе, угождая военным вкусам Павла Петровича, вышивали девять воинских знамен[120]. Повезла их в Москву сама Нелидова, приехавшая туда к самому торжеству коронации, которая произошла в день Светлого Христова Воскресения. Торжество это сопровождалось неслыханными дотоле милостями нововенчанного императора: чины, ордена, громадные имения, десятки тысяч душ крестьян розданы были с невероятною расточительностью лицам, пользовавшимся его расположением, особенно в гатчинский период его жизни. Львиная доля этих милостей досталась друзьям Нелидовой, князьям Александру и Алексею Куракиным, пожалования которым, но миллионной их стоимости, можно было бы сравнить лишь с пожалованиями, сделанными в это же время Безбородко[121]. Несомненно, что одно лишь личное желание Нелидовой, хорошо известное Павлу Петровичу, было причиной того, что она не получила в день коронации ничего, кроме звания камер-фрейлины, вполне соответствовавшего ее исключительному значению при дворе.

Впрочем, уже в Москве, среди коронационных празднеств, на горизонте царственной четы и Нелидовой появилось легкое

облачко, впоследствии превратившееся в грозовую тучу. Из московских девиц, явившихся ко двору, особенное внимание Павла обратила на себя молодая, девятнадцатилетняя Анна Петровна Лопухина, дочь одного из московских сенаторов, Петра Васильевича Лопухина. Это была красавица-брюнетка, с чудною белизною лица и глубокими выразительными глазами; красота Лопухиной носила, по отзыву современников, кроткий, меланхолический характер, и была тем более поразительна, что Лопухина отличалась необыкновенною скромностью. По словам современника, Павел несколько раз говорил о впечатлении, произведенном на него Анной Петровной, и это повело к беспокойству императрицы и Нелидовой, постаравшихся, как говорили, ускорить отъезд императора из Москвы Но, разумеется, это обстоятельство не скрылось и от других придворных, в особенности от Ивана Павловича Кутайсова, только-что произведенного в гардеробмейстеры, но продолжавшего исполнять свои обязанности брадобрея при государе[122]. Кутайсов считал себя обиженным при раздаче коронационных наград и винил в этом исключительно императрицу и Нелидову, влияние которых на Павла он жаждал заменить своим или чьим либо другим в личных своих целях. Замечательно, что императрица и Нелидова именно в это время спасли от гнева Павла этого злейшего и самого опасного своего врага. «Имениями и орденами (во время коронации), — рассказывает Гейкинг, — вообще не скупились. Пользуясь этим, г. Кутайсов, хотя и получил уже чин статского советника, вздумал попросить у государя еще орден св. Анны 2-го класса. Сильно разгневавшись, Павел выгнал его и, войдя к императрице, у которой застал фрейлину Нелидову, объявил им, что Кутайсов уже уволен за его бесстыдство. Усилия государыни успокоить своего супруга, в котором еще кипела кровь, были напрасны; только после обеда удалось г-же Нелидовой испросить прощение Кутайсову. Тот в изъявление благодарности бросился к ее ногам, но последствия показали, какова была его признательность к обеим его благодетельницам»[123]. Во всяком случае, непосредственность чувств пылкого государя, на пролом стремившегося к водворению «порядка и правды» в России, изменчивость его настроения, боязнь измены и заговоров, подавали интриганам, наполнявшим двор, уверенность в том, что влиянию Марии Феодоровны и Нелидовой на императора, рано или поздно, положен будет конец. Передавая графу Воронцову подробности происходивших в Москве событий, лейб-медик Рожерсон писал ему 10-го июня 1797 года о характере действий Павла: «Все производилось здесь случайно, по минутному впечатлению. Когда он (Павел) чего

либо *хочет* (курсив в подлиннике), не осмеливаются делать ему возражения, так как на каждый совет или представление он смотрит, как на ослушание (rebellion). Иногда на следующий день императрица, и еще чаще Нелидова, в особенности когда они действуют совместно, успевают приостановить его решение, но это случается очень редко[124]. Нелидова в настоящее время очень дружна с императрицей, и нужно сознаться, что по своим качествам, по своему характеру, по своей умеренности, она стоит выше всех прочих фаворитов и министров»[125].

Действительно, в Москве Павел Петрович не всегда сдерживал себя, видя на происходивших смотрах войск недостаточную, по его мнению, выправку солдат по новому образцу, им только-что установленному, и приписывая это «потемкинскому духу» офицеров: военные приказы того времени наполнены резкими выговорами и даже исключениями офицеров из службы[126].

Хуже всего было то, что, действуя по первому впечатлению и не давая себе труда разобрать дело, Павел весьма часто наказывал людей, ровно ни в чем неповинных, и, наоборот, выражал иногда свое благоволение именно тем людям, которые, угождая его слабостям, думали только о личных своих выгодах. Одним из таких фаворитов Павла был в это время петербургский генерал губернатор, Николай Петрович Архаров, человек весьма хитрый и пронырливый, снискавший себе известность в царствование Екатерины, как отличный полицейский сыщик. При Павле Архаров задумал играть другую, более важную роль: пользуясь подозрительностью императора и его боязнью измены и заговоров, он старался, с одной стороны, держать Павла в постоянном беспокойстве своими доносами, чтобы сделаться необходимым для него человеком, а с другой — доказать ему свое усердие, подделываясь под его вкусы, самовольно усиливая значение и смысл его распоряжений и часто, даже сознательно, искажая их; так, например, на другой же день по кончине Екатерины, он приказал будочникам срывать с проходящих по улицам круглые шляпы и фраки, не нравившиеся Павлу, как признак революционного духа времени; он же принимал деятельное участие в раскрытии мнимого заговора Дмитриева и Лихачева. Все сами по себе мелочные распоряжения Павла Петровича по полицейской части: о ношении одежды, об образе наружного благочиния петербургских обывателей, приводились им в исполнение от имени императора с придирчивостью и неумолимою жестокостью, вызывавшими всеобщее негодование, донося о котором он вновь имел случай уверить Павла в своей преданности и полезности. Императрица и Нелидова не любили

Архарова, считали его человеком низким по характеру и, по случаю пребывания его в Москве на торжествах коронации, содействовали назначению временным петербургским военным губернатором графа Ф. Ф. Буксгевдена, женатого на Наталии Александровне Алексеевой, подруге Нелидовой. С этого времени Архаров чуял опасность для себя в будущем и брал свои меры.

2-го мая, накануне выезда императорской четы из Москвы, императрица Мария Феодоровна назначена была главноначальствовать над воспитательными домами в обеих столицах. Едва ли можно согласиться с мнением, что Нелидова имела влияние как на это назначение, так и вообще на всю широкую просветительную и благотворительную деятельность своей царственной подруги[127]. Нелидова интересовалась Смольным только лишь как местом своего воспитания, в дела же воспитательных домов никогда не вмешивалась, и о них в переписке ее с императрицей не упоминается ни одним словом, кроме обычных фраз о великодушии императрицы и о ее доброте; стремление проявить свою личность делами благотворения на широком поприще о государственной и культурной деятельности было присуще духовной природе императрицы, тогда как Нелидова, при всей своей сердечности, лишена была всяких организаторских талантов и даже в пору наибольшего своего влияния ничем не проявила своих наклонностей к общественной деятельности в какой-либо доступной в то время для женщин сфере.

VII

Отъезд императорской четы из Москвы. — Архаров и императрица Мария Феодоровна. — Правительственная система императора Павла Петровича и личные его особенности. — Мелочность и строгость управления. — Вредные их последствия и неудовольствие дворянства и общества. — Деятельность Архарова в Петербурге.— Недовольство ею императрицы и Нелидовой. — Замена Архарова гр. Буксгевденом. — Строгость и мелочность военных порядков при Павле.

Император Павел выехал из Москвы 3-го мая, направляясь по Смоленской дороге, чтобы проездом в Петербург осмотреть литовские губернии; в тот же день, прямой дорогой через Тверь, отправилась в Петербург и Мария Феодоровна. Ее сопровождал, по приказанию государя, Архаров, возвращавшийся к своей должности и помещавшийся в восьмиместной карете ее величества. «Прости, Господи, прегрешения раба твоего Николая, — пишет Тургенев, — но этот Николай (Архаров) был хитрее самого беса. Ястребиные большие его глаза, казалось, пронизывали землю. Он умел незаметным образом склонить разговор о былом при вступлении Екатерины II на трон, возбудил любопытство, но, как говорят, на всякого хитреца бывает много простоты: Архаров не распознал, что это было одно любопытство, и понял под видом любопытства скрывающиеся желания — знать, как действовать в потребном случае, желание иметь пример в руководство, распространился и, как объяснилось последствием, распространился в рассказе чрез меру наивно! Описывая блистательное время царствования великой Екатерины, Архаров сказал, что «благословенные дни счастия, славы и благоденствия могут мгновенно возникнуть в России: следует только поступать по стопам в Бозе почившей мудрой повелительницы Севера». По возвращении государя, благоверная супруга его, — добавляет Тургенев, — пересказала императору слышанное ею на пути от Архарова, Чрез 24 часа было повелено Архарову отправиться на безвыездное его житье в село Разбегаевку (Рассказово), Тамбовской губернии, которое ему принадлежало» (пожаловано было в день коронации)[128].

Рассказ этот, не вполне, быть может, достоверный в подробностях, в высшей степени характеристичен для эпохи и действующих лиц, и в правдивости его нет доводов сомневаться. Искренно ли говорил Архаров Марии Феодоровне или, что гораздо вероятнее, желал выведать ее мысли, чтобы затем предать

ее, — во всяком случае слова Архарова должны были возмутить императрицу. Любя своего супруга и вовсе не желая повторять событий 1762 г., Мария Феодоровна в то же время могла опасаться, что Павел узнает об этом разговоре от самого Архарова в извращенном виде, а она уже испытала несколько раз, что подозрения Павла, боявшегося за свой престол и безопасность, обращались совершенно неосновательно и на нее[129]: императрице оставалось только, ограждая Павла от слуг, подобных Архарову, позаботиться о скорейшем удалении Архарова из столицы.

Мария Феодоровна возвратилась из Москвы 7-го мая и поселилась в любимом летнем своем местопребывании, в Павловске, за 20 дней до прибытия Павла Петровича из поездки его по России. В этот относительно спокойный промежуток времени она имела полную возможность обсудить, вместе с Нелидовой, положение дел в империи при новом государе и те меры, которыми они могли бы предотвратить печальные последствия крутого нрава императора. Павел царствовал всего только полгода, а между тем правление его уже возбуждало общественное неудовольствие, в особенности в кругу дворянства, которое было тогда единственным культурным и политически сильным классом общества. Правительственная система Павла Петровича, оставшаяся в главных чертах неизмененной при его преемниках, заключалась в ослаблении значения дворянского сословия, в уничтожении его привилегий, сословных и экономических, в облегчении тягостей крестьянства и в водворении порядка и законности в России; короче, в его сознании, в основе его правительственных мероприятий, лежала мысль о равноправности всех пред законом, источником которого являлась власть монарха; щедрая раздача крестьянских душ в день коронации произведена была отчасти с административными целями: «у меня, — говорил Павел, — столько же полицеймейстеров, сколько помещиков», и одновременно с этим объявлен манифест об обязанности крестьян работать в пользу помещиков лишь три дня в неделю[130], — мера, на которую из боязни обидеть дворянство не решилась сама Екатерина во все 34-летнее свое царствование. Стесняемое при дворе, откуда Павел изгнал всех праздных царедворцев для определения в военную службу, вынужденное нести действительную военную службу со всеми ее тягостями, лишившись всех особых привилегий, связанных с зачислением младенцев в списки гвардейских полков и с переходом из гвардии в армию, — дворянство увидело себя ограниченным и в сфере чисто помещичьей власти, в отношениях своих к «крепостным», которыми оно, по мысли Павла, должно

было управлять, а не держать их в кабале. Быстрота решений Павла, неумолимая строгость в их исполнении, делали положение еще более невыносимым. Павлу, прежде всего, недоставало умения достигать своих целей исподволь, постепенно, выбирая для этого средства более мягкие, менее обидные; напротив того, он спешил, как будто боясь не успеть во всем задуманном, и, проникшись сознанием полноты своей власти, предпочитал действовать мерами суровыми, хуже всего часто — полицейскими, вовсе не заботясь о выгодах и мнении отдельных личностей. Привыкнув распоряжаться у себя в маленьком хозяйстве, Гатчине и Павловске, где ему известна была вся подноготная и где ни одна мелочь не ускользала от его зоркого глаза, Павел Петрович полагал возможным приемы этого хозяйства применить и к жизни громадной империи, управляя ею самолично, не оказывая доверия ни одному из своих сотрудников, которых он менял по малейшему подозрению в чистоте их действий или даже по капризу. С целью добиться правды, желая открыть к себе доступ всякому обиженному и слабому, Павел велел установить у Зимнего дворца знаменитый желтый ящик для прошений, жалоб и доносов, которые все лично прочитывал, полагая на них всегда, по обыкновению, быстрые, решительные, но именно потому далеко не всегда обдуманные резолюции. Не было впрочем чиновника в России, который бы не боялся этого желтого ящика, не было такого преступления или такой несправедливости, которые не могли бы быть известны чрез этот ящик грозному государю, не знавшему пределов ни в своем гневе, ни в своей милости. Поэтому, насколько любили Павла Петровича низшие классы населения, настолько же трепетали его классы высшие, дворянство и чиновничество, а между тем они-то и окружали особу монарха, наполняя собою двор, гвардию и столицу и составляя единственный культурный класс общества. Прямого противодействия государю в то время еще не могло быть, но существовало глухое недовольство правительственною системой, стремление унизить ее, сделать смешною. В этом отношении Павел Петрович оказался легко уязвимым. Не ограничиваясь важными, коренными преобразованиями в строе народной и государственной жизни, он задумал установить, так сказать, патриархальную опеку над частною жизнью своих подданных, стремясь повсюду к ее простоте, порядку и единообразию: изданы были распоряжения против роскоши, определен был час, когда в Петербурге должны были быть потушены огни в частных домах, указаны были формы одежды, угодной государю, приняты были меры даже против употребления многих слов в русском языке в официальных бумагах и даже в

разговоре, и нет сомнения, что эти меры, касавшиеся мелочей жизни каждого, были более отяготительны, чем какие-либо крупные реформы, так как, применяясь ежедневно, ежечасно, и ломая укоренившиеся привычки, они вызывали постоянное озлобление в обществе, в особенности при деятельности усердной не по разуму петербургской полиции, находившейся под начальством пронырливого и загадочного по своим целям и намерениям Николая Петровича Архарова. В особенности тяжело было для жителей столицы предписание всем выходить из экипажей при встрече с государем; дамы обязаны были в этих случаях становиться на подножку экипажа. Распоряжение это повело к тому, что при проезде Павла улицы пустели. Страсть императора к мелочам военной службы, крайняя чуткость к театральным и смешным экзерциям ежедневного вахт-парада времен Фридриха II, от правильного исполнения которых, при страшной вспыльчивости Павла Петровича, зависела судьба солдат и офицеров, также усиливали всеобщее неудовольствие. Все это создавало крайне нервное напряженное состояние духа в служилом классе всей России, особенно же в жителях Петербурга и в лицах, приближенных к особе государя. Эта нервность отражалась в усиленной степени и на ее виновнике, самом Павле Петровиче, который, чувствуя глухую оппозицию своим мерам и будучи напуган ужасами французской революции, стал бояться бунтов и заговоров, в каждой случайной ошибке и неточном исполнении его приказаний видел умышленное неповиновение, признак революционного духа… Какая обильная почва для недоразумений всякого рода и интриг злонамеренных людей!

Князь Александр Борисович Куракин.

Ожидая в Павловске возвращения Павла, Мария Феодоровна до такой степени привыкла обмениваться мыслями с Нелидовой, что в те дни, когда Нелидова не приезжала в Павловск, она писала ей, сообщая различные новости и изливая пред ней свои чувства. Обе относились к положению дел в государстве довольно тревожно, но источник тревоги видели не в направлении внутренней политики государя, а исключительно в его характере и злонамеренности его советников.

«Я узнала о новой подлости Архарова, — писала Мария Феодоровна 20-го мая. — Говорят, что он принуждает всех окрасить двери своих домов ромбами в черный и желтый цвета, и

что хозяин одного из лучших домов, где двери украшены резною работой, также принужден обезобразить их таким образом. Архаров простирает свою подлость так далеко, что приказал объявить хозяевам, которые отказываются исполнить его требования, что он пришлет к ним маляров, и они разрисуют им двери на их счет. Все это падает на нашего доброго императора, который несомненно и не думал отдавать подобного приказания, существующего, как я знаю, по отношению к заборам, мостам и солдатским будкам, но отнюдь не для частных домов. Архаров — негодяй (vilain monsieur). Я больше не доверяю ему своих писем, потому что он мало берег их, а посылаю их прямым путем чрез почту. Этот толстый господин рассердится и будет иметь двойное горе — рассердиться и затем утихнуть. Прощайте, дорогое дитя, я пишу вам, как и говорю, — языком сердца, вам преданного»[131].

Для замены Архарова был уже намечен испытанный кандидат, граф Буксгевден, женатый на подруге Нелидовой и ко всеобщему удовольствию умело исполнявший должность Архарова во время пребывания его в Москве на коронации. «В это время, — писал Рожерсон Воронцову, — город был очень доволен графом Букегевденом, но, с возвращением Архарова, притеснения всякого рода возобновились. Человек этот имел много влияния с самого начала нынешнего царствования. Он приобрел себе значение своею хитростью (souplesse), угодничеством и качеством, которое особенно теперь ценят, это — шпионством. Я заметил, однако, еще до приезда сюда императора, во время 8-ми дневного пребывания своего в Павловске, что императрица и Нелидова — очень дурного о нем мнения»[132].

Действительно, Архарову пришлось угомониться тотчас по приезде Павла Петровича. 27-го мая объявлено было высочайшее удовольствие генерал-лейтенанту графу Буксгевдену за хорошее управление к С.-Петербурге в отсутствие генерала-от-инфантерии Архарова[133]; 17-го июня, Архаров уволен был от должности с.-петербургского военного губернатора, а 19-го июня графу Буксгевдену повелено было быть военным губернатором в С.-Петербурге, под начальством великого князя Александра Павловича. Об обстоятельствах, сопровождавших увольнение Архарова, вернее всех рассказывает Гейкинг, «Думая приготовить, — говорит он, — приятный сюрприз возвращающемуся государю, Архаров приказал всем без исключения обывателям столицы окрасить ворота своих домов и даже садовые заборы полосами черной, оранжевой и белой красок, по образцу шлагбаумов. Это смешное приказание надо было исполнить немедленно, и это повлекло за собою огромные расходы, так как маляры воспользовались удобным случаем и

запрашивали, сколько вздумается. Со всех сторон раздались крики негодования. Императрица, поспешившая на встречу своему августейшему супругу, была сильно поражена этим приказанием, о котором ей ничего не было сказано. Она ли обратила внимание государя, или сам Павел поражен был количеством и однообразием казенных и частных построек, но при въезде своем, он спросил, что означает эта странная фантазия. Ему отвечали, что полиция принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха — «Так что-ж я дурак, что ли, чтобы стал отдавать такие повеления?» — гневно воскликнул Павел. Этот сам по себе маловажный случай повлек за собою падение Архарова»[134]. «По приезде в Гатчину, — рассказывает другой современник, В. С. Хвостов, — государь отменно был милостив к Архарову, даже, обнимая целовал его и таковым был с ним до развода караула и во все время, пока не пошел к императрице и от нее к фрейлине Нелидовой. Возвратясь в кавалерскую, с гневным видом приказал Архарову, чтобы тотчас уехал в Петербург и никогда бы ему не казался»[135].

Прусский посланник, граф Брюль, донося своему правительству о предполагаемом назначении Буксгевдена на место Архарова, сообщал однако и о более важных последствиями причинах общественного неудовольствия, связанных с действиями и распоряжениями Павла: «Неудовольствие, особенно недовольство войск, — писал он, — увеличивается со дня на день. Отнимая у полковых командиров возможность грабить, им не дают средств к жизни, потому что у них остается не более 800 рублей жалованья; вместе с тем, солдата утомляют до невероятной степени, и он получает такое отвращение к службе, что вздыхает свободно, лишь сделавшись дезертиром. Неудовольствия знати нельзя выразить словами. Беспрестанные нововведения, неуверенность, что можно сохранить занимаемое место на завтрашний день, доводят всех до отчаяния. Императора любят только низшие классы городского населения и крестьяне. Субалтерн-офицеры все в нищете. Непрерывные экзерциции, о которых они не хотят и слышать, доходят до мелочей, уничтоженных везде в других странах. Бог знает, к чему все это приведет». Действительно, порядок, быстрота и точность вахтпарадных движений слишком дорого обходились войскам: по свидетельству очевидцев, солдатам приходилось вставать в полночь, чтобы приготовиться к вахтпараду, завивая друг другу букли и косы и осыпая их мукою, и не выпускать ружья иногда по 36 часов сряду, а главный экзерцирмейстер, Аракчеев, прибегал к самым суровым взысканиям; рассказывали, например, что он за упущение бил одного солдата палкой по голове до тех пор, пока

тот не упал мертвым. Морские маневры, произведенные Павлом в начале июля у Красной Горки, дали ему случай проявить свою требовательность и запальчивость и по отношению к флоту. Как всегда в подобных случаях, Марии Феодоровне и Нелидовой пришлось и здесь смягчать гнев императора на окружавших его лиц. Заступничеству Нелидовой обязаны были граф Кушелев и состоявший при особе императора эскадр-майором, знаменитый впоследствии Шишков, тем, что Павел не подверг их взысканию за неисполнение его приказания, невозможного для моряков: «она, — говорит Шишков, — представила ему, что он напрасно сердится, потому что мы не от упрямства ему противоречили и, без сомнения, служа долго на море, должны лучше знать, как это бывает, и что можно или чего не можно сделать»[136].

VIII

Летнее пребывание Павла Петровича и Марии Феодоровны в Павловске. — Маневры и парады в Павловске. — Пребывание Нелидовой в Петербурге и боязнь императрицы по этому поводу. — Военные тревоги в Павловске. — Подозрительность императора и печаль императрицы Марии. — Вторая тревога в Павловске и ее последствия.

После морских маневров императорская чета поселилась сначала в Петербурге, а потом в Павловске, куда приезжала от времени до времени и Нелидова, жившая по-прежнему в Смольном весьма уединенно, но, несмотря на то, окруженная всеобщим поклонением[137]. «Забавы наши в Павловске были единообразны и скучны, — пишет Шишков. — После обеда обыкновенно степенными и мерными шагами ходили мы прогуливаться по саду. После прогулок, отдохнув несколько, ежедневно собирались мы на беседу, весьма утомительную. Так государь и государыня, с великими князьями и великими княжнами, садились рядом и проводили время в разговорах, а мы сидели вокруг комнаты, на стульях, как бы прикованные к ним истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать с них не смели. Достопримечательного тут было только то, что на простиравшемся на полу шлейфе платья императрицы лежала всегда дворная, паршивая собака, которая нигде иначе не ложилась и которую императрица никогда не сгоняла»[138]. Другой очевидец, Саблуков, дополняет это описание более веселыми подробностями. «Павловск, личная собственность императрицы Марии, был разукрашен весьма изящно, и всякий клочок земли в нем, мало-мальски к тому способный, был ярко запечатлев ее вкусом, ее наклонностями, ее воспоминаниями о заграничных путешествиях… Каждый вечер происходили здесь сельские праздники, поездки, закуски, театральные представления, импровизации, разные сюрпризы, балы и концерты, а императрица, ее прелестные дочери и невестки своею приветливостью и изяществом придавали этим увеселениям характер восхитительный. Сам Павел предавался им с увлечением»[139]. Настроение духа императрицы было, как это видно из писем ее к Нелидовой за это время, очень мрачное: строгость и запальчивость императора по отношению к гвардейцам, проявлявшаяся постоянно на ежедневных вахтпарадах, признаки неудовольствия в обществе, наполняли ее душу страхом за безопасность императора. Прежде она как бы

довольна была необыкновенным рвением Павла к водворению порядка в управлении: «высокое мнение, которое имеют о бдительности нашего дорогого императора, — писала она еще в июне Нелидовой, — послужит самою побудительною причиной для господ чиновников быть точными в исполнении их обязанностей»[140]. Но мелочность императора, его суровые и жестокие взыскания, возбуждали озлобление, и его-то она и боялась, особенно в войсках, так как Павел Петрович все более и более обнаруживал наклонность заниматься исключительно военными упражнениями. Назначение Буксгевдена военным губернатором Петербурга успокоило немного императрицу: «Слава Богу, что гвардия хорошо настроена, — писала она 29-го июля, — без Буксгевдена дело не пошло бы таким образом: это очень достойный и обходительный человек»[141]. Постоянные выговоры и наказания, производимые государем, тем не менее, продолжали ее волновать. «Читатель не должен думать, — пишет Саблуков, — что пока в Павловске происходили увеселения и праздники, поэтому прекратились там дисциплинарные строгости, заведенные в Гатчине и в столице-Напротив того, их было столько же, если не более, ибо так как ежедневно происходили смотры не над большими корпусами, как на маневрах, но над мелкими отрядами, то всякая погрешность становилась заметнее. В Павловске также была так называемая цитадель, или форт, Бип, куда офицеров при случае сажали под арест»[142]. Между тем, Нелидова, удерживаемая в Смольном предсмертною болезнью состарившейся Делафон, не могла часто посещать Павловск и воздерживать Павла, а в ее отсутствие Мария Феодоровна чувствовала для этого себя бессильною. «Вы приедете 27-го июля, — писала она ей, — ожидание это внушает нам приятное чувство потому, что вас всегда желают видеть те, которые нежно вас любят»[143].

Между тем, в Павловске произошли события, усилившие тревогу Марии Феодоровны. «Однажды вечером (это было 2-го августа), — рассказывает современник-очевидец событий, — когда государь, окруженный двором и своим обычным обществом, прогуливался в саду Павловска, услышали вдруг звуки барабана, на которые обратили особое внимание, так как для вечерней зари было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это — тревога!» вскричал Павел и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными-Императрица с остальною частью общества следовала за ним издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна из ведших к нему дорог занята была частью гвардейских полков; кроме того со всех

сторон и со всевозможною поспешностью стекались ко дворцу и кавалерия, и пехота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дороге, недостаточно широкой для скопления войск, кавалерия, пожарный обоз, военные повозки, прокладывали себе путь с ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворного, пробиралась чрез эту толпу, спрашивая об императоре, которого она потеряла из виду. Беспорядок, наконец, сделался так велик, что некоторые дамы, именно великие княгини, принуждены были перескочить через забор, чтобы не быть раздавленными. Вскоре войскам дан был приказ разделиться. Повернули ко дворцу. Император был взволнован и в дурном расположении духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать к дворцу в течение всего вечера. Подобное и без всякой уважительной причины скопление войск, имевших репутацию беспокойных (reputée inquiette), коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недоверчивый характер, каким был характер императора. После долгих розысков открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли в конногвардейских казармах. В ближайших казармах вообразили, что это — сигнал к тревоге, повторили его, и таким образом тревога распространялась от одного полка к другому. Войска думали, что это была действительно тревога, испытание[144]. Через день, почти в тот же час, когда двор прогуливался в другой части сада, прилегающей к большой дороге и отделенной от нее лишь оградой, вдруг услышали звук трубы, и несколько кавалеристов во всю прыть прискакали по тропинке, прилегавшей к большой дороге. Император в гневе бросился на них с поднятою палкой и принудил возвратиться назад. Великие князья и адъютанты торопились последовать его примеру. Все были очень удивлены этой второй сценой. Императрица в особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись к камергерам; «бегите, господа, спасайте вашего государя!» Затем, увидев возле себя графа Феликса Потоцкого, доброго малого, но довольно неуклюжего толстяка, питавшего смешную боязнь к императору, она схватила его за руку и толкнула вперед. Редко можно видеть смешнее фигуру, чем фигура, которую изображал собою в это время бедный граф Феликс, не понимавший, чего от него хотели, и более испуганный криками императрицы, чем опасностью, которой подвергался император. На этот раз войскам помешали собраться, но никогда не узнали достоверно истинной причины этой второй суматохи; никто не мог или не хотел объяснить ее. Говорили, что убежденные в том, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанию

императора, — гвардейцы были ежеминутно наготове ко второй, и что легкий шум показался им сигналом; другие утверждали, что сигнал дан был дурным шутником с целью произвести смятение, подобное предыдущему. В конце концов, некоторые были наказаны, и затем ничего подобного более не повторялось»[145].

В сущности все это дело, само по себе, не имело серьезного значения: смятение было несомненно только результатом нервного состояния гвардии и всех лиц, бывших при особе государя, который военные забавы и упражнения, считал самым важным делом монарха и весьма часто подвергал опасности свое достоинство самодержца, превращаясь в заурядного и мелочного экзерцирмейстера. Императрица Мария Феодоровна ясно видела крайность, в которую впадал в этом отношении ее супруг, и жаловался на него Нелидовой. «Между нами будь сказано, — писала ей о первой тревоге Мария Феодоровна 4-го августа, — до сих пор еще не удалось выяснить, что было причиной смятения. От детей своих я узнала вчера, что в некоторых полках ожидали тревоги еще с утра, и что офицеры нашли солдат после обеда уже вполне готовыми. На вопрос, что это значит, они объяснили, что говорили, что будет тревога; тогда офицеры приказали им раздеться. Говоря по правде, дорогое мое дитя, это мне не нравится. Я боюсь, чтобы какой-либо безрассудный не вздумал позабавиться. Это вызывает на размышления. Не долито приучать солдат к мысли о тревоге. Не следует никогда допускать, чтобы дворец был местом сбора по тревоге, потому что кто может поручиться, что в подобный момент не произойдут беспорядки. Например, я знаю, что они взошли на гору со стороны трельяжа с примкнутыми штыками. Если бы они не увидели императора, сидевшего верхом, они проникли бы в сад, думая, что произошла *беда во дворце*. Не следует приучать их к мысли, что может произойти *беда* во дворце. Были офицеры сброшенные, опрокинутые, двое ранены, ранено также несколько солдат. Все это следствие усердия, но все-таки это — случаи, которые могут быть опасными, и я желала бы, чтобы было строго воспрещено, даже в случае пожара, производить когда-либо тревогу иначе, как по непосредственному приказанию императора, потому что без этой предосторожности пожар может послужить предлогом для подобных сборищ войск. Семеновский полк был в наибольшем порядке, затем Измайловский, но Преображенский полк пришел врассыпную. Конногвардейцы были превосходны, кавалергарды — также. Войска в массе — прекрасны, верны, преданы, но в отдельных случаях, кто может поручиться, что не было злоумышленников? Все эти размышления пусть останутся между нами, моя добрая подруга, но они меня очень занимают, потому

что я нахожу их важными. Император держал себя чудесно, хваля войска, их верность и преданность; гласно он не доискивается причин тревоги, но должно избегать их на будущее время»[146].

После второй суматохи, происшедшей 4-го августа, Мария Феодоровна писала на другой день Нелидовой: «Добрая и дорогая моя подруга, предмет моего письма не позабавит вас, дорогое мое дитя. У нас была вторая тревога в один и тот же час с прежней. Мы спокойно прогуливались, когда услышали крики и страшный шум. Так как это было под горою, то мы думали, что это везут камни, но шум увеличивался, и мы услышали шум едущих повозок. Обойдя вокруг озера, мы увидели мост занятым артиллерийскими солдатами, и в это же время казаки и гусары шли вокруг озера, направляясь ко дворцу. Император и дети (Александр и Константин Павловичи) возвращаются назад и быстрыми шагами идут к месту, мы следуем за ними, как можно скорее. Император громким голосом приказал возвратиться назад артиллерии, Преображенскому полку и гусарам. Мы уже все были там, и наши лица выражали неудовольствие. Дети побежали к площади, предназначенной со времени последней суматохи быть местом тревоги, и там нашли уже всю гвардию. Они поспешно отослали ее назад. В какие-нибудь полчаса все водворено было на свои места. Император произвел расследование, и оказалось, что почтовый рожок был принят за сигнал к тревоге. Два барабанщика Преображенского полка начали бить тревогу, часть солдат побежали, не ожидая приказания своих офицеров, а те показали поразительную глупость, не только не остановив их, но даже последовав их примеру[147]. По рассказу Гельбига, Павел Петрович имел при себе, в Павловске, большой отряд гвардии, который он весь день обучал, и, чтобы испытать бодрость и военную выправку солдат, будил их по ночам тревогами и выводил в строй к походу. В этих случаях он сам вставал, одевался, шел на дворцовый двор и в казармы, чтобы трубить тревогу и судить о готовности войск; по его объяснению, тревога 4-го августа вызвана была приказом Павла выдать всем почтальонам немецкие рожки, которыми они должны были оповещать о времени своего прибытия. Приказ этот не был еще всем известен. Между тем, один из почтальонов, снабженный уже рожком, привез кого-то с экстренным мальпостом из Петербурга в Павловск и стал трубить по всему городу и у гвардейских казарм. Гвардейцы приняли рожок за тревогу[148]. Ближайшим ее последствием было высочайшее повеление от 6-го августа, объявленное жителям Павловска, о соблюдении обывателями, особенно из простонародья, строжайшего благочиния на улицах и в дворцовом саду, «чтобы во время высочайшего присутствия в

городе не было ни от кого произносимо свистов, криков и недельных разговоров»[149].

IX

Размолвка Нелидовой с императором. — Крутые и суровые действия императора по отношению к войскам. — Увещания Нелидовой. — Объяснение императора. — Тревоги императрицы и письма ее к Нелидовой. — Приезд Нелидовой в Гатчину. — Гатчинские маневры. — Новые строгости Павла. — Неудовольствие офицеров. — Отзывы о действиях Павла и влияние на него Нелидовой.

Военные тревоги в Павловске не могли, однако, побудить Нелидову приехать в Павловск, так как она удержана была в Петербурге болезнью и смертью г-жи Делафон и собственным нездоровьем; в это же время там готовилась свадьба брата ее, Аркадия, с дочерью графа Буксгевдена, вновь назначенного петербургского военного губернатора. Мария Феодоровна переписывалась с нею ежедневно длинными письмами, на которых и Павел Петрович делал свои короткие приписки, оговариваясь: «человек, который весь день работает не имеет много времени, чтобы писать так длинно»[150]. Оба они приглашали Нелидову приехать скорее к ним; после приезда императорской четы в Гатчину, 20-го мая, приглашения эти сделались еще более настойчивы[151]. Между ней и Павлом видимо существовала именно тогда размолвка, вызванная, вероятно, крутыми мерами Павла. Из военных приказов того времени видно, что за время с 1-го мая 1797 года по 24-е августа того же года исключено было из службы за пьянство, нерадение и т.д. 117 офицеров[152]. Некоторые из приказов этих были оскорбительного содержания даже для лиц, к делу неприкосновенных; так, в приказе от 14-го августа было объявлено: «лейб-гвардии Преображенского полку, поручик Шепелев выключается в Елецкий мушкатерский полк за незнание своей должности, за лень и нерадение, к чему он привык в бывшей должности его при князьях Потемкине и Зубове, где, вместо службы, обращались в передней и пляске»[153]. Несколько ранее исключены были из службы камергеры Олешев и Балк за маловажные провинности; той же участи должны были подвергнуться еще четверо, в том числе два князя Голицына, которым был уже объявлен указ об исключении, но вслед затем они были прощены с угрозой, что указ этот будет приведен в исполнение при первой их оплошности[154]. Из Смольного Нелидова посылала Павлу просьбы о помиловании многих из этих лиц. Некоторые из них были исполнены, но на другие она

получала отказ.

«Помилуйте несчастного Олешева, — писала Нелидова императору 3-го августа. — Бог благословил уже вас за Рата (полковника, прощенного по просьбе Нелидовой), заслужите еще благословение, дорогой государь. Когда я вижу глубоко прочувствованное горе, я жду вас, и пока я буду видеть подданных, почитающих за счастие служить вам, я буду вас мучить для того, чтобы вы не отвергали их службы. Прощайте, будьте добры, будьте собою, ибо истинное расположение ваше — доброта»[155].

«Я разделяю скорбь вашу, прошу отпустить мне мои грехи, — писал ей Павел 14-го августа, — но… не в моей власти уничтожать то, что было раз. Прощайте»[156].

Даже Нелидовой не легко было иметь влияние на Павла Петровича. «Считая себя всегда правым, — говорит Саблуков, — он весьма упорно держался своих мнений»[157]. В этих случаях он не хотел уступать, из чувства правды и самолюбия, кому бы то ни было, особенно женщине и особенно в той области своей деятельности, которой он придавал чрезвычайно важное значение, и в которой женщина, по его мнению, не могла быть судьею. Сохранилась в рукописи следующая записка Павла к Нелидовой, без обозначения года и числа, но, насколько можно судить по ее содержанию, относящаяся к описываемому времени.

«Вы в праве сердиться на меня, Катя (в письме на французском языке это слово написано по-русски). Все это правда, но правда также и то, что с течением времени, со дня на день, сделаешься, слабее и снисходительнее. Вспомните Людовика XVI: он начал снисходить и был приведен в тому, что должен был уступить. Всего было слишком мало и, между тем, достаточно для того, что в конце концов его повели на эшафот. Во всем этом нет женщины, хотя здесь хотят только женщин» (намек на предыдущее царствование, когда был возможен упадок дисциплины)[158].

В настоящую минуту, однако, отсутствие Нелидовой и ссора с ней были для Павла тем тягостнее, что на предстоящих маневрах он надеялся доказать все превосходство своей военной системы сравнительно с прежней; с другой стороны, именно маневры заставляли Марию Феодоровну желать, чтобы в это время добрый гений Павла был возле него, тем более, что история с тревогами в Павловске не выходила у нее из головы. Поэтому на другой день после переезда Павла в Гатчину Нелидова получила от императорской четы новое приглашение, сделанное в самых ласковых и убедительных выражениях.

Граф Иван Павлович Кутайсов.

«Вы — наш добрый, наш истинный друг, — писала ей Мария Феодоровна, — и всегда им будете; любить вас для нас благо. Приезжайте к нам, заклинаю вас всеми благородными чувствами вашей души, которые, по совести, предписывают вам это сделать. Наш дорогой император искренно сожалеет о том, что огорчил вас, клянусь вам. Гатчинские удовольствия утрачивают свою цену, потому что вас тут нет. Он это чувствует и говорит, и я говорю это вместе с ним, потому что желательно это ежеминутно. Послушайтесь голоса дружбы, поверьте мне, добрый друг мой, что более продолжительное отсутствие ваше было бы

действительным злом, которое вы причинили бы мне, оно было бы даже жестоким для вас, так как ваше сердце было бы в праве упрекать вас за то, что вы истинно огорчили меня. Приезжайте на свидание с друзьями, нежно любящими вас. Мы ждем вас завтра наверное. Все готово, чтобы принять вас, и вас встретят и обнимут очень, очень нежно». «Если я утратил право уговаривать вас, — прибавлял в этом письме Павел, — то я не мог бы найти лучшего ходатая, чем та, которая пишет к вам. Наше пребывание здесь началось при столь счастливых предзнаменованиях, и их нарушает лишь ваше отсутствие. Недостает лишь вас для моего счастия в этом месте, где Господ Бог дозволил мне предначертать то, что я теперь исполняю. Приезжайте, вас ждут — не нарушайте предзнаменований. Я вас жду»[159].

И Нелидова должна была приехать и присутствовать за всех парадных маневрах, которые происходили в Гатчине осенью 1797 года. Без сомнения, и Павлу, и ей живо представлялись минувшие, казавшиеся уже столь далекими дни, когда в той же Гатчине опальный великий князь производил также маневры с несколькими ничтожными батальонами. Сравнительно с настоящими то были, конечно, не маневры, а простые военные потехи: до такой степени все казалось мизерно и бесцельно. Теперь, выражаясь словами Павла, Господь Бог дозволил ему исполнить то, что он предначертал этими потехами и ради чего в первые 10 месяцев своего царствования преобразовывал екатерининскую армию ценою всевозможных усилий и жертв. «Это были первые маневры по восшествии на престол императора, — пишет участник Лубяновский. — Командовали: авангардом — наследник цесаревич, арьергардом — фельдмаршал граф Каменский; фельдмаршал князь Репнин был главнокомандующим. Не проходило дня без дождя; невзирая на то, все шло превосходно. Государь оттого был еще довольнее и веселее… За последним маневром и за приказом у развода велено собраться всем генералам и полковым командирам; адъютанты, в том числе и я, приютились за начальниками. Окруженный победоносными и побежденными вождями, император, изустно повторив все то, что отдано было в приказе, особенно всем войскам благоволение и удовольствие, потом изволил сказать (так у меня записано): «Я знал, господа, что образование войск по уставу было не всем приятно; ожидал осени, чтобы сами увидели, к чему все клонилось. Вы теперь видели плоды общих трудов в честь и славу оружия российского». Маневры закончились парадом, на котором, проходя мимо императрицы, никто не салютовал эспантоном так легко, так искусно и ловко, как император и главнокомандующий фельдмаршал, оба по званию

батальонных командиров, в штиблетах[160]. Но другой современник — очевидец, Саблуков, ближе стоявший к особе императора, рисует события и с иной стороны. «В Гатчине, — говорит он, — происходили большие маневры и смотры и, пока они продолжались, большие увеселения: концерты, балы, театральные представления беспрерывно следовали одни за другими; казалось, что все удовольствия Версаля и Сан-Суси сосредоточились в Гатчине. Но, увы! эти празднества часто помрачались строгостями всякого рода, как, например, арестом офицеров или мгновенной ссылкой их в отдаленные полки. Случались также несчастья, какие бывают нередко на больших кавалерийских маневрах, и это весьма раздражало императора. Но хотя он всегда приходил в гнев от таких случаев, однако, постоянно выказывал много человеколюбия, когда кто либо был серьезно ранен»[161]. Очевидно, что Павел, верный своим убеждениям, не желал показать в себе слабость. Нелидова тщетно писала ему: «Вот, любезный друг, что вы только-что прочли, и что я нахожу, открыв книгу на удачу; это подтверждение нашего разговора: государи еще более всех прочих людей должны упражняться в терпении и умеренности. Чем выше поставлены, тем более имеем мы необходимых отношений к людям, и тем чаще приходится нам оказывать терпение и умеренность, ибо все люди несовершенны»[162]. Дело, впрочем, не ограничивалось одними увещаниями Нелидовой: споры ее с Павлом доходили иногда до крайней резкости, где она обнаруживала свой пылкий характер.

Саблуков именно к этому времени относит одну из таких сцен, которой он был свидетелем; мы уже привели раньше эту сцену, а теперь позволим себе привести ее более подробно: «Однажды, — рассказывает он, — когда я был на карауле во дворце, произошла забавная сцена. Офицерская караульная комната была у самого кабинета государя, в котором я часто слышал его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, в которой стоял караул, а из этой прихожей длинный, узкий коридор вел во внутренность дворца, и тут был поставлен часовой, чтобы вызывать караул каждый раз, как император шел оттуда. Вдруг я услышал крик часового: «на караул!», выбежал из своей комнаты, и солдаты едва успели схватить свои ружья, а я обнажил свою шпагу, как дверь коридора открылась настежь, и император в башмаках и шелковых чулках, при шляпе и шпаге поспешно вошел в комнату и в ту же минуту дамский башмак, с очень высоким каблуком, полетел через голову его величества, чуть-чуть ее не задевши. Император чрез мою комнату прошел в свой кабинет, а из коридора вышла

Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмак, надела его и вернулась туда же, откуда пришла. На следующий день, когда я снимал караул, его величество пришел и шепнул мне: «Мой милый, у нас вчера была ссора». «Точно так, государь», ответил я. Меня очень позабавил этот случай, и я не сказал о нем никому, ожидая, что за ним последует что-либо, не менее забавное, и в этом ожидании я не был обманут. В тот же день, вечером на бале, император подошел ко мне, словно к близкому другу и поверенному, и сказал: «Мой милый, потанцуйте что-нибудь хорошенькое». Я тотчас понял, что его величеству угодно, чтобы я потанцевал с Е. И. Нелидовой. Что она могла протанцевать, кроме менуэта, гавота сороковых годов? Я спросил дирижера оркестра, может ли он сыграть менуэт, и, получив утвердительный ответ, велел ему начать его и тотчас пригласил Нелидову, которая отличалась своими танцами в Смольном монастыре. Мы начали танцевать. Какую грацию выказывала она, как великолепно выделывала па и производила обороты, какая плавность была во всех движениях прелестной крошки — точь в точь знаменитая Латини, учившая ее! Да и я не забыл уроков Канциани, моего танцевального учителя, и, при моем кафтане à la Frederic le Grand, мы, должно быть, имели точь в точь вид двух старых портретов. Император был в восторге и следил за нами в течение всего менуэта, поощряя нас восклицаниями: «C'est charmant, c'est superbe, c'est delicieux!»[163].

В то время, как все эти сцены происходили во дворце, среди маневрировавшей армии появлялись признаки дурного настроения. Очевидно, нашлись люди, которые по своему хотели истолковать взыскательность и мелочную придирчивость государя к гвардии. В особенности недоволен был Преображенский полк, которым командовал главный и самый жестокий экзерцирмейстер, Аракчеев, по своей неразвитости точнее других исполнявший самые суровые предписания Павла и менее всего способный постигнуть дух их и беречь имя государя. В том же сентябре Павел писал Аракчееву: «Доходит до меня, что некоторые офицеры Преображенские, как Чирков и Рахманов, распускают слухи, что я, гвардии невзлюбя, хочу корпус иностранный для моей безопасности заводить и послал за французским принцевым корпусом»… Другая записка Павла Аракчееву, тогда же написанная, еще важнее по своему содержанию: «Сведал я, — писал он, — что офицеры ваши разглашают везде, что они не могут ни в чем угодить, забывая, что если бы они делали, что других полков делают, то они равно им угождали, то и извольте им сказать, что легкий способ сие кончить — отступиться мне от них и их кинуть, предоставив им

всегда таковыми оставаться, каковы мерзки (sic) они прежде были, что я и исполню, а буду и без них заниматься обороной государственного»[164]. Легко понять теперь, почему в ошибках офицеров Павел склонен был видеть оппозицию себе. 6-го октября в высочайших приказах уже отдано было: «Его императорское величество соизволил указать выбрать из Преображенского полка рядовых, которые не хотят в оном полку служить, для отсылки в Томск в гарнизонный Пелагинова полк»; вслед затем последовало увольнение от службы некоторых офицеров этого полка и массы унтер-офицеров из дворян[165]. Другим полкам было не легче: очевидно, что и после прекрасных маневров, доставивших удовольствие государю, взыскательность не уменьшилась. «Часто, — говорит Саблуков, за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры, прямо с парада, отсылались в другие полки на большие расстояния, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали на карауле, мы имели обыкновение класть несколько сот рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мне давать взаймы деньги товарищам, забывшим эту предосторожность. Такое обращение держало офицеров в постоянном страхе и беспокойстве, и многие, вследствие его, совсем оставляли службу и удалялись в свои поместья, между тем, как другие, оставив армию, переходили в гражданскую службу… Легко себе представить, что эта система держала семейства, к которым принадлежали офицеры, в состоянии постоянного страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербург, Москва и вся Россия были погружены в постоянное горе»[166]. Нелидова, в этой чисто военной сфере, не могла всегда и во всем руководить действиями Павла, окруженного людьми, подобными Аракчееву, хотя многое узнавала и делала чрез своего брата Аркадия Нелидова, генерал-адъютанта государя. Этого генерала Нелидова Саблуков называет прекрасным молодым человеком, пользовавшим большим влиянием на императора и, в союзе с Екатериной Ивановной (Нелидовой), прилагавшим все старания к тому, чтобы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую милость на людей достойных и облегчать участь тех, которые попадали в опалу»[167].

Между тем, интрига против императрицы и Нелидовой уже зрела среди лиц, ближайших к Павлу, при главном участии Ивана Кутайсова.

X

Главные деятели Павловского царствования. — Влияние Марии Феодоровны и Нелидовой на дела внешней политики и внутреннего управления. — Образование партии, враждебной императрице и Нелидовой. — Безбородко, Кутайсов и Растопчин. — Рождение великого князя Михаила Павловича. — Увольнение Растопчина. — Отъезд императора Павла в Москву.

Мы должны были подробно остановиться на выяснении военного режима императора Павла, Чтобы указать точнее характер роли Нелидовой в той области его деятельности, которая несомненно имеет в общем решающее значение для оценки его царствования. Увлечение императора мелочами военного дела было для него тем пагубнее, что мешало ему более внимательно относиться к делам внешней политики и внутреннего управления; внешняя политика сделалась для него политикой сердца, а дела внутреннего управления, требовавшие при выполнении задуманных Павлом реформ постоянной систематической работы, часто находились в зависимости от личности докладчиков, умевших иногда, хотя не всегда безнаказанно, направлять, сообразно личным выгодам, волю государя, стремившегося в теории к справедливости и общей пользе, а между тем часто, хотя бессознательно, следовавшего на практике чужим, своекорыстным внушениям. Главными деятелями являлись князь Александр Куракин, вице-канцлер, — по делам внешним, и князь Алексей Куракин, генерал-прокурор, — по делам внутренним; оба были поддерживаемы и императрицей, и Нелидовой, и оба ничем не заслуживали этого покровительства. Князь Безбородко, осыпанный милостями императора, тем не менее оставался в тени этих двух братских светил и естественно был крайне недоволен своим положением: хотя с ним продолжали советоваться по всем важным вопросам, но в сущности он играл лишь роль живой справочной политической энциклопедии, опытом и знанием которой часто пользовались для достижения целей, вовсе ему несимпатичных. Друг его, Рожерсон, писал Воронцову 1-го августа: «Князь Безбородко почти закончил свое лечение и, следовательно, принужден будет проводить больше времени в Павловске. Он употребляет все усилия, чтобы ограничиться своим департаментом (коллегию иностранных дел), и даже говорит довольно открыто о своем непреложном намерении выйти чрез год в отставку. Он не успеет в этом. Между тем, дела внутреннего

управления почти целиком находятся в руках генерал-прокурора, который, в то время, как наш государь почти исключительно сосредоточил свое внимание на военных распорядках, имеет значение как бы соправителя… Вице-канцлер более ничтожен, чем когда либо, но человек он добрый, совсем другой, чем брат его, который имеет несчастье быть ненавидимым всеми[168]. Безбородко был в особенности недоволен направлением, которое под давлением французских эмигрантов принимала внешняя политика императора, постепенно изменявшего своей политике невмешательства в дела Европы и готовившегося уже обнажить свой меч против революционной Франции. В этом случае рыцарские, легитимные чувства государя вполне совпадали с нравственно-сентиментальными чувствами императрицы и Нелидовой, искренно сожалевших об участи жертв революции и ласково принимавших эмигрантов. Еще в Москве, во время коронации, повелено было, 14-го апреля, трем дивизиям готовиться к походу, чтобы оказать помощь Австрии, которая однако не дождалась ее и поспешила заключить мир с Францией, а вслед затем началось уже явное, со стороны России, покровительство Бурбонам и разным французским выходцам, выдававшим себя за приверженцев монархии. Из эмигрантов особенным вниманием императрицы и Нелидовой пользовались гриф Шуазель-Гуфье и принцесса Тарант, бывшая статс-дамой несчастной Марии-Антуанеты и начавшая заниматься в России пропагандой католицизма[169]. Папский нунций Литта и брат его, граф Литта, убедивший Павла принять под свое покровительство Мальтийский орден, — также пользовались поддержкой Нелидовой чрез г-жу Гейкинг, дочь г-жи Делафон, вполне преданной нунцию[170]. Последнее обстоятельство было особенно важно в том отношении, что открыло дверь ко влиянию при дворе иезуитов. «Эти эмигранты, — писал Рожерсон, — похожи на чуму: повсюду, где только они являются, они грызут руку, которая их кормит»[171]. Масса эмигрантов принята была в русскую военную службу, в том числе весь эмигрантский корпус принца Конде; многим пожалованы были имения и назначены пенсии; наконец, сам претендент на французскую корону, будущий Людовик XVIII, приглашен был прибыть в Россию и в 1798 году поселился в Митаве. Усиление в России католицизма, с иезуитами во главе, преследование чуждых для России интересов Мальтийского ордена и бурбонской династии, разрыв с Францией — вот что было последствием влияния эмигрантов. Все это производило в обществе тяжелое впечатление[172]. Безбородко также был против допущения эмигрантов в Россию и особенно против принятия на службу корпуса Конде, но в конце концов едва добился только

того, что корпусу Конде назначена была стоянка в юго-западной России, а не в Петербурге или около него[173]. Новая неудача, постигшая старый проект брака великой княжны Александры Павловны с шведским королем Густавом IV, также не свидетельствовала об успехе русской политики и повела только к разладу в среде императорского семейства. Так как Густав вслед затем женился на баденской принцессе, сестре великой княгини Елизаветы Алексеевны, то это подало повод императрице Марии Феодоровне горько упрекать великую княгиню в интриге. Любопытно, что молчаливой свидетельницей этой сцены была одна лишь Нелидова, которая была также доверенной посредницей Марии Феодоровны с шведским посланником Клингспором. Ожидали даже разрыва с Швецией. «Шведская свадьба, — писал Безбородко, — здесь неприятна. Император, казалось бы, взирал на нее равнодушно, но с другой стороны его поджигают. Мне несколько раз императрица давала чувствовать, что я будто бы с лишней флегмой смотрю на сие событие. Вчера прислали меня спросить, каким образом делается запрещение на вывоз хлеба в Швецию… По адмиралтейству, сказывают, секретно велено приуготовить гребной флот… Выйдут одни демонстрации не к времени и не у места»[174]. Завязавшиеся переговоры с Австриею отвлекли затем внимание императрицы от дел шведских, но с того времени охлаждение между нею и Елизаветой Алексеевной было весьма заметно.

Влияние Марии Феодоровны и Нелидовой на дела внутренние также возбуждало опасения. «Жаль, — писал враг их, Растопчин, летом 1797 года, — что на императора действуют внушения императрицы, которая вмешивается во все дела, окружает себя немцами и позволяет обманывать себя нищим (т. е. эмигрантам). Чтобы быть увереннее в своем значении, она соединилась с m-lle Нелидовой, которую она ранее с полным основанием презирала и которая, однако, сделалась ее интимным другом, с 6-го ноября прошлого года[175]. Мы, три или четыре человека, — отверженные люди для этих дам, потому что мы служим только одному императору, а этого не любят и не хотят. Они желали бы удалить князя Безбородко и заместить его князем Александром Куракиным, глупцом и пьяницей, поставить во главе военных дел князя Репнина и управлять всем посредством своих креатур. Это — план князя Алексея Куракина, величайшего бездельника, который грабит и запутывает все и бесстыдно выпрашивает себе милостыни»[176]. Алексей Куракин действительно возбуждал против себя всеобщее негодование своим корыстолюбием и стремлением к достижению личных целей; неудовольствие многих влиянием на Павла Марии

Феодоровны и Нелидовой объясняется исключительно действиями Куракина. Павел Петрович не любил инициативы своих докладчиков по делам внутреннего управления, допуская выражение их мнений лишь по текущим делам[177]; между тем Алексею Куракину и в этом отношении предоставлено было широкое поле для действий. «Генерал-прокурор, — писал Безбородко, — имеет обычай и тем угождать, чтобы проект за проектом выдавать, хотя и выходят иногда большие несообразности». Насколько проекты эти были творением самого Куракина, имевшего тогда у себя в канцелярии выдвинутого им Сперанского, — судить здесь не место; но проект его об изменении финансовой системы, поддерживаемый иностранным прожектером Вутом, вызвал ожесточенное сопротивление и Безбородко, и Васильева, бывшего тогда государственным казначеем, и многих других, видевших во многих частностях этого проекта опасность для государства. «Явился у нас, — писал Безбородко Воронцову в конце декабря 1797 г., — некто Вут, вам конечно известный комиссионер Гопа (голландского банкира). Он свои дела хорошо делает, скупает долги на поляках, да и Бог с ним; но вздумал нас учить финансам, открыв себе через графа Николая (Румянцева)[178] доступ к ее величеству, а тем, добился и к государю, подал планы неудобные… Барон Васильев не был с ним согласен и, по моему несчастью, навязал мне этого человека. Я возразил на многие его проекты и видел, что государь имеет довольно чистое понятие о вещах, до финансов касающихся, кроме предубеждений некоторых. Нам с Бутом дано было прение пред императором и императрицей. Кажется, что я удержу от всяких мер несообразных, но ее величество не довольна, что я не понимаю польз, г. Вутом предложенных. Вообще она меня, хотя очень хорошо трактует, не не столько имеет прежней intimite. Я всему сему очень рад, лишь бы она употребила свою инфлюенцию на испрошение мне свободы»[179]. «Я слышу, — писал он же в конце января 1798 г., — что Куракин хочет банковое учреждение поправлять, я не знаю как. Вут сделался настоящим учителем в истории финансов, и с ним борется один только человек честный и твердый, барон Васильев. Я думаю, что этот Вут нас далеко заведет, и сам в накладе не останется»[180]. Что касается князя Александра Куракина, то вот как отзывается о нем близко знавший его по делам Гейкинг, преданность которого к Нелидовой не подлежит сомнению. «Он страдал, — говорит он, — положительным отсутствием способностей и трудолюбия. Человек тщеславный, занятый своим туалетом и своими бриллиантами, он интересовался лишь женщинами, музыкой да дурачествами. Будучи холодным эгоистом, он никому не

приносил ни вреда, ни пользы. Впрочем, он хорошо объяснялся по-русски, по-немецки и по-французски, обладал представительною наружностью и хорошими манерами, но лицо его не имело никакого выражения и смех был дурацкий»[181]. Император был недоволен им еще летом 1797 года: Куракин уже думал тогда о своей отставке, но заступничество Нелидовой помогло ему еще удержать за собою свое место[182].

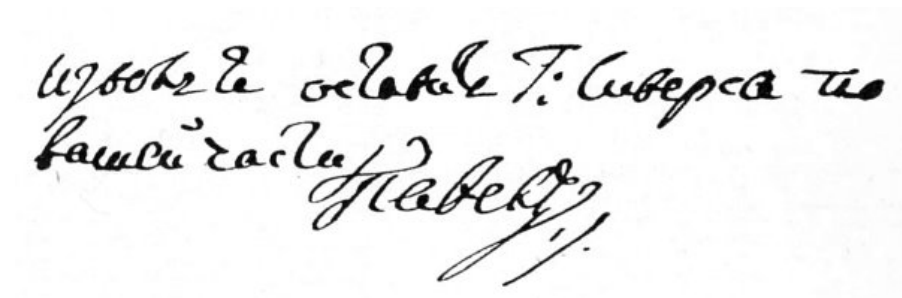
Мы знаем уже, что главными и ближайшими к Павлу Петровичу лицами, враждебными Марии Феодоровне и Нелидовой, были Кутайсов и Растопчин. Но оба они были новичками в делах государственных; для двора и общества это были еще parvenus, выскочки, в особенности первый из них, Кутайсов. Ничтожные пока сами по себе, и Кутайсов, и Растопчин почувствовали под собою твердую почву, когда во враждебном императрице смысле стал проявлять свою «инфлюенцию» такой авторитетный и испытанный государственный ум, как Безбородко. Подробности сношений его с Кутайсовым остаются пока неизвестными. Тем важнее для нас свидетельство Гельбига о перемене отношений Безбородко к Марии Феодоровне и Нелидовой и о сближении его с Кутайсовым. «Хитрый Безбородко, — говорит он, — сумевший скоро раскусить избранника, снизошел с своей высоты и присоединился к Кутайсову, чтобы при помощи его подняться еще выше. Союз этих двух лиц породил неограниченную власть, которую они и практиковали. Безбородко руководил Кутайсовым, а Кутайсов направлял императора по воле своего друга. Девицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своим достоинствам, она стала подругой императрицы. В императорской семье не было согласия, чего они и не желали, так как оно могло быть опасно их влиянию. Поэтому-то им было необходимо разрушить дружбу, грозившую им опасностью»[183]. «Кутайсов, — говорит Гельбиг в другом месте, убежденный, что им руководит муж более умный, чем он, говорил и делал лишь то, что предлагал ему Безбородко»[184]. Легко было раздражать Павла, указывая ему на ошибки и противозаконные действия сановников — ставленников императрицы и ее подруги: в рукописных и печатных свидетельствах сохранились, например, анекдотические, хотя и весьма правдоподобные, сведения о резких формах, в которых выражался гнев Павла на Алексея Куракина: однажды он собственноручно наказал его палкой и часто бранил его самым бесцеремонным образом[185]. Но разорвать дружбу Павла с Нелидовой возможно было лишь не иначе, как удалив его от императрицы и обратив его внимание на другую женщину, которая могла бы, вместо Нелидовой, служить предметом его

рыцарского поклонения.

Обстоятельства благоприятствовали интриге. Кутайсов, достигая высоких чинов, продолжал ежедневно брить государя и по-прежнему находился при его особе, пользуясь своим значением, чтобы интриговать против всех лиц, казавшихся ему опасными для его влияния. В случаях, когда обнаруживалась невинность оклеветанного, возмущенный Павел собственноручно наказывал Кутайсова палкой, сняв предварительно с него ленту; однажды Павел Петрович до того рассердился на своего фаворита, что прогнал его, не велел ему показываться на глаза, и пред его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которые переменялись каждые два часа, как бы в ожидании, куда везти любимца. Привычка к Кутайсову брала, однако, у отходчивого Павла верх над гневом, и государь, сам того не замечая, часто следовал его внушениям, вполне полагаясь на его преданность и за нее многое ему извиняя. «Еще в начале царствования Павла, — пишет Чарторыжский в своих мемуарах, — я видел Кутайсова в экзерциргаузе, где производились смотры войск, подносящим государю бульон. Как камердинер, он был в утренней ливрее, и в этом костюме, как мне казалось, он имел большое сходство с Фигаро. Но уже тогда он был предметом предупредительных приветствий и рукопожатий большинства генералов и лиц, присутствовавших на смотрах и окружавших его толпою. Вскоре, благодаря значению своему при государе, он сделался вельможей и всемогущим фаворитом»[186]. К нему для достижения общих целей примкнул также постоянно находившийся при государе, в качестве его генерал-адъютанта, Растопчин. «В течение двух лет, — объяснял он впоследствии свое поведение, — я почитал Кутайсова человеком честным и привязанным к государю, как и я, чувством благодарности. С ним можно было говорить о его неровностях, переменчивости, причудах… Мы искренно любили государя: я по чувству чести, он же — постоянно оставаясь слугою»[187]. Наконец, как орудие Безбородко, почти ежедневно был с докладами у Павла его статс-секретарь Обресков, бывший ранее личным секретарем Безбородко и обязанный своим возвышением его ходатайству[188].

Под влиянием этих лиц отношения императора к его супруге начали ухудшаться еще в конце 1797 года, когда Мария Феодоровна ожидала скорого разрешения своего от бремени. «Дорогой государь, — писала в это время Павлу Нелидова, — подумайте, что страдания, которые императрица испытывает уже четыре недели, истощают ее силы. Ее нездоровье приближается к концу. Вы ее любите: подумайте, чем можно ее поддержать; она же сделает все, что может. Она, быть может, не желала бы, чтобы

я беспокоила вас, но разве я не могу рассчитывать на вашу человечность? Я не прошу у вас ответа — «Я вспоминаю, — писала она вслед затем, — что когда вы вчера вечером оставили меня, у меня сердце сжалось, что вы холодно относились к императрице, тогда как причиной вашего гнева была одна лишь я, а на ней вы только сорвали свое раздражение. Уведомьте меня одним только словом, что вы от всего сердца поцеловали свою добрую жену, и тогда я успокоюсь и скажу вам сегодня же после обеда, что вы достойны чувств, которые она питает к вам».



Записка императора Павла к императрице Марии Феодоровне (1798 г.)

Между тем внимание императрицы Марии в начале 1798 года поглощено было семейными горестями и заботами. В конце 1798 года, скончался ее отец, владетельный герцог виртембергский; едва оправившись от этого удара, императрица 28-го января разрешилась от бремени сыном, великим князем Михаилом Павловичем.

Роды императрицы, по словам современников, были очень трудные, хотя нарочно для этого случая приглашен был заранее берлинский профессор-акушер Мекель[189]; вслед затем медики объявили, что императрица едва-ли может перенести другие. В истории большинства придворных интриг XVIII века медики играли одну из главных ролей, всегда однако оставаясь в тени со своими диагнозами и медикаментами. Король прусский Фридрих II, этот Маккиавели XVIII века, в своих записках прямо и философски-спокойно рекомендовал обращаться к содействию докторов для достижения политических целей. В данном случае мнения врачей, окружавших Марию Феодоровну, могли быть внушены лицами, интриговавшими против нее, что тем вероятнее, что еще во время коронации главный медик Марии Феодоровны прямо выражал свое неудовольствие на нее, получив меньше наград, чем он ожидал[190]. Если верить современникам, то и берлинский эскулап также участвовал в интриге. «Роды императрицы, — рассказывает графиня Головина, — были

трудны, но не опасны. Так как она в то время лишилась своего постоянного акушера, то пригласила акушера из Берлина. Этот господин, подкупленный вероятно теми, кто желал подорвать кредит императрицы и Нелидовой, — именно Кутайсовым, объявил государю, что он не отвечает за жизнь императрицы в случае вторичных родов. Это послужило источником всевозможных интриг, происходивших в течение года». Трудно сказать положительно на сколько знали об этой интриге сама императрица вместе с своею подругою, но уже 4-го марта генерал-адъютант Растопчин по прошению был уволен от службы[191].

По словам Чарторыжского, Растопчина считали при дворе душою партии, враждебной Марии Феодоровне[192], так как он был болтлив и выделялся своими резкими и несдержанными отзывами, а Кутайсова, «Ивана», очевидно, слишком уже презирали. «Я был прям и честен, — писал потом Растопчин, — за это я подвергся преследованиям; думал вслух — за это меня прогнали»[193].

Павел Петрович, обрадованный рождением четвертого сына, продолжал в это время относиться к своей супруге внимательно, окружая ее своими заботами и попечениями. В марте месяце Мария Феодоровна со дня на день ожидала приезда в Петербург горячо любимой ею матери своей, вдовствующей герцогини Виртембергской, Софии-Доротеи; для постоянного жительства герцогини в Павловске спешно строился деревянный дворец, ныне Константиновский, а в то время именовавшийся «дворцом вдовствующей герцогини Виртемберг-Штутгартской»[194]. Но в самом разгаре приготовлений к приему матери, Мария Феодоровна полупила внезапную весть о ее смерти, последовавшей 9-го марта 1798 года. Императрица была в отчаянии, и Павел Петрович снова оказывал ей самое нежное внимание и заботливость. Но, по горькой иронии судьбы, этот удар, постигший Марию Феодоровну, оказался роковым для нее: те ate медики объявили, что состояние здоровья императрицы не позволяет ей участвовать в предположенной еще зимою поездке императорской семьи по восточной России, и предписали ей тихий и спокойный образ жизни в любимом ею Павловске[195]. 5-го мая 1798 года, Павел Петрович, с великими князьями: Александром и Константином Павловичами, выехал в Москву и Казань, сопровождаемый военной и придворной свитой своей и злым своим гением… Кутайсовым; еще накануне выехал в Москву Безбородко. Таким образом, впечатлительный, увлекающийся государь оказался совершенно и надолго под влиянием людей, стремившихся уже давно, исподволь, к унижению Марии Феодоровны и Нелидовой и собственному возвышению. Следует

еще заметить, что Растопчин, уволенный от службы 4-го марта, оставался еще в Петербурге довольно долго под разными предлогами и, разумеется, не потерял даром времени[196]. «Растопчин, — говорит Чарторыжский, — не был способен прощать обиды; он хотел отомстить тем, кто был причиной его падения, и сблизился с Кутайсовым: нужно было отвлечь Павла от Нелидовой и поссорить его с его женой»[197]. План действий был составлен искусно: Кутайсов, вместе с Безбородко, уехал исполнять его в Москву, а Растопчин остался выжидать результатов по-прежнему в Петербурге.

XI

Прибытие Павла Петровича в Москву. — Интриги Кутайсова. — Анна Петровна Лопухина. — Рассказ Гейкинга и Тургенева. — Возвращение Павла в Петербург. — Отношение его к императрице и Нелидовой. — Усиление подозрительности в императоре. — Тяжелое положение императрицы и невнимание к ней Павла Петровича.

Павла Петровича встретили в Москве тепло, даже с любовью. Чарторыжский вообще неблагосклонно отзывавшийся о Павле, пишет в своих мемуарах, что общественное настроение было в это время спокойное. «Порядок вещей, — говорит он, — казался установленным на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному влиянию императрицы и ее подруги. Общество мало-помалу привыкало к странностям и неровностям поведения Павла»[198]. Притом в Москве и в провинции все мелочные и строгие до жестокости распоряжения государя, касавшиеся быта жителей, далеко не были так чувствительны, как в Петербурге; напротив, простой народ, крестьяне и раскольники, преимущественно Павлу обязаны были облегчением своей участи, и все сословия испытывали ослабление злоупотреблений администрации, достигших своего апогея в конце царствования Екатерины; от Павловского времени, например, до сих пор сохранилась поговорка: «положение хуже губернаторского», так как губернатор фактически являлся ответственным за благосостояние губернии, ему вверенной, и за ущербы, наносимые чиновниками казне или частным лицам, должен был часто платиться даже собственным карманом. «С начала вступления Павла Петровича на трон, — говорит А. М. Тургенев, ярый его порицатель, — в кабаках не подталкивали, в лавках не обвешивали, а в судах не брали взяток. Все боялись кнута: школы правоведения тогда не существовало». [199] Неудивительно, поэтому, что сам Павел в течение шести дней, проведенных им в Москве, присутствуя на балах, смотрах, посещая различные учреждения, был очень весел и убедился в народной к нему любви; раскольники под Москвой, при одной вести о случайной прогулке Павла, выбежали ему на встречу двадцатитысячной толпой, окружив его в открытом поле и выражая ему преданность. Заметили, что именно во время пребывания своего в Москве, Павел всего более обнаружил природную свою любезность и склонность к великодушным порывам… Кто мог думать тогда, что в эти минуты совершается

пагубный перелом в истории его царствования?

Любопытен рассказ об этом переломе лица, близко стоявшего к Нелидовой и ко двору Павла, — Гейкинга, знавшего все подробности событий от самой Нелидовой и смотревшего на придворные перемены преимущественно с ее точки зрения.

«Орудием, которым агитаторы всегда пользуются столь же ловко, как и успешно, — всегда служили дураки. Для привлечения их на свою сторону, агитаторы начинают с того, что сверх меры превозносят их честность; дураки хотя внутренне и удивляются этим незаслуженным похвалам, но так как они льстят их тщеславию, то они беззаветно отдаются в руки коварных льстецов. Таким-то порядком произошло и то, что Кутайсов вдруг оказался образцом преданности своему государю, стали приводить примеры его бескорыстия; стали даже приписывать ему известную тонкость ума и выражать притворное удивление, как это государь не сделает чего-нибудь побольше для такого редкого любимца. Кутайсов, в конце-концов, сам начал верить, что его приятели правы; но он дал им понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любят и мешают его возвышению. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и уверять, что от него самого зависит господство над Павлом, если он подставит ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставит свои условия. Напомнили ему о девице Лопухиной и внушили ему, что он должен делать в Москве. Кутайсов обещал все исполнить, а так как ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желал бы видеть государя избавленным от опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьев Куракиных, то он всецело примкнул к этому заговору, хотя и не предвидел его результатов.

Встреча, оказанная государю в Москве, была восторженная, а так как сердце у него от природы было мягкое, то он был живо тронут этими выражениями преданности и любви. Бедный монарх обладал любящей и чувствительной душою. И зачем это так случилось, что его раздражительный характер и болезненно-настроенное воображение вечно заставляли его идти ложным путем! Исполненный радости, он в тот же вечер сказал Кутайсову:

— Как отрадно было сегодня моему сердцу! Московский народ любит меня гораздо более, чем петербургский; мне кажется, что там меня гораздо более боятся, чем любят.

— Это меня не удивляет, — отвечал Кутайсов.

— Почему же?

— Не смею объяснить.

— Так приказываю тебе это.

— Обещайте мне, государь, никому не передавать этого.

— Обещаю.

— Государь, дело в том, что здесь вас видят таковым, какой вы есть действительно, — благим, великодушным, чувствительным; между тем как в Петербурге, если вы оказываете какую-либо милость, то говорят, что это или государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у вас, так что когда вы делаете добро, то это — они; если же когда покарают, то это вы покараете.

— Значит, говорят, что… я даю управлять собою.

— Так точно, государь.

— Ну, хорошо же, я покажу, как мною управляют! — Гневно приблизился Павел к столу и хотел писать, но Кутайсов бросился к его ногам и умолял на время сдержать себя.

На следующий день государь посетил бал, где молодая Лопухина неотлучно следовала за ним и не спускала с него глаз. Он обратился к какому-то господину, который как бы случайно очутился поблизости от него, но принадлежал к той партии. Господин этот с улыбкою заметил:

— Она, ваше величество, из-за вас голову потеряла.

Павел рассмеялся и возразил, что она еще дитя.

— Но ей уже скоро 16 лет, — ответили ему.

Затем он подошел к Лопухиной, поговорил с нею и нашел, что она забавна и наивна, а после беседы об этом с Кутайсовым все было устроено между сим последним и мачехою девицы. Решено было соблюдать величайший секрет; между тем, и родители, и вся семья должны были быть переведены туда»[200].

Рассказ Гейкинга в общем подтверждается и другими современниками, очевидцами событий. «На третьем бале, — пишет Тургенев, — Павел Петрович пленился красотою дочери сенатора Петра Васильевича Лопухина, Анны Петровны… Близкий человек, поверенный во всех делах и советник, Иван Павлович Кутайсов, начавший служение брадобреем и кончивший поприще служения обер-шталмейстером, с титулом графского достоинства, с орденом св. Андрея Первозванного, был послан негоциатором и полномочным министром трактовать инициативно с супругою Петра Васильевича и мачехою Анны Петровны, Екатериною Николаевною, рожденной Шетневой, о приглашении Лопухина с его фамилиею в Петербург. Негоциация продолжалась во все время маневров, и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, как за несколько минут до отъезда его величества в Казань… В день отъезда Павла Петровича в Казань экипаж его и всей его свиты стояли у крыльца; государь ожидал негоциатора с ультиматумом — да или нет… Я, пользуясь званием адъютанта фельдмаршала и качеством исправляющего

должность бригад-майора при его величестве, стоял на вышней площадке крыльца; на этой же площадке ходил человек небольшого роста, портфель под мышкой, погруженный в глубокую задумчивость, глаза сверкали у него, как у волка в ночное время, — это был статс-секретарь его величества, Петр Алексеевич Обресков; он сопутствовал государю и должен был сидеть в карете возле царя и докладывать его величеству дела, в производстве состоящие. Ответ решительный Лопухиных тревожил спокойствие души Обрескова; ну, если негоциатор привезет не да, а нет! Тогда докладывать дела Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогневанному отказом, было идти по ножевому лезвию. Все знали, что с разгневанным Павлом Петровичем встречаться было страшно. Минут через десять скачет карета во всю конскую прыть. Обресков ожидает сидящего в карете со страхом и надеждою; остановился экипаж, вышел из кареты Иван Павлович Кутайсов, вбежал на лестницу и с восхищением, громко, сказал Обрескову: «все уладил, наша взяла», и поспешил обрадовать приятною вестью. Через четверть часа после радостного известия Павел Петрович шествовал к экипажу в сопровождении фельдмаршала… За государем взлез к карету Обресков и поскакали»[201].

Чарторыжский, бывший в это время в Москве, как адъютант великого князя Александра Павловича, выражается кратко: «государю дали понять, что он в опеке, что императрица и Нелидова царствуют его именем, и что в этом все убеждены. Ему представили девицу, более молодую и более красивую, чем Нелидова, — при том такую, которая не имела претензии управлять им. Все эти средства подействовали»…[202]. Павел уехал в Казань, а семья Лопухиных стала готовиться к переезду в Петербург.

Для полного объяснения интриги приведем свидетельство самого Растопчина, что мачеха Анны Петровны, Екатерина Николаевна, была ранее в очень близких отношениях с Безбородко…[203]

Императрица и Нелидова «узнали свою беду», по выражению самой императрицы[204], лишь на возвратном пути Павла из Казани, в городе Тихвине, куда 8-го июня Мария Феодоровна, вместе с Нелидовой, выехала на встречу Павлу Петровичу[205]. Вернее сказать, это было пока только лишь предчувствие беды, еще не вполне сознанной и не выясненной, так как Павел Петрович, до приезда Лопухиных, следуя советам Кутайсова, не желал еще проявлять своих чувств и мыслей, получивших в Москве другое направление. Еще из Москвы он писал Марии Феодоровне о Лопухиной, сообщая в шутливом тоне, что девица

Лопухина на бале объяснила ему свою любовь, и выражая свое негодование против «наглости» московских девиц. «Велико было удивление императрицы, — рассказывает фрейлина ее, Муханова, — когда при встрече Павел обошелся с нею холодно, а о девице Лопухиной отзывался уже совсем иначе»[206]. По словам одной придворной дамы, императрица выглядывала в это время до того похудевшей, что дама эта с удивлением заметила об этом Нелидовой, которая ответила ей, что императрица еще не оправилась со времени последних родов[207]. Тем не менее, по наружности все шло хорошо и гладко. В Тихвине государь и государыня присутствовали при перенесении чудотворного образа Тихвинской Божией Матери во вновь выстроенную церковь монастыря, и затем дорогу до Павловска государь проехал большей частью в одной карете с императрицею.

Скрывать долго свое настроение было, однако, невозможно для такого непосредственного, несдержанного человека, как Павел Петрович. «Хотя Павел, по возвращении из Москвы, рассказывает Гейкинг, — довольно удачно скрывал свои тайные намерения и даже пожаловал подарки мнимым креатурам императрицы, однако некоторые слова, сорвавшиеся с языка у вернувшихся из Москвы лиц, возбудили подозрения относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бывают болтливыми: это, может быть, благодеяние природы, снабдившей и ядовитых змей погремушками. О лопухинской интриге скоро узнали, хотя и притворились ничего не знающими. Меня поражало, однако, выражение лица Павла, когда он смотрел на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказал об этом одному из приближенных ко двору людей, но тот мне ответил: «Это только переходящая туча. Изволят дуться, но ненадолго». Наиболее поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли в ход, постоянно получали знаки благоволения и резко критиковали финансовые операции генерал-прокурора, князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана, но теперь стали распространять слух, что он, создавая это учреждение, руководится низкими раз-счетами личного интереса. Закулисные интриганы чувствовали, что их комедия может держаться и привести к желаемой цели лишь в том случае, если должности генерал-прокурора и петербургского генерал-губернатора будут в их руках. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться под князя Алексея Куракина и генерала Буксгевдена… План — окружить государя новыми людьми, как ни тщательно был скрываем, однако, не мог ускользнуть от проницательности многих, заинтересованных в деле; наконец, внезапное повеление г. Лопухину, который был сенатором в

Москве, прибыл в Петербург, достаточно ясно указало на близкое развитие какого-то обширного проекта. Затем, государь так дурно обошелся с вице-канцлером князем Куракиным, что тот вследствие этого захворал. Императрица хотела было поговорить в его пользу, но этим тоже заслужила гнев своего супруга»[208]. Лично к императрице и Нелидовой Павел Петрович относился, однако, весьма сдержано и любезно, и жизнь в Павловске, с внешней стороны, текла обычной мирной колеей; в скором времени после возвращения Павла, по мысли Марии Феодоровны, в садах Павловска устроен был праздник, состоящий из целого ряда идиллических картин, иллюстрировавших стих Люцилия: «где можно чувствовать себя лучше, как не в недрах собственной своей семьи?» Осторожность Кутайсовской партии была так велика, что душа ее, Растопчин, продолжавший еще жить в Петербурге, 29-го июня выехал оттуда в Ливенскую свою деревню[209] и там выжидал окончательных результатов своей интриги. Между тем, некоторые действия императрицы Марии Феодоровны вызвали явный гнев на нее Павла Петровича, и без того склонного, но своей подозрительности, всюду видеть неуважение к его особе и противоречие его воле. В конце июня, когда обыкновенно двор переселялся в Петергоф, Павел Петрович стал выражать нетерпеливое свое желание как можно скорее совершить это переселение. Степень удовольствия, производимого на императора его пребыванием в Павловске, была всегда для придворных меркой расположения императора к его супруге. К несчастью, случилось, что Мария Феодоровна заболела трехдневной лихорадкой почти в ту минуту, когда двор готовился к переезду в Петербург Подозрительный государь вообразил себе, а может быть ему внушили, что болезнь эта была лишь притворством со стороны императрицы, чтобы иметь предлог противиться его воле, стал резко выражать ей свое недовольство, и с того времени для Марии Феодоровны наступил целый ряд жестоких испытаний. Император, вышедши раз из границ сдержанности, не скрывал уже истинных своих мыслей и чувств даже от великого князя Александра Павловича.

XII

Письмо императрицы к Лопухиной. — Гнев Павла. — Чувства Нелидовой. — Письмо императрицы к Павлу Петровичу. — Ее надежды в письме к Нелидовой. — Явный разлад в императорской семье. — Увольнение Нелединского-Мелецкого. — Настроение двора и общества. — Замена графа Буксгевдена графом Паленом. — Увольнение Алексея Куракина и возвышение П. В. Лопухина.

Подозрительность Павла Петровича, постоянно находившая себе пищу во внушениях Кутайсова, вскоре нашла себе видимое и блестящее оправдание: оскорбляемая в самых лучших своих чувствах, императрица Мария, следуя, как говорили[210], доброжелательным советам некоторых из своих приближенных, прибегла к крайнему средству, чтобы воспрепятствовать приезду в Петербург Анны Петровны Лопухиной: она написала ей угрожающее письмо. Эта неудачная мысль, по свидетельству Гейкинга, только ускорила развязку: письмо это пришлось тайным согласникам как раз на руку, и его доставили Павлу… Можно представить себе неописуемый гнев императора! Он стал дурно относиться к императрице, а когда Нелидова вздумала защищать ее, то и с ней обошелся беспощадно[211]. По рассказу кн. А. Б. Лобанова-Ростовского, сохраняющемуся в рукописи, император Павел однажды за обедом разгневался на свою супругу и приказал ей оставить стол. Когда императрица вышла, Нелидова также вышла и последовала за ней, несмотря на старания Павла удержать свою любимицу. «Останьтесь здесь, сударыня», сказал он ей. — «Государь, возразила Нелидова, я знаю свои обязанности».

По поводу одной из происходивших в это время неприятных сцен, Нелидова писала однажды Марии Феодоровне: «Я вполне сознаю, насколько ваше величество, может быть, огорчены тем, что совершается в настоящую минуту, и я не осмелилась бы представить вам, что бесполезно принимать так близко к сердцу скоро преходящие неудовольствия, которые, как каждый знает по собственному примеру, бывают между самыми любящими друг друга людьми. Увы, кто мог бы себе вообразить, что ваше величество и я, если осмелюсь затем себя наименовать, — эти два лица, быть может, самые преданные императору, могли бы подать ему действительный повод к недовольству! Всякий легко поймет, что во всяком случае мотивы, руководившие, вашим величеством, были чисты. Признаюсь, что вчера вечером некоторые лица заметили мне, что император нехорошо обходился со мною, но я

ответила им, что это меня нисколько не беспокоит, потому что его величество всегда приходит в конце концов к тому, что отдаст справедливость тем, кто истинно к нему привязан, и что ошибки его вскоре признавались и исправлялись им же самим. Я убеждена, что он сам недоволен собою за несправедливость, и нисколько не сомневаюсь в том, что он успокоит в недалеком будущем слишком впечатлительную душу вашего величества»[212]. Но поведение Павла Петровича становилось резче и резче, и уже 13-го июля Мария Феодоровна написала ему трогательное письмо, умоляя его блюсти ее достоинство, как его супруги и как императрицы.

«Осуждайте мое поведение, — так заключила она свое письмо, — подвергните его суду всякого, кого вам будет угодно; будучи выше всякого порицания и подозрения, всякого упрека, я нечувствительна к оценке моих действий, но не могу быть такою к характеру публичного обращения со мною, и это не ради себя, как отдельной личности, но ради вас, как императора, который должен требовать уважения к той, которая имеет честь носить ваше имя, потому именно, что она ваша жена и мать ваших детей. Я ограничиваюсь лишь единственной просьбой относиться ко мне вежливо при публике. Верьте мне, друг мой, что во времена, в которые мы живем, государь должен заставлять относиться к своим с уважением: это нужно ему для самого себя. У меня нет ни горечи, ни раздражительности. Углубляясь в свою душу и испытывая ее пред Богом, я нахожу в ней только чувство глубокой привязанности и, быть может, такой же печали»[213].

Несомненно, что в это время Марии Феодоровне было еще неизвестно, что о письме ее к Лопухиной уже довели до сведения императора, и главная причина его гнева поэтому оставалась еще скрытою для нее. Но письмо императрицы к Нелидовой от 18-го июля носит уже другой характер: она как бы свыкается с своим положением. Ожидая ее в Петергоф к 22 июля, дню своего тезоименитства, Мария Феодоровна писала: «Chère et bien-aimée Nelidow, чрез три дня вы у меня, за моим столом! Мы будем разговаривать, сердца наши будут понимать друг друга, и мы будем иметь сладостное утешение сказать, что мы любим друг друга. Я получила ваши новости вчера вечером, милый друг мой. Дорогая моя Нелидова, интриганы не стали ожидать вашего возвращения, чтобы сызнова начать свои происки. Вчерашний день — без всякой сцены, без всякого дурного поступка, но имел оттенок, который доказывал, что исподтишка поработали таки: жалобы возобновились. Сегодня опять погода прекрасная. Слава Богу, по крайней мере соблюдается вежливость и приличие, и это — много. В остальном будем надеяться, что небо откроет глаза

нашему дорогому императору и покажет ему разницу, существующую между истинными и ложными друзьями, — то, что он выигрывает с одними и теряет с другими. Я надеюсь, что моя добрая Нелидова приедет 21-го пораньше, чтобы мы имели возможность хотя немного побыть вместе»[214].

Княжна Анна Петровна Лопухина.

День тезоименитства государыни оказался, однако, очень тяжелым для нее и ее приверженцев. «22-го июля, — рассказывает Гейкинг, — двор находился в Петергофе. Так как то был день

рождения (sic) императрицы, то и я был принужден туда отправиться. Государь был в явно дурном настроении: со мною обошелся холодно и не сказал мне ни слова. Фрейлина Нелидова казалась мне погруженною в глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Бал этот скорее был похож на похороны, и все предсказывали новую грозу»[215].

Легко понять, кто владел в это время душевным настроением впечатлительного и уже достаточно разгневанного государя. Накануне 22-го июля, статс-секретарь его Нелединский, родственник Куракиных, покровительствуемый императрицей и Нелидовой, проходя довольно поздно внутренним коридором петергофского дворца из комнат императрицы Марии Феодоровны, встретился с Павлом Петровичем, шедшим в сопровождении Кутайсова. Увидав Нелединского, Кутайсов сказал государю: «вот кто следит за вами днем и ночью и все передает императрице». Нетрудно себе представить, какое действие произвели эти слова на вспыльчивого и подозрительного Павла. Немедленно было приказано Нелединскому удалиться от двора. Но так как следующий день, то-есть 22-го июля, был день высокоторжественный, то исполнить это было невозможно без огласки, а потому Нелединский с женою и детьми должен был провести весь этот день в своей квартире, выходившей окнами на гулянье, с опущенными шторами, взаперти, не смея ни сам выходить, ни выпускать детей из комнаты[216]. «В сей несчастливый для меня день, — рассказывает сам Нелединский, — благоугодно было его величеству удалить меня от себя, повелев мне ехать в Петербург и там ожидать дальнейшего повеления. В непродолжительном времени дан был сенату указ о том, что я отставляюсь от службы, и я немедленно, однакож не быв выслан (sic), выехал в Москву»[217].

О настроении двора и общества при обнаружившемся повороте в образе действий императора Павла беспристрастнее других современников сообщал Воронцову Кочубей, племянник Безбородко, вовсе не знавший о тайных действиях своего знаменитого дяди и даже жаловавшийся на его кажущуюся лень и беспечность. «Императрица, писал он, хотела слишком вмешиваться в дела, будучи в полном согласии с m-lle Нелидовой и составляя с ней, так сказать, одну душу. Императору надоело это, и он захотел свергнуть с себя *иго* (это его собственное, как меня уверяли, выражение). Общество вообще не недовольно этим. Оно имеет несколько поводов жаловаться на императрицу. Ее обвиняют, прежде всего, в особом пристрастии к немцам; ее обвиняют затем, и основательно, что она была главной пружиной в руках кн. Куракина при учреждении вспомогательного банка.

Этот банк погубит нас. Его билеты не пользуются доверием… Двор наполнен интригами. Говорят шепотом о новых предметах благосклонности императора, спрашивают, возвратит ли себе императрица свое влияние когда-нибудь. Одни отвечают на это утвердительно, но большинство дает ответ отрицательный. Что касается до меня, то я не составил себе еще никакого мнения, так как я слишком еще нов здесь; я думаю только, что хотя императрица, быть может, и очень добрая женщина и хотя весьма желательно, чтобы всегда поддерживалось единение, но она и обладает непобедимой жаждой власти. M-lle Нелидова слишком редко появляется при дворе. Куракины почувствовали немного следствие своего пронырства; я говорю здесь преимущественно о генерал-прокуроре (Алексее), так как что касается до вице-канцлера (Александра), столько же ничтожного, сколько и совершенно честного человека, то его никогда не принимали серьезно в расчет»[218].

Действительно, друзьям Марии Феодоровны и Нелидовой, окружавшим особу государя и стоявшим во главе управления, приходилось теперь волей и неволей очищать свои места. Прежде всего потерпел граф Буксгевден, замещенный приказом от 25 июля в должности петербургского генерал-губернатора генерал-лейтенантом графом Паленом. В начале царствования императора Павла граф Пален своим угодничеством пред князем Зубовым возбудил против себя гнев государя и получил от него выговор в самых оскорбительных для себя выражениях[219]; вслед затем он был уволен от службы. Обладая всеми свойствами тонкого и, вместе с тем, пронырливого ума, Пален затаил оскорбление в сердце своем и уже осенью 1797 г. униженно просил о принятии его вновь на службу; главною поддержкою его при дворе была в это время графиня Ливен, воспитательница великих книжен, пользовавшаяся доверием Марии Феодоровны. Первоначально он назначен был командиром полка конной гвардии; но честолюбие его смотрело в даль, и он вкрался в доверие Кутайсову, умея в то же время сохранить уважение к себе императрицы и Нелидовой. «После возвращения императора из Москвы, — рассказывает Гейкинг, — Кутайсов только и знал, что расхваливал Палена и доводил до ушей государя многочисленные восхваления человека, которому желали дать место. Однажды Павел, находясь в небольшом кружке своих приближенных, выразился так: «Странно! Никогда я не слыхал, чтобы о ком-либо говорили так много хорошего, как о Палене. Я, значит, довольно ложно судил о нем и должен эту несправедливость поправить». Предавшись такому течению мыслей, государь все милостивее стал обращаться с Паленом, который вскоре так опутал его

своими оригинальными и лицемерно чистосердечными речами, что стал ему казаться самым подходящим человеком для занятия должности, требующей верного взгляда, ретивого усердия и безграничного послушания. Таким образом важнейшая после генерал-прокурорской должность очутилась в руках согласников; с этой минуты пошли одна за другою перемены»[220]. Одновременно с Буксгевденом, 25 июля, уволен был от службы старый друг Павла, вице-адмирал Плещеев, а после приезда П. В. Лопухина, явившегося в Петербурге сначала без семьи, решена была и участь Алексея Куракина, переведенного в первый департамент сената, а на его место назначен был Лопухин. Брат Алексея, вице-канцлер Александр Куракин, также постоянно испытывавший гнев императора, сам поспешил подать в отставку, но Павел, не любивший, чтобы его предупреждали, приказал объявить ему, что он сам лучше знает, когда настанет время для его увольнения[221].

XIII

Причины упадка влияния Нелидовой. — Жалобы императрицы на интриганов и доверие ее к характеру своего супруга. — Письмо к Павлу Нелидовой. — Высылка из Петербурга графини Буксгевден. — Письма Нелидовой к Павлу по этому поводу. — Отъезд ее из Петербурга в замок Лоде.

Все эти события, происходившие перед глазами Нелидовой, живо напоминали ей интриги 1795 года, когда царственный друг ее также подпал под влияние враждебной ей партии, но на этот раз Нелидова не могла не чувствовать, что влияние ее пало уже навсегда: союз ее с императрицей, возбудивший столько неудовольствия, был сам по себе достаточной причиной, что Павел потерял к давнему своему другу всякое доверие; точно также партия, окружавшая Павла, в удалении Нелидовой видела залог дальнейших своих успехов. Говоря короче, слившись свои интересы с интересами Марии Феодоровны, Нелидова, благодаря этому, сама подготовила свое удаление с политической сцены. Едва ли, впрочем, она и горевала за себя об этом, не имея личного честолюбия и уже достигнув сорокалетнего возраста; при том сентиментально нравственное ее миросозерцание не позволило бы ей во всяком случае остаться при дворе Павла при изменившихся условиях его личной жизни. Тем не менее, Нелидова считала своею обязанностью употребить все усилия, чтобы содействовать водворению нарушенного согласия в царственном семействе и предохранить императора от опасного пути, на который вступал он, уже не сдерживаемый в своих увлечениях советами преданных ему людей. Усилия эти были, однако, безуспешны, хотя Мария Феодоровна и продолжала обольщать себя надеждами на прочность привязанности Павла к Нелидовой: «Пусть Господь простит тем, кто разрушил наше общее счастие, — писала Мария Феодоровна Нелидовой 4-го августа из Петербурга, — но, будьте уверены, добрый друг мой, что наш дорогой государь не может быть счастлив. Ваша отчужденность, неловкость его положения по отношению ко мне и моего — по отношению к нему, как следствие его поведения, недоверчивость, подозрения, которые эти презренные постоянно внушают ему против нас, — все это должно возмущать его сердце. Он не может давать им веру: голос совести наверно кричит ему, что он несправедлив по отношению к нам, и эта внутренняя борьба разрушает его счастие. Сколько бы Иван ни говорил ему, если он хочет этого, что, по мнению общества, вы и я вместе

управляем императором, он не может поверить этому, не припомнив себе, что мы только противодействовали его горячности, его гневным вспышкам, его подозрительности, заклиная его оказать какую либо милость или пробуя воспрепятствовать какой либо жестокости, которая могла бы уронить его в глазах его подданных и отвратить от него их сердца. Преследовали ли мы когда либо другую какую либо цель, кроме его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великий Боже, иметь что либо другое в виду, вы — как вполне преданный, истинный его друг, я — как его друг, как его жена, как мать его детей? У нас никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совесть, но зато какое счастие испытывали мы, когда имели возможность отдавать полную справедливость его великодушным поступкам, его добрым и лояльным намерениям!»[222]. На следующий день, 5-го августа, Мария Феодоровна писала Нелидовой: «Образ действий презренных, которые окружают государя, никогда не поведет к тому, чтобы из его сердца вырвано было глубокое чувство, уважения, которое он питает к вам; таким образом он в глубине своей души сам одобряет наши чувства. Как бы ни старался Иван очернить нас в его глазах, сколько бы клевет он ни изобретал на нас, император, обманутый им на минуту, не останется таким навсегда. Этот негодяй ни на шаг не отходит от государя, потому что он чувствует хорошо, что, узнав его как следует, наш дорогой император может возвратить нам доверие»[223]. С своей стороны, Нелидова писала Павлу Петровичу. «Если я отваживаюсь доводить до вашего сведения вопли нужды или раскаяния, то это для того, чтобы дать вам истинное понятие о тех, над которыми вы царствуете, и сердца которых не могут быть известны вам в отдельности; но никогда в жизни, ни на одну минуту, не имела я самонадеянности говорить с вами с уверенностью в успехе. Вы заблуждаетесь, полагая, что меня может одушевлять какое либо иное побуждение, кроме истины, которую я обязана раскрывать перед моим царем, и быть может внушение от Царя всех, ибо он ставит меня в положение, приближенное к вам, несмотря на все мои решения провести остаток дней моих вдали от вас. Тут дело идет не о каком либо лице в отдельности; когда меня одушевляет усердие к вашей славе, никакая личность своим частным интересом не может его обусловливать: клянусь в этом пред Богом, Владыкою и Судьею сердец наших. Говорю вам это даже не для того, чтобы внушить вам доверие ко мне, но потому, что я не люблю, чтобы ваше сердце, столь способное на все доброе, пребывало в заблуждении насчет тех, которых деликатность простирается до того, что они не позволяют себе относительно

вас даже самой невинной лести. Чего можете вы опасаться с людьми, дающими вам такое доказательство уважения? Мне не нужна ваша милость, она не льстить моему самолюбию, но отдавайте справедливость моим намерениям и намерениям священной особы, которая поклялась перед Богом посвятить всю свою жизнь единственно и невозвратно вашим интересам, и вы испытаете, быть может, неизведанное вами удовлетворение иметь истинных друзей, из которых одна всегда имеет возможность доказывать вам свою привязанность, а другая никогда не перестанет возносить к Богу горячие молитвы о вашей славе и вашем благополучии»[224].

Строки эти лучше всего доказывают, что, смотря на все с сентиментальной точки зрения, Нелидова не в состоянии была бороться с людьми жизни и всякого рода политики, окружавшими государя и не стеснявшимися в средствах для достижения своей цели. Недостаточность уменья Марии Феодоровны и Нелидовой познавать людей, отличать внешность от их сущности, всего лучше сказалась в том факте, что с тайной просьбой повлиять на Павла в благоприятном для них смысле Мария Феодоровна обратилась в это время не к кому другому, как… к Безбородко! [225]. Попытка эта, конечно, должна была остаться безуспешной, если только не привела к совершенно противоположным результатам. 19-го августа уже уволен был от службы родной брат Нелидовой, генерал-адъютант императора, Нелидов, что ясно указывало на окончательную немилость к ней императора; 24-го августа призван был ко двору Растопчин, а вслед затем отдан был приказ о высылке из Петербурга графини Буксгевден, подруги Нелидовой, за несколько необдуманных слов против новых порядков[226].

«Однажды в воскресенье, — рассказывал Гейкинг, — встретил я у графини Буксгевден, кроме офицеров полка, которого Буксгевден был шефом, еще одного господина, образ мысли которого был мне известен. Графиня между многими хорошими свойствами имела одно дурное: высказывать все, что у нее было на уме; она позволила себе несколько необдуманных выходок против новых мероприятий, но когда во время этого разговора обратилась ко мне, то я возразил ей, что не могу с точностью судить об этих делах, что я умею лишь повиноваться и…

— И молчать, — подхватила она. — Урок этот хорош и достоин вашей политики, господин сенатор. Но я — женщина и говорю, что думаю.

Я пристально взглянул на нее и показал глазами на известного господина. Она меня поняла, но продолжала.

— Ах, я не стану стесняться, потому что окружена друзьями

только нашего дома; не правда ли?.. — прибавила она, обратясь к г-ну К.

— Конечно, сударыня, — отвечал тот, несколько смутившись, и затем чрез несколько минут удалился.

Через три дня после этого жена моя приехала к графине. В прихожей она застала приготовления к отъезду, увидела г-жу Нелидову в слезах, а графиню в величайшем волнении.

— Как, милая графиня, вы уезжаете?

— Да разве вы не знаете, что нас выгоняют из Петербурга?

— Но за что же?

— Это уже его тайна. Счастье еще, что имение мое (Лигово) всего в 30 верстах от Петербурга, так как мне остается всего 48 часов времени, чтобы покинуть столицу.

Разговор этот, конечно, заключился слезами и мольбами. Все три дамы вместе воспитывались в институте и любили друг друга.

— Я поеду вслед за моею милой Буксгевден, — сказала Нелидова, — и оставлю двор, где… — рыдание прервало ее слова.

На следующий день мы посетили г-жу Нелидову, которая показала нам письмо, которое только-что написано было ею государю и в котором она испрашивала у него позволения последовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь на другой же день прислал весьма любезный ответ, но в нем не было ни слова сказано о разрешении Нелидовой выехать из Петербурга. Нелидова написала другое письмо следующего содержания: «Так как умолчание вашего величества относительно моей просьбы я принимаю как разрешение оной, то намерена воспользоваться этим и завтра уезжаю». Одновременно с сим она просила Палена о выдаче ей подорожной. Пален прислал ей подорожную, но просил воспользоваться ею лишь на другой день, а в то же время он отправил гонца к государю, находившемуся в Гатчине. Рассказывали, что Павел, получив известие об этой твердой решимости Нелидовой уехать, ужасно разгневался и воскликнул:

— Хорошо же, пускай едет; только она мне за это поплатится!»[227].

Этот рассказ Гейкинга вполне подтверждается известною нам перепиской ее с Павлом за это время.

Но переписка эта показывает, что в это время Павел и Нелидова как бы поменялись ролями: Нелидова увлекалась гневом, выражалась резко, горячо, даже оскорбительно, а Павел Петрович, не смотря на то, отвечал ей спокойно, с полным самообладанием, и видимо не желал разрыва с своим другом. Вот как писала Павлу Нелидова:

«Государь, вы высылаете г-жу Буксгевден. Этот поступок согласуется ли с вашим сердцем? Нет, государь, он не принадлежит вам: вы не способны разлучать жену с мужем, мать — с детьми, подругу — с той, кого вы не далее, как шесть недель тому назад, с таким жаром называли своим другом, и кто ничем не заслужил перемены по отношению к себе ни в ваших чувствах, ни в вашем поведении. Вспомните всю мою жизнь: не была ли она исключительно посвящена на то, чтобы любить вас и заставлять вас любить других? Вспомните, что, по вступлении вашем на трон, я искала только одного — остаться спокойной и быть забытой в своем мирном уединении. Где найдете вы доказательства или даже проявления моих честолюбивых чувств и расчетов? Я не искала ни почестей, ни блеска, — напротив я оставляю их с радостью. Но те, кто внушает вам подозрения против меня, в чьих руках вы, быть может бессознательно, являетесь орудием мщения, — эти лица рады случаю дать мне почувствовать, как мало они верят возможности возврата вашей дружбы ко мне. Позвольте же мне раз навсегда успокоиться на этот счет. Не воспользуйтесь, государь, своей властью для того, чтобы воспрепятствовать мне последовать за моей добродетельной подругой в ссылку, куда вы ее отправляете.

Государь, не допускайте заглушить мой слабый голос клеветою тех, кто в настоящее время всемогущ возле вас. Я лишь по необходимости нарушаю полное молчание, на которое я себя обрекла. Надеюсь лишь на Божие правосудие, которое вам откроет когда-либо глаза. Что касается до настоящего времени, то я знаю участь, которая постигнет мое письмо: я жду всего, если вы только станете выслушивать истолкования г. Кутайсова, вместо того, чтобы верить лишь своему сердцу и тем началам чести, которые вы должны во мне знать. Я жду всего, но никто не может лишить меня душевного спокойствия, доставляемого сознанием невиновности и чистоты. Я возлагаю свои упования на Бога, нашего общего Судию, и в ожидании Его суда продолжаю быть и по убеждению, и по привязанности, вашей, государь, верной слугою и подданной. Е. Нелидова.

19-го августа 1798 г.

Примите, государь, мою клятву пред Богом и пред людьми, что г-жа Буксгевден заслуживает лишь вашего уважения. Пусть я торжественно и навсегда откажусь от права быть вам полезной какие бы ни были впредь случаи или обстоятельства! Пусть это мое решение заставит успокоиться тех, кто скрывает свои честолюбивые планы и кто боится, что они когда-либо могут быть раскрыты мною!»

Ответ Павла Петровича был ответом человека, глубоко

сознающего свою правоту и умеющего проявить, где нужно, энергию и решительность: слабохарактерные, но впечатлительные люди проявляют твердость своего характера именно в том, что, заткнув себе уши и закрыв глаза, самостоятельно и стремительно бегут без оглядки по направлению, данному им окружающими, умело действующими на их нервы и впечатлительность; так олень, коварно потревоженный охотниками с известной стороны, мчится, чересчур быстро мчится в противоположном направлении — прямо в их сети. Такие люди вдвойне несчастны: ложное самолюбие побуждает их верить, что они сами дошли до избранной дороги, а «твердость» их характера не допускает их тщательно взвесить и обдумать свои действия, так как спокойное, разумное обсуждение и проверка воспринятых ими впечатлений, фактов и взглядов кажется им проявлением слабости и не решительности. «Если письмо ваше должно было доставить мне удовольствие, — писал Павел Нелидовой, — то лишь потому, что в нем видна сердечность ваша, к которой и я обращаюсь. Все, что вы говорите о своем сердце, есть убедительное доказательство моих чувств к вам. Никто не знает этого лучше, чем вы. Я не понимаю, при чем тут Кутайсов или кто-либо другой в деле, о котором идет речь. Он или кто другой, кто позволил бы внушать мне или что-либо делать противное правилам моей чести и, совести, навлек бы на себя то же, что постигло теперь многих других. Вы лучше, чем кто-либо, знаете, как чувствителен и щекотлив по отношению к некоторым пунктам, злоупотребления которыми, вы это знаете, я не в силах выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я сам — точь-в-точь такие же. Я очень мало подчиняюсь влиянию того или другого человека, вы это знаете. Никто не знает лучше моего сердца и не понимает моих слов, как вы, и я благодарю вас за то, что вы дали мне случай: поговорить с вами откровенно. Впрочем, никто не увидит ни моего настоящего письма, ни вашего, которое я даже возвращаю при сем, если вы хотите этого. Клянусь пред Богом в истине всего, что я говорю вам, и совесть моя пред Ним чиста, как желал бы я быть чистым в смертный свой час. Вы можете увидеть отсюда, что я не боюсь быть недостойным вашей дружбы. Павел».[228]

5 сентября Нелидова выехала уже из Петербурга вместе с семейством Буксгевден, направляясь в замок Лоде в Эстлянской губ., пожалованный ранее Павлом Буксгевдену и уже известный в истории, как место жительства и смерти принцессы Виртембергской Августы, екатерининской Зельмиры. Вслед затем раздражение императора проявилось в целом ряде новых увольнений приверженцев императрицы и Нелидовой: 9-го

сентября уволен был от службы вице-канцлер кн. Александр Куракин, 13-го — добродетельный сенатор Гейкинг, автор воспоминаний, женатый на одной из подруг Нелидовой; в октябре — генерал Ховен, женатый на другой ее подруге. В то же время Кутайсов сделан был егермейстером и получил орден св. Анны 1-й ст. с бриллиантами, а Пален — Андреевскую ленту, и оба они сделаны были графами Российской империи, Растопчин переименован был действительным тайным советником и сделан членом иностранной коллегии, но пост вице-канцлера достался племяннику Безбородко, Кочубею.

XIV

Личность Анны Петровны Лопухиной и характер влияния ее на Павла. — Увольнение преданных императрице лиц, проявление крайностей в характере государя. — Тревожное состояние общества. — Горесть Марии Феодоровны о разлуке с Нелидовой. — Подозрительное отношение к ним Павла Петровича. — Образ жизни Нелидовой в замке Лоде. — Переписка ее с императрицей. — Переписка Нелидовой с Павлом и возвращение ее в Петербург.

Окончательный разрыв с Нелидовой предшествовал приезду в Петербург Анны Петровны Лопухиной, сопровождаемой ее мачехой, известной Екатериной Николаевной. 6-го сентября Анна Петровна пожалована была камер-фрейлиной, а Екатерина Николаевна — статс-дамой; тогда же П. В. Лопухин произведен был в действительные тайные советники… 29-го сентября двор переехал из Гатчины в Петербург, куда уже явилось к этому времени семейство Лопухиных, а 8-го октября при дворе был бал. Анна Петровна в первый раз ужинала при дворе, Император за стол не садился, а, как сказано в камер-фурьерском журнале, «изволил проводить время в обозрении заседающих за столом персон». По отзыву современника, быть может пристрастному, так как он принадлежит даме, «Лопухина имела красивую голову, но была не высокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, черные брови и волосы того же цвета, прекрасные зубы и приятный рот были ее единственными прелестями; небольшой вздернутый нос не придавал изящества ее фигуре. Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни делать чего либо злого, но в то же время она была недалекого ума и не получила должного воспитания (peu d'esprit et point d'éducation). Ее влияние проявлялась только в раздаче милостей; у нее не было данных, чтобы распространить его на дела, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмешиваться во все. Часто она испрашивала прощение невинным, с которыми император поступал очень строго в минуты гнева: тогда она плакала и дулась и таким образом достигала желаемого. Императрица относилась к ней всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу». В этом портрете Анны Петровны Лопухиной легко увидеть черты, которые привязывали к ней сурового, неспокойного духом государя, с излишней мнительностью видевшего вокруг себя лишь предателей, эгоистов, стремившихся завладеть его умом и направлять

государственные дела сообразно личным своим выгодам: нельзя не видеть, что молодая Лопухина во многом напоминала Нелидову, теперь постаревшую. Очевидно, что Павел Петрович личной привязанности к нему Лопухиной придавал огромную, цену: он чувствовал, она видела в нем человека, тогда как для всех прочих он был, прежде всего, суровым и безграничным властелином. К несчастью для Павла, Лопухина владела его умом гораздо в меньшей степени, чем Нелидова; по молодости и неопытности она не видела опасностей, которыми окружен был ее царственный поклонник, не понимала его государственных стремлений и всего менее могла руководить им, внушая ему осторожный, мягкий образ действий по отношению к его окружающим. Мало того, Лопухина, по своей недальновидности, часто была бессознательным орудием в руках партии, которая, группируясь постепенно вокруг особы государя, стала затем преследовать, во вред ему, свои особые цели… Во всяком случае, при дворе рады были возвышению Лопухиной, тем более, что отец ее И. В. Лопухин, заменивший князя Алексея Куракина в должности генерал-прокурора, отличался, по всеобщему отзыву современников, справедливостью, бескорыстием и умеренностью. Но Павел не доверял молчаливому терпению своей супруги, и недоверие это постоянно поддерживалось Кутайсовым и его согласниками. «С этого времени, — говорит Чарторыжский, — Павел постоянно мучился тысячью подозрений: он думал, что сыновья его недостаточно ему преданы, что его супруга хочет сама царствовать вместо него. Ему успели внушить глубокое недоверие и к ней, и к его старым слугам. Тогда-то началось для всех тех, кто приближался ко двору, время боязни и вечной неуверенности в завтрашнем дне. Каждый рисковал быть высланным, получить оскорбление в присутствии всего двора, благодаря какой либо несправедливой вспышке императора, который обыкновенно поручал эту неприятную комиссию гофмаршалу… Придворные балы и праздники были местом, где рисковали потерять свое положение и свободу. Император воображал иногда, что бывают не совсем почтительны к особе, которую он уважал, или к ее родственницам и подругам, и что это есть следствие злоумышлении императрицы. Этого было достаточно, чтобы император приказывал тотчас удалить предполагаемого виновного от двора. Недостаточно глубокий поклон, невежливый поворот спины во время контрданса, или какой либо другой промах в этом роде, были поводом к тому, что балы и другие придворные собрания по вечерам, подобно тому, как утром парады, сопровождались прискорбными последствиями для лиц, на которых падало подозрение или неудовольствие

государя. Проявление его гнева и его решения были внезапны и тотчас приводились в исполнение… Все те, кто составлял двор или появлялся перед императором, находились в состоянии постоянной боязни: никто не был уверен в том, что останется на своем месте до конца дня; ложась спать, никто не мог поручиться за то, что ночью или рано утром не явится к нему фельдъегерь и не посадит его в кибитку. Это были привычные случаи, которые сделались даже предметом постоянных шуток. Такое положение вещей началось со времени немилости к m-lle Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, в течение всего царствования Павла. M-lle Нелидова вела себя, с самого начала своей опалы, с большим достоинством и гордостью. Она оставила двор, ничем не показывала своего желания там оставаться, не сделала ничего для того, чтобы туда возвратиться. Она говорила всякому, кто хотел ее слушать, и говорила с заметным пренебрежением, что нет ничего более скучного, как жизнь при дворе, и что она счастлива, оставив его наконец»[229].

Смольный монастырь в конце XVIII в.

Действительно, в этих чувствах не могло быть сомнения, так как симпатии Нелидовой влекли ее постоянно вдаль от придворных интриг, и Смольный монастырь был по-прежнему ее убежищем, где она предавалась тихим своим занятиям и где расточала она свои ласки юным воспитанницам. Оттого и удаление Нелидовой в Лоде возбудило там всеобщее сожаление[230]. В обществе же лишь немногие здравомыслящие люди понимали все значение этого события, а большинство

смотрело на нее, как на отставную фаворитку; враги Павла, впрочем, воспользовались ее опалой, чтобы распустить слух, перешедший в потомство, будто бы Нелидова была выслана из Петербурга по приказанию государя[231]. Но сильнее всех горевала об отъезде Нелидовой императрица Мария Феодоровна: с этим отъездом она теряла уже всякую надежду на возврат своего влияния, на возможность удерживать Павла Петровича от крайностей всякого рода, лишалась единственного друга, с которым она могла постоянно советоваться и делить свое горе. Оттого Мария Феодоровна, в течение нескольких дней в целом ряде писем и записочек[232], умоляла Нелидову отказаться от ее решения и остаться в Петербурге; особенно огорчала ее мысль, что Нелидова как бы предпочитает разлуку с нею разлуке с Буксгевден, хотя в то же время Мария Феодоровна и отдавала полную справедливость чувствам, руководившим ею. «Поведение нашей доброй Нелидовой, — писала императрица Плещееву, — делает ей величайшую честь: она сопровождает своих друзей в изгнание. Вот редкое доказательство дружбы!» «Я страдаю, — прибавляет она, — от перемены чувств общества по отношению к императору: это раздирает мое сердце, которое желало бы видеть его любимым и уважаемым»[233].

Чувства дружбы и уважения, которые Мария Феодоровна питала к Нелидовой, особенно выразились в постоянной переписке, которую она вела с нею по почте во время ее пребывания в замке Лоде в 1798–1799 годах.

Переписка эта вообще носила грустный характер, заключаясь преимущественно в воспоминании прошлых счастливых дней и скорби обеих подруг о постигшей их разлуке. Современных событий они касались весьма мало; лишь иногда императрица сообщала Нелидовой новости о семейных или придворных делах, благоразумно умалчивая о государе и его действиях. Умолчание это имело свои основания: в XVIII веке в большом ходу была так называемая «перлюстрация» — вскрывание и чтение на почте писем разных лиц, почему-либо остановивших на себе подозрительное внимание правительства. Не избегла этой участи и переписка Марии Феодоровны с Нелидовой, вообще сначала крайне не нравившаяся Павлу Петровичу. В рукописном «Дневнике» Растопчина за это время мы находим следующие приказания государя, касающиеся переписки Нелидовой и ее самой:

«1798. Октября 28. Велено перлюстрировать все письма, отправляющиеся в Шлосс Лоде к Е. И. Нелидовой.

Ноября 7. Велено перлюстрацию писем от Нелидовой и к ней остановить и не продолжать.

Ноября 9. Велено производить вновь перлюстрацию писем камер-фрейлины Нелидовой и к ней писанных.

Ноября 11. Велено: arrêter les lettres du Nonce (Litta) à Lohde.

Ноября 13. Открыть все письма в Ревель и Нарву для узнания, нет-ли чего в Шлосс-Лоде.

Ноября 14. Одно письмо от императрицы к Нелидовой отправить, а прочие все остановить.

Ноября 15. Письмо от императрицы к Нелидовой доставить к государю.

Ноября 19. Графу Палену велено написать к генерал-губернатору (эстляндскому) Нагелю, чтобы он от себя дал знать в Шлосс-Лоде, дабы те, кои избрали себе место добровольно для своего пребывания, там бы оставались. На сие есть воля государя, узнавшего, что некоторые люди (sic) из оного замка собираются в С.-Петербург.

Ноября 21. Письмо от Львовой к Нелидовой и посылку отправить. Письмо от императрицы к Нелидовой сожжено императором.

Ноября 22. Сжечь два письма от Нелидовой в императрице и одно к Львовой.

Ноября 24. Письмо в Шлосс-Лоде отправить.

Ноября 26 Donner à Pestel (почт-директору) l'ordre de ne pas faire parvenir la lettre de m-lle Nélidow a l'Empératrice. Qu'on insinue à Buxhevden de ne pas venir ici.

Ноября 27. Brúler la lettre de l'impératrice à m-lle Nélidow.

Ноября 28. Laisser partir la lettre de m-lle Lvow à m-lle Nélidow.

Декабря 1. Письмо от императрицы отправить в Шлосс-Лоде.

Декабря 3. Сжечь письма Нелидовой к императрице.

Декабря 4. Письмо от императрицы к Нелидовой послать.

Декабря 6. Государь император соизволил указать, чтобы приложенные при сем два письма доставлены были к ее императорскому величеству — так, как и впредь приходящие от камер-фрейлины Нелидовой, писем же от нее и к ней перлюстрации не производить.

1799. Января 10. Велено перлюстрацию переписки Нелидовой остановить.

Выписки эти вполне подтверждают свидетельство Гейкинга, что письма Марии Феодоровны и Нелидовой сначала вскрывали, но, убедившись, что они не заключают в себе ничего интересного, перестали делать это. «Тем не менее, — прибавляет Гейкинг, — Павлу была весьма досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая в то время; когда он был великим князем, сильно, напротив того, не жаловала Нелидову. Досада Павла

отразилась на его обращении с супругою…»[234]. Вернее, кажется, предположить наоборот, что Павлу не нравилась привязанность Нелидовой к императрице, не нравилась, при его боязни к заговорам, эта постоянная возможность пересылки между лицами, на которых обращена была его подозрительность. Само собою разумеется, что как Мария Феодоровна, так и Нелидова прекрасно знали, что письма их вскрываются или могут быть вскрыты и прочтены императором, а потому к содержанию некоторых из этих писем нужно относиться с большою осторожностью: в сущности эти письма писаны были обеими подругами, вероятно, именно в надежде, что они будут прочтены императором; таким образом, очевидно, перлюстрация этих писем оказывалась палкою о двух концах и приводила, в конце концов, к тому, что Павел мог узнавать из них только то, что Мария Феодоровна и Нелидова хотели довести до его сведения. С этой точки зрения весьма любопытно ознакомиться с содержанием письма от 27-го декабря 1798 года, так как именно после этого письма повелено было прекратить перлюстрацию.

«Это в первый раз, моя добрая императрица, — писала Нелидова, — я ничего не говорю императору, по случаю наступающего Нового года. У меня не было во всей моей жизни ни одного друга, относительно которого я была бы в таком положении. Это не препятствует мне искренно пожелать ему счастья; но дорогая моя императрица, то, что я говорю теперь, отнюдь не должно побуждать напоминать ему мое имя под каким бы то ни было предлогом. Я не хочу существовать для него, так как сердце его не признает меня. Мое сердце было бы затронуто, если бы до его ушей дошло что либо, имеющее какое-либо ко мне отношение. Моя добрая императрица знает, что все, высказываемое мною на ее груди, должно там и умереть»[235].

Несколько ранее она писала об императоре: «Было бы для него более по-христиански прощать ошибки тем, кто приблизится к нему, и тем, кого он удаляет от себя, хотя, поистине, я никогда не пожелала бы приблизиться к его особе. Я чувствую себя более счастливою вдали от его присутствия и одинаково спокойною вдали или вблизи. Но он имеет несчастье никогда не думать о горе, которое он причиняет другим, и считает за ничто все их лишения. Я думаю, однако, что он не поступал бы таким образом, если бы он проникал иногда в глубину своего собственного сердца. Но честолюбцы так хорошо умеют скрывать свои страсти, что, следуя весьма часто их внушениям, он воображает, что повинуется движениям своего собственного сердца. Мы, однако, видели его в его истинном нравственном состоянии и знали его другим. Но какой человек может льстить себя мыслью, что он

никогда не имел своей минуты ослепления? Но его ослепление продлится, без сомнения, очень долго, быть может даже, будет продолжаться всегда»[236].

Нельзя не верить искренности Нелидовой, когда она писала императрице об удовольствиях тихой и спокойной жизни, которую она вела в Лоде.

«Добрая и дорогая моя императрица, — сообщала она 29 ноября, — после письма от 12-го ноября я ничего от вас не получала и напрасно прождала от вас новостей в тот день, когда я привыкла получать их почтою (письмо Марии Феодоровны к Нелидовой, от 21-го ноября, как видно из «Дневника» Растопчина, было сожжено). Эта задержка беспокоит меня, возбуждая опасения за здоровье моей доброй императрицы. Такое чувство поддерживается даже моим образом жизни. Встаю я между шестью и семью часами; помолившись Богу за всех, кто нам дорог, кто любит нас и кто любим нами, выпивая чашку чая иногда с аппетитом, иногда без него; потом собирая карандаши и начинаю рисовать. И в это время дорогие воспоминания, иногда мучительно, невольно, теснятся в голове; слезы умиления, иногда печали, падают на рисунок, который вам угодно было изукрасить. Это занятие задерживает вас до одиннадцати часов, когда нужно заняться туалетом, чтобы выйти в 12 часов к обеду. После этого обеда заменяющего завтрак вы пользуетесь небольшим остатком дня чтобы заняться чтением — серьезным ли то, или легким, или просто усыпительным. В три часа пополудни нужно уже зажигать свечу, а часом позже уже прекращать чтение, чтобы пощадить бедные глаза, которые пригодятся на завтрашний день; потом я обращаюсь к музыке, которая продолжается до восьми часов вечера… Когда, говорю я, все семь дней недели проводят всегда одним и тем же образом, бывает весьма приятно, что восьмой день приносит вам утешение знать по крайней мере, что те, кто нас интересуют, пользуются добрым здоровьем. Я просила также в Смольном уведомить меня о музыке, но также не получила ответа. Богу угодно, чтобы я могла считать себя забытой на некоторое время моей доброй императрицей и моим дорогим обществом. Нет, благое Провидение не покинет меня и я сохраню и милости одной, и привязанность другого. Все мое честолюбие ограничивается обладанием этими сокровищами, и Бог поможет мне сохранить их.

Но этот недостаток в новостях о всем том, что мне дорого располагает мою душу к меланхолии, которую, вероятно, замечает моя добрая императрица. Но я слагаю на ее грудь все свои мысли и чувства, в полной уверенности, что они умрут там. Ах, чего стоила бы жизнь, если бы дружба не услаждала ее и от

времени до времени не успокаивало сердца, подчиняющегося ее мягкому влиянию! Письма доброй моей императрицы являются всегда бальзамом для меня; уже ради этого она не лишит меня их. Она знает, насколько они для меня необходимы и драгоценны, особенно с тех нор, когда получила основание думать, что я никогда более ее не увижу (намек на распоряжение Павла о невыезде из замка Лоде). Я рано привыкла ко всем жизненным лишениям, но чувствительна только к потере дружбы. Наконец довелось мне испытать и эту потерю, но Бог не покинет меня никогда, так как я имею утешение по совести сознавать себя чистою по отношению в тем, кто пользовался моей дружбой. Я знала это счастие в различные эпохи своей жизни и буду иметь еще счастие не быть забытой моею дорогою императрицей в разлуке, которая, быть может, продлится в течение всей моей жизни. И самая долгая жизнь не покажется ли нам самой короткой, когда жизнь приходит к своему концу, и когда начинают думать о вечности? Вечность представляется душе нашей лишенной всех приманок жизни, и самый мир тогда — уже ничто для нас. К счастью, я никогда не была привязана к этим обманчивым призракам и не могу сожалеть об удовольствиях, которые других приводят в опьянение (on s'y enivre). Таким образом, исторгает у меня сожаления не мой образ жизни, а отсутствие всякой надежды увидеться когда-либо с теми, кто дорог моему сердцу… Не питая сама ни к кому ненависти, я желала бы также оставаться нечувствительной к ненависти других»[237].

В этом грустном положении Нелидова прожила в замке Лоде почти полтора года, до января 1800 г. Живя так долго вдали от своих родственников и друзей, лишенная, благодаря усердному участию эстляндских чиновников к опальной фаворитке, почти всяких связей с внешним миром, Нелидова наконец решилась смириться и, поздравляя императора с наступавшим новым годом, просила у него разрешения возвратится в Петербург и поселиться по прежнему в Смольном. Мотивом своей просьбы она выставила болезнь глаз, грозившую ей слепотою; одновременно с этим она ходатайствовала и за графа Буксгевдена, который желал отправиться с своим семейством за границу[238].

За полтора года много утекло воды в Неве, и хотя состав враждебных Нелидовой лиц, окружавших государя, остался почти неизменным, но уже никто из них не боялся возврата влияния императрицы, а сам Павел Петрович, очевидно, сохранял к ней всегда чувство искреннего уважения. На просьбу Нелидовой он отвечал ей следующим собственноручным письмом[239]:

«Я был поистине тронут мнением, которое вы сохранили о моем сердце: оно слишком старо, чтобы противоречить самому себе. Я просил императрицу сказать вам и напомнить то, чего мне никоим образом не возможно делать. То, чего вы желали, уже сделано. Искренно ваш

Павел.

9 января 1800 г.»

Одновременно с этим письмом Павел отправил за Нелидовой придворные экипажи.

XV

Уединенная жизнь Нелидовой в Смольном. — Характер действий графа Палена. — Боязнь возврата влияния Нелидовой на Павла. — Ослепление Павла Петровича. — Действия враждебной ему партии. — Отношение к Павлу Марии Феодоровны и Нелидовой. — Скорбь их по кончине императора. — Борьба их с Паленом и его увольнение.

По возвращении в Петербург, Нелидова, в тиши своего уединения, следила за всеми перипетиями конца царствования Павла Петровича. Императрица Мария Феодоровна, посещая весьма часто Смольный институт, изливала пред Нелидовой свои горести и опасения; в те дни, когда императрица не могла быть в Смольном, она постоянно извещала ее о себе и о придворных событиях письменно. Из переписки этой видно, впрочем, что ни государыня, ни Нелидова, не представляли себе ясно характера и причин происходивших пред их глазами событий: они не понимали, что Павел Петрович уже был в сетях собственных своих врагов, которые управляли его гневом и милостью. Так, в письмах своих к Нелидовой, Мария Феодоровна восхваляла гр. Н. П. Панина и гр. Палена, не подозревая даже того, что в целях Палена, не стеснявшего в средствах, было исподволь, но постоянно возбуждать общественное мнение против государя и выставлять его действия в смешном виде; недаром один из исследователей этой темной эпохи, нравственно возмущенный предательски-иезуитским образом действий Палена, назвал его душой «мрачной, непроницаемой, как глубина ада»[240]. При таких обстоятельствах даже новое сближение Павла с Нелидовой едва-ли могло отозваться благоприятным образом на исходе его царствования, так как направление дел в это печальное время главным образом определялось придворными интригами, сокровенный смысл и цели которых даже для большинства участников сделались понятны гораздо позже. Как бы то ни было, но постарались устранить даже возможность такого сближения.

«Возвращение Нелидовой, — рассказывает Гейкинг, — сильно обеспокоило придворных интриганов: они стали бояться легко предвидимых последствий этого свидания. Пущены были в ход все подпольные интриги, чтобы удержать монарха от посещения своего старого друга. Его прогулки стали уже направляться в сторону Смольного; но Кутайсов, сопровождавший его повсюду по обязанности новой своей должности — обер-шталмейстера, сумел встревожить самолюбие Павла и этим удержать его от первого

шага к этому сближению. Императрица, с другой стороны, узнав, что Павел колеблется и, по-видимому, желает опять увидеться с Нелидовой, старалась придать этому примирению торжественный оттенок. Она устроила у себя блестящий вечер, и государь обещал явиться на ее приглашение. Клика интриганов сочла себя погибшею; но княгиня Лопухина, — бывшая в это время уже замужем за князем Гагариным, — и Кутайсов напрягли все свои усилия для внушения Павлу, что он снова бросается в сети тех, от которых успел избавиться. После долгих колебаний, Павел переменил свое намерение и в 7 часов вечера назначенного дня послал сказать императрице, что он не прибудет на ее собрание. Он пошел еще дальше: торжественно обещал Лопухиной никогда не посещать Смольного, пока там будет проживать г-жа Нелидова»[241]. После этого Нелидовой оставалось только окончательно запереться у себя в Смольном. «Я поставила себе за правило, — писала она жене Гейкинга, — не видеться ни с кем, кроне моих институтских приятельниц, и от этой неизменной решимости ни за что не отступлю»… «И действительно, — прибавляет Гейкинг, — она ни разу не была в городе и постоянно жила в глубочайшем уединении»[242]. Единственным ее развлечением была постоянная переписка с Куракиным и Нелединским-Мелецким[243].

1800 год является особенно характеристичным для царствования императора Павла: начало его ознаменовано было целым рядом крутых мер, направленных или против отдельных личностей из высшего общества, по преимуществу военного и придворного, или к выставлению Павла Петровича в непривлекательном виде; конец 1800-го года, напротив того, ознаменован был целым рядом милостей для всех штрафованных и исключенных из службы. «Все эти перемены, приписываемые Павлу, — говорит современник, — были только последствием глубоко заходивших соображений и такой тонкой интриги, которая может сравниться лишь с адскою ловкостью, с какою она приведена была в исполнение»[244]. Крутые меры, исторгаемые у Павла неосновательными и злонамеренно преувеличенными доносами или столь же злонамеренным умолчанием, имели целью вызвать озлобление общества против императора; искажение смысла императорских повелений или карикатурно-точное их выполнение (граф Пален, например, лично вымыл голову, в буквальном смысле слова, одной высокопоставленной даме) должно было представить ясные, по-видимому, доказательства психического расстройства государя; когда же почва была уже достаточно подготовлена, тогда в конце 1800-го года умышленно наполнили Петербург массой людей, хотя и

прощенных, но дважды озлобленных, так как, по представлению Палена, предписано было всем прощенным лицам, прежде определения их вновь на службу, непременно явиться в Петербург для представления государю, где бы эти люди ни имели свое местопребывание. Это привело в отчаяние людей, которые, уже впав в нужду, должны были теперь совершить путь в три или четыре тысячи верст до столицы, чтобы потом пройти, может быть, столько же до назначенных им полков. Многим из офицеров пришлось просить милостыню, чтобы добраться до Петербурга»[245]. Действительным хозяином положения был граф Пален, вкравшийся в безграничное доверие Павла и пользовавшийся постоянной и горячей поддержкой несмысленного Кутайсова, в обер-шталмейстерском мундире оставшегося холопом в полном смысле этого слова и пользовавшегося близостью к государю для того только, чтобы набивать себе карманы и выгодно пристраивать своих дочерей за знатных бар, что страшно льстило еще тщеславию; к оправданию Кутайсова можно сказать только то, что он никак не догадывался о сокровенных целях Палена, как, впрочем, не догадывался в то время о них никто, за исключением гр. Н. П. Панина до английского посла Витворта, оставившего Россию в мае 1800 г. С Англией в это время был у нас разрыв. Павел, в союзе с первым консулом французской республики, Наполеоном Бонапартом, готовился к военным действиям против нее, — и, как передают многие современники, — английские гинеи, текли обильною рекою в руки Палена[246] и других единомышленников его чрез приятельницу Витворта, О. А. Жеребцову, сестру прощенных, по просьбе Кутайсова, и также возвратившихся в Петербург в конце 1800 г. друзей Палена: князя Платона и графов Николая и Валериана Зубовых. Правой рукой Палена сделался ганноверец, подданный английского короля, генерал-лейтенант русской службы, Бенингсен в числе прощенных также возвратившийся в Петербург.

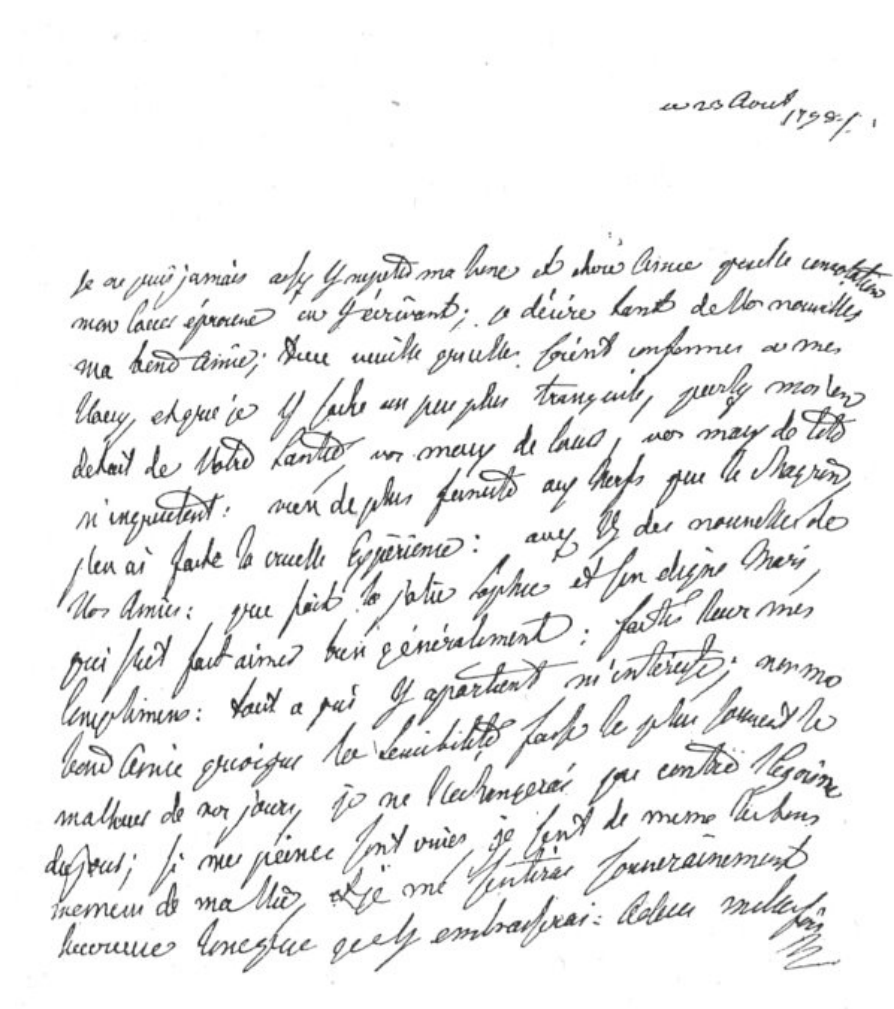
В феврале 1801 года, уволен был от службы Растопчин, единственно оставшийся при дворе из числа лиц, преданных Павлу, и Пален, уже командовавший в Петербурге войсками и, полицией, назначен был, кроме того, управлять и почтами. Но, кажется, Павел Петрович стал уже догадываться в это время, что слишком много власти дал он в руки одного человека… За несколько дней до своей кончины он вызвал, не говоря о том Палену, обратно в Петербург Аракчеева, жившего в опале в пожалованном ему Грузине, и в то же время обдумывал какой-то важный план, долженствовавший изменить порядок в управлении. Вечером 11-го марта Аракчеев прибыл в Петербург,

но, по приказанию Палена был задержан у заставы…

Вместе с другими, императрица Мария Феодоровна, несмотря на свое печальное положение, горячо любившая своего супруга, также введена была в заблуждение угодливостью и коварным образом действий Палена. Оплакивая в переписке с Нелидовой печальные события 1800-го года и сожалея о непоследовательных и суровых распоряжениях Павла Петровича, окруженного недостойными людьми, она так выражалась о Палене: «Пален достойный и почтенный человек, единственный из всех, занимающих высокие должности, которого я еще уважаю».[247] В другом письме она говорила еще решительнее: «Боже сохрани, чтобы он оставил Петербург!»[248]. Мысли Нелидовой были только отзвуком в этом отношении мыслей Марии Феодоровны, которая, находясь в центре совершавшихся событий, была, быть может, единственным источником, откуда Нелидова могла получать достоверные сведения о действующих лицах[249]…

Скоропостижная кончина императора Павла Петровича в ночь с 11-го на 12-ое марта 1801 года произвела страшное нервное потрясение в Нелидовой; но, забывая о своем личном горе, она должна была сдерживать себя, чтобы успокаивать и утешать царственную свою подругу, императрицу Марию Феодоровну, которая, среди радостного настроения, охватившего высшие круги общества при восшествии на престол Александра Павловича, находила себе отраду единственно в обществе Нелидовой, столь преданной почившему несчастному государю. Горесть Нелидовой действительно была глубока и непритворна, как, вместе с тем, велико было и ее негодование на Палена. Навестив ее тотчас по возвращении своем в Петербург, по смерти Павла Петровича, Гейкинг, нашел Нелидову страшно изменившейся. «Волосы ее поседели, — пишет он, — лицо покрылось морщинами, цвет лица сделался желтовато-свинцовым, и глубокая печаль отражалась на этом прежде столь улыбавшемся лице. При третьем свидании я застал ее одну. Я заговорил о своей жене, о минувшем времени, и глаза ее наполнились слезами, когда я рассказал, что мне пришлось вытерпеть. «О, несчастный государь был менее виноват, — сказала она, — чем те, которые окружали его. Вы оба имеете полное право не любить этого Палена». При этих словах лицо ее оживилось, и это поразило меня тем более, что обычная ее сдержанность часто доходило до притворства. «Этого недовольно, — продолжала она, — что он сделался виновником интриг против своего государя и благодетеля: он стремится еще поссорить мать и сына, чтобы управлять государством, как первый министр. Но я сомневаюсь, чтобы второй его план удался

ему так же, как и первый. Государь любит свою мать, и она его обожает: такую связь не разорвать Палену, при всем его искусстве в интригах». В эту минуту в комнату вошли две девицы, и разговор был прерван. Но при этом случае я в первый раз в жизни видел Нелидову в гневном настроении духа и вне той крайней осторожности, которою она всегда так отличалась»[250].



Письмо Императрицы Марии Федоровны к Е. И. Нелидовой.

Действительно, было отчего Нелидовой возмутиться поведением Палена, тем более, что и она сама, и императрица, как мы видим, были о нем высокого мнения; чрезвычайно строгая к себе самой, Нелидова могла даже скорбеть о том, что Пален прощен был Павлом и вновь принят на службу именно в период ее всемогущества, как тогда же, благодаря ее же заступничеству,

оставлен был при особе государя и гардеробмейстер Кутайсов, ныне обер-шталмейстер, граф и Андреевский кавалер. Пален, тотчас после кончины императора Павла, думал управлять Россией[251], но в то же время он не мог не видеть, что в лице императрицы-матери приобрел себе ожесточенного врага. Считая императора Александра, по его молодости и неопытности, вполне подчинившимся своему влиянию, граф Пален стал интриговать против императрицы Марии Феодоровны, доложив императору, что она содействует возмущению народа распространением икон с необыкновенными надписями. Кончилось тем, что и следовало ожидать: императрица, бывшая в то время в Гатчине, объявила Александру Павловичу, что она не возвратится в Петербург до тех пор, пока там останется Пален («so lange Pahlen in Petersburg ist, kehre ich nicht dahin zurück»[252]. Тогда император Александр обратился за советом к вновь назначенному им генерал-прокурору Беклешову, как поступить ему с Паленом. Беклешов, пользовавшийся у немецкой партии репутацией «старого русского» (un vieux russe), человек прямой и преданный монарху, «Беклешов, — рассказывает Чарторыжский, — с обычною ему грубостью выразил императору свое удивление, как может русский самодержец жаловаться и не приводить в исполнение своей воли. «Когда мухи, — прибавил он, — вертятся около моего носа, я их прогоняю». Тогда император, 17-го июня 1801 года, подписал указ об увольнении Палена «за болезнями от всех дел» с приказанием ему немедленно выехать из Петербурга. Беклешов, бывший другом Палена, лично привел этот указ в исполнение[253]. Уже в начале мая Нелидова сообщала о том Нелидинскому-Мелецкому в Москву. «Ничто не может быть приятнее, утешительнее, живительнее, — отвечал он, — для сердца каждого верноподданного, как то единение, которое господствует, по словам вашим, в царской семье. Подлинно всеобщее благосостояние не может покоиться на более прочном основании, и в то же время это служит вернейшим средством к подавлению интриг и к смущению интриганов»[254].

Заключительная глава

С кончиной императора Павла завершилась и главная историческая роль Нелидовой, так как почти все ее политическое значение основано было на личных отношениях ее к своеобразно — порывистому и, что бы ни говорили современники, рыцарски-чистому в своих побуждениях императору Павлу, «не в природе которого, — по меткому выражению одного из его приближенных, — было пользоваться покоем в здешнем мире»[255]. В этих чистых отношениях, в теплой преданности Нелидовой памяти ее царственного поклонника, и коренился залог постоянной привязанности к ней вдовствовавшей государыни. Оставаясь по-прежнему главной начальницей Смольного института, Мария Феодоровна весьма часто посещала его и каждый раз бывала у Нелидовой, а во время отсутствия своего из Петербурга письменно беседовала с нею. В первое время после смерти Павла Петровича Нелидова почти вовсе не выезжала из Смольного, где занимала старые свои комнаты, занятые теперь лазаретом Воспитательного Общества благородных девиц; но, с течением времени, она была постоянной гостьей двора императрицы Марии Феодоровны, в особенности летом и осенью, в Павловске и Гатчине. Здесь ее принимали как старого друга императорской фамилии, и во всех чисто семейных ее делах советы Нелидовой имели большой вес в глазах вдовствующей императрицы, голос которой, в свою очередь, имел большое значение для императора Александра: влияние Нелидовой в этом отношении еще ждет своей оценки. Проживая в Смольном под покровительством августейшей своей подруги, Нелидова занималась воспитанием племянницы своей Александры Александровны Нелидовой, вышедшей потом замуж за князя Трубецкого, и составляла свой дневник (journal), вернее сказать, воспоминания о своей жизни. К сожалению, воспоминания эти едва ли не утрачены навсегда, как утрачены для потомства мемуары другой ее современницы, также подруги Марии Феодоровны, известной княгини Шарлоты Карловны Ливен[256].

Оглядываясь на свое прошлое, Нелидова не могла не видеть, как бессильны были ее добрая воля и добрые чувства в борьбе с жизнью, со страстями человеческими, и не могла не чувствовать постоянно, что к ней самой постепенно относятся все с меньшим и меньшим вниманием. После смерти своей покровительницы-подруги в 1828 г. Нелидова испытывала самое худшее для самолюбивого человека: о ней просто забыли, и в это время, уже в преклонные свои годы, она проявляла более раздражительности и

мелочности в своих отношениях к людям: она чувствовала постоянное незаслуженное оскорбление, бессильно сознавая, что они видели в ней лишь отставную фаворитку в худшем смысле этого слова. «По отзывам людей, знавших Нелидову в этот последний период ее жизни, — говорит князь Лобанов-Ростовский, — нельзя было не уважать ее за образованный, своеобразный и пылкий ум ее; нельзя было не пленяться ее беседою, когда она находилась в добром расположении духа. Но те же лица помнят о ее несносном характере и о том, сколько терпели от ее ворчливости и требовательности близкие к ней люди. До самой старости сохраняла она свои притязания и важничала (sic), как во время оно. В Смольном монастыре вообще ее больше боялись, нежели любили». Для характеристики того, как с ней иногда обращались и как она «важничала», князь Лобанов рассказывает следующее: «По кончине императрицы Марии Феодоровны, вздумали было отплатить ей за ее воркотню и докучливость, в той уверенности, что она не имеет уже при дворе прежнего значения. В числе разных льгот, которые она сохранила за собою, поселившись в монастыре, пользовалась она правом иметь в своем распоряжении придворную карету и камер-лакея. Однажды ей надо было выехать, и она приказала подать карету. Ей отвечали, что нет ни кареты, ни камер-лакея, и что они взяты у нее по высшему распоряжению. Тотчас написала она письмо к императору Николаю, с выражением своей признательности за милости, которые он постоянно ей оказывал, и с просьбой в последний раз одолжить ей, по крайней мере на несколько дней, ту карету, которою она до сих пор пользовалась, покамест она не распорядится покупкой собственного экипажа. Чрез несколько дней после того государь приехал в Смольный и, обошедши женский институт, пошел тем коридором, который вел к помещению Нелидовой. Сопровождавшие суетятся, перешептываются, и наконец кто-то осмеливается доложить, что подъезд совсем в другом конце, и что его величество идет совсем не туда. Государь отвечал, что он знает дорогу, и направился прямо к Нелидовой. Он объявил ей, что ему никогда не приходило в голову отнимать то, что ей было дано, был очень любезен и предупредителен. С того дня Нелидова не знала, куда деваться от посетителей; к ней бросились лица, почти никогда у нее не бывавшие. Нечего добавлять, что происшествие с каретой было истолковано, как простое недоразумение, и что с тех пор Нелидовой не надо было опасаться какой либо неприятности в этом роде. Она любила рассказывать этот анекдот в доказательство своего уменья бороться с интригами и отстаивать свои права»[257]. Мы даем теперь иное объяснение ее поведению в

этом случае. Несправедливо заподазриваемая, невольно оскорбляемая в лучших своих чувствах и воспоминаниях, Екатерина Ивановна, по свидетельству того же кн. Лобанова, всегда горделиво молчала об отношениях своих к императору Павлу: она слишком уважала себя и слишком хорошо познала людей, чтобы открывать кому-либо свою душу. Внимание, оказанное ей императором Николаем, было самым дорогим для нее и самым осязательным для других доказательством глубокого уважения, которое питал он к самому искреннему и самому бескорыстному другу царственных своих родителей.

Последние годы жизни своей Нелидова провела в Смольном с сестрой своей, девицей Натальей Ивановной, которой после смерти брата ее, почетного опекуна Аркадия Ивановича, бывшего прежде генерал-адъютантом Павла I, — дозволено было, по высочайшему повелению, занять в здании Смольного института комнаты рядом с комнатами Екатерины Ивановны. Окна этих комнат выходят в сад, расположенный на берегу реки Невы, а у самой Невы устроен был Нелидовой, во вкусе того времени, так называемый эрмитаж (хижина пустынника), который был летним ее местопребыванием. В настоящее время комнаты эти, благодаря позднейшим ремонтам, почти утратили свой первоначальный вид, и прекрасная живопись прошлого столетия сохранилась только на потолке одной комнаты, бывшей прежде залой, а в остальных замазана штукатуркой. Обстановка этих комнат также почти не сохранилась. Несомненно, что Смольный институт, столь любимый Нелидовой, сделает что нужно, чтобы воздать должное памяти самой знаменитой своей воспитанницы, одной из благороднейших русских женщин и искренней подруги императрицы Марии Феодоровны, заботам которой институт обязан своим процветанием. Легко, понять, почему Мария Феодоровна так привязана была к Смольному институту, основанному Екатериной II, и почему она обеспечила его более, чем заведения, основанные ею самою, пожертвовав на него из собственных сумм свыше полумиллиона рублей: Смольный был институтом и жилищем ее единственной подруги.

Екатерина Ивановна Нелидова дожила до глубокой старости. Она скончалась 82-х лет, 2-го января 1839 г., на руках племянницы своей, княгини Трубецкой, которую она любила и воспитывала, как дочь. «Предсмертная болезнь ее, — говорит один современник, — продолжалась несколько месяцев; это было истощение физических сил, но ум и душа бодрствовали неослабно. Она сподобилась причастия за несколько недель до кончины своей. В ночь с 1-го на 2-е января, часто засыпая, она думала, что она уже в лучшем мире, и когда, потом,

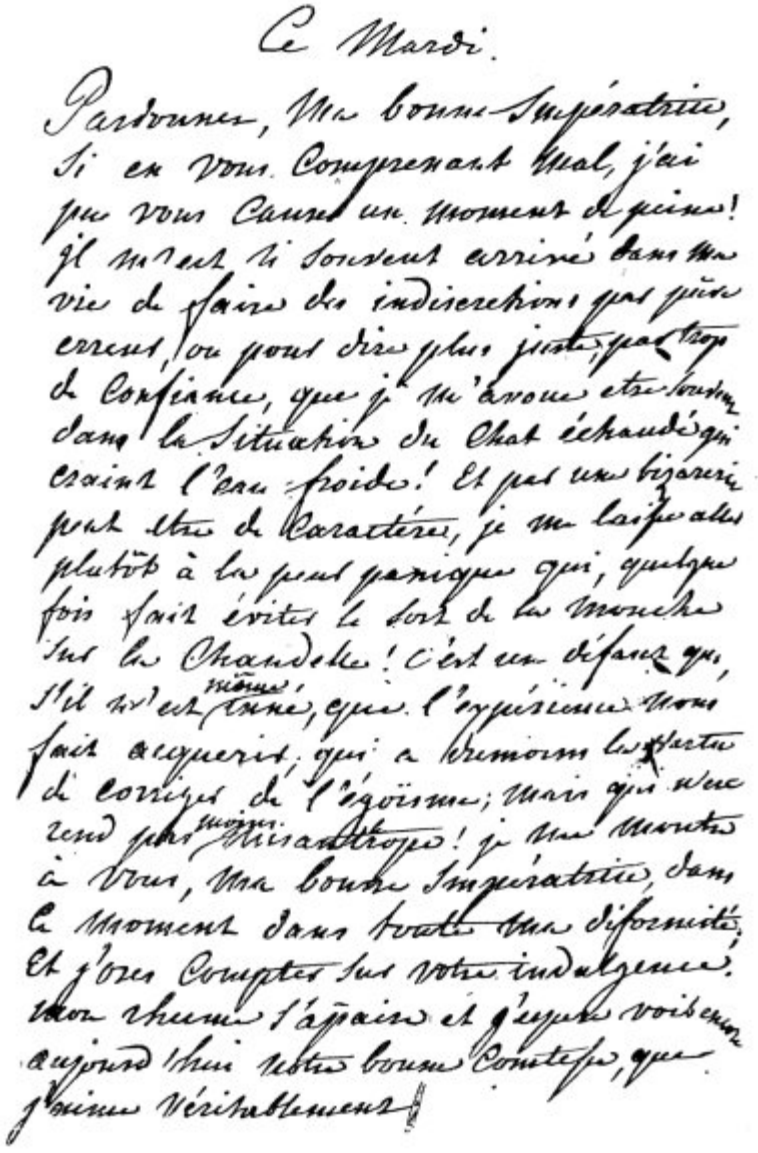
пробуждалась вновь к этой жизни, то скорбела, что душа ее, после 82-летнего странствования, не возвратилась еще в светлую отчизну. Тело покойной отпето было в детской церкви Общества благородных девиц. Здесь во дни младенчества своего, за 75 лет пред сим, она впервые услышала наставление в Законе Божием и здесь же возлежала она теперь пред теми же иконами Спасителя и Божией Матери, как бы пред судилищем небесным, отдавая отчет в том, сколько свято соблюла она во всю жизнь внушенные ей с детства правила. Глубокое благочестие, отлично образованный ум, любовь к изящным искусствам, тонкое знание сердца человеческого, веселый детский нрав, привлекали к ней всех ее окружающих с самых молодых лет. Уклоняясь всегда с редким самоотвержением от высших почестей и богатств, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближних своих, преимущественно тех, которые, страдая более других, более нуждались в помощи. Она жила по слову Евангельскому: «будьте яко дети». Любила все страждущее, все беспомощное, несмотря ни на какое различие, не требуя взаимности, не ожидая благодарности… Заведение, в котором развились эти редкие качества души, должно по справедливости этим гордиться. Жаль только, что немногие вполне понимали и достойно ценили покойную»[258].

Местом своего погребения Нелидова избрала кладбище Большой Охты, по ту стороны Невы, которое всегда ясно созерцала она из окон своих комнат и своего эрмитажа: она как бы желала и по смерти своей не разлучаться с младенческим своим приютом. Действительно, с этого кладбища Смольный — как бы на ладони, хотя возле кладбища много новых построек. Летом 1896-го года я ездил поклониться могиле Нелидовой. Она оказалась у северных дверей церкви святителя Николая, но никто из служащих на кладбище не знал о ней. На Больше-Охтенском кладбище находили себе вечное успокоение охтенцы и охтянки — люди бедные, простые, бесхитростные, чуждые всякой политики, и среди них имя Нелидовой, всегда при жизни своей скромной, участливой, сиявшей внутренним, душевным блеском, — так отвечает всей непритязательной, бедной кладбищенской обстановке! На могиле Нелидовой существует памятник, не огороженный решеткой. Хорошо сохранился гранитный саркофаг, с простою надписью, но могильные плиты уже вошли в землю одной своей стороной, и, без поправки, памятнику грозит падение. Кругом тесный лес деревянных могильных крестов, ряд купеческих мавзолеев, а возле — ни деревца, ни зелени… Пройдет еще несколько лет, и от могилы Екатерины Ивановны Нелидовой, от одного слова которой зависело в свое время

счастье и несчастье стольких людей, не останется, быть может, и следа. Невольно, при кладбищенском стороже, я с грустью произнес вслух старые, но вечно юные слова: «Sic transit gloria mundi!»… Одного не сотрет, не уничтожит беспощадное время: исторического имени Нелидовой — тех лучших свойств русской женщины, которых она была для своего времени столь благородной выразительницей.

* * *

Ныне (1902 г.) могила Нелидовой приведена в полный порядок, благодаря заботам кн. С. Н. Трубецкого.



Ce Mardi.

Pardonnez, Ma bonne Impératrice,
si en vous comprenant mal, j'ai
pu vous causer un moment de peine!
Il m'est si souvent arrivé dans ma
vie de faire des indiscrétions, que j'en
errent, ou pour dire plus juste, par trop
de confiance, que je m'avoue être toujours
dans la situation du Chat échaudé qui
craint l'eau froide! Et par une bizarrie
pour être de caractère, je me laisse aller
plutôt à la peur panique qui, quelque
fois fait éviter le bout de la mouche
sur la Chandelle! C'est un défaut qui,
s'il m'est même, que l'expérience m'ont
fait acquerir, qui a beaucoup la vertu
de corriger de l'égoïsme; mais qui me
rend plus misanthrope! je me montre
à vous, Ma bonne Impératrice, dans
ce moment dans toute ma difformité,
Et j'ose compter sur votre indulgence.
Adieu chère et j'espère voir encore
aujourd'hui votre bonne Comtesse, que
j'aime véritablement!

Письмо Е. И. Нелидовой к Императрице Марии Феодоровне.

notes

Примечания

1

«Е. И. Нелидова», «Русский Архив», 1872, 2073. — Анонимная статья эта, как нам достоверно известно, принадлежит перу покойного князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского.

2

Сведения эти заимствованы из хранящейся в архиве Смольного института копии с «Объявления», сделанного матерью, девицы Катерины Нелидовой при определении ее в институт в 1765 г. Ими опровергается дата рождения Екатерины Ивановны — 1756 г., встречающаяся у Карабанова («Статс-дамы» и проч.) в «Русской Старине» 1871, I, 463, а равно в «Родословном Сборнике» Руммеля и Голубцова, II. 144, и в «Русском Архиве» 1873, 2160. На надгробном памятнике Нелидовой, как мы имели случай убедиться, вовсе не обозначен год ее рождения, хотя для него и оставлено было место: 17 ( ) дня.

3

В «Родословном Сборнике» Руммеля и Голубцова не значится у Нелидовой ни одной сестры, а только первые четыре брата Любим и Наталья Нелидовы, по бумагам, сохранившимся в ведомстве учреждений императрицы Марии, имели родного брата, д.т.с. Аркадия Ивановича Нелидова, бывшего родным братом и Екатерины Ивановны. Наталья Ивановна, оставшаяся в девицах, в конце жизни жила в здании Смольного монастыря в том же его фасе, где жила и Екатерина Ивановна и скончалась чрез шесть лет после нее, в 1845 г.

4

Еще в 1797 г. Нелидова писала императору Павлу, проезжавшему в то время Смоленскую губернию: «Selon mon calcule vous devez avoir passé déjà hier devant ce fameux Климятино dont vous me faisiez tant de peur à votre départ. Je suis súre pourtant que vous aurez étè sage et que Царица-водица n'aura point réfléechi Vos traits dans ses eaux si bien ombragées d'arbres touffus qui effrayaient mon enfance…» «Осьмнадцатый Век», III, 431.

5

Устав заведения предписывал наставницам неотлучно находиться при воспитанницах и главным образом наблюдать за тем, чтобы они не оставались одни со служанками.

6

Воспоминания Ржевской в «Русском Архиве», 1871, Лихачева: Материалы для истории женского образования в России, I, 173.

«Русский Архив», 1871, I, 6, 9.

Типическим образцом таких опер и балетов для наших современников может служить известная поэтическая интермедия Чайковского в его «Пиковой даме».

«Русский Архив», 1870, I, 535–536.

«Русский Архив», 1871, I, 5–6.

11

Бецкий родился в Швеции, а получил образование в Германии.

12

Греч, Записки о моей жизни, 106–107.

13

«Русский Архив», 1870, 532.

«Русский Архив». 1871. I, 41.

15

Хроника Смольного монастыря, Нины Р-вой. 25.

16

Лихачева: Материалы, I, 204, 202.

17

Лихачева: Материалы, I, 200–204.

18

«Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею пред вами!» — так восклицает в своих «Записках» Алымова. Таковы были чувства и Нелидовой, как это видно из позднейших ее писем и действий. Это лишний раз доказывает, как тяжела была действительная жизнь для юных идеалисток.

19

Записки Ржевской. «Русский Архив», 1871, I, 41.

20

«Instruction qne le grand due avait projete pour moi avant qu'il m'eut connu» Шумигорский: «Инструкция великого князя Павла Петровича великой княгине Марии Феодоровне». «Р. Стар.» 1898, II, 247–261.

21

Князь П. А. Вяземский. Сочинения, VIII, 151: извлечения из записок графини Хотек.

22

См. VII главу I тома нашего труда: «Императрица Мария Феодоровна», Спб., 1892.

23

См. IV главу I тома нашего труда: «Императрица Мария Феодоровна».

24

Об этом свидетельствуют несколько записочек Павла к Нелидовой и обратно, сохранившихся в рукописи. В «Р. Арх.» (1870 г., 327–329) напечатано «письмо Нелидовой» к полковнику Банковскому, сопровождавшему Павла Петровича в Финляндском походе 1788 г., важное для характеристики положения цесаревича. Это же письмо в «Осьмн. Веке» (III, 408–410) напечатано как письмо кн. А. Б. Куракина. Не имея под руками подлинника, мы не решаемся утвердительно назвать имя автора письма.

25

Ржевская-Алымова называет ее «заклятым своим врагом». «Русский Архив», 1871, I, 41.

26

Из неизданных писем Павла к Нелидовой.

27

Князь И. М. Долгорукий: «Капище моего сердце». 231.

Записки Саблукова, «Русский Архив», 1868. 1875.

29

Шумигорский, «Императрица Мария Феодоровна», I, 325–326.

Доказательством этой духовной связи между Павлом и Нелидовой является его письмо к ней, напечатанное в «Осьмнадцатом Веке», III. 448–449.

31

«Осьмнадцатый век» III. 451, 452.

32

Записки Саблукова, «Русский Архив», 1869. 1919–1920.

Там же. 1915–1916.

«Осьмн. Век», III, 443, 444.

35

Там же, 433–435.

Там же, 448–450.

37

Там же, 445. — Ср. Шумигорский, «Императрица Мария Феодоровна». I, 366, примеч.

Записки Ржевской, «Русск. Арх.», 1871, 41.

Записки Мухановой. «Русск. Арх.», 1878, I, 308.

40

Из неизданного дневника Вилламова.

41

Шумигорский. «Императрица Мария Феодоровна», I, 391–392, 434.

42

Записки кн. Ф. Н. Голицына, «Русск. Арх.», 1874, I, 1287–1288. Графиня Головина в своих «Записках», вместо Сакена, называет кн. Голицына, вовсе отрицая участие Екатерины в этом деле.

Записки кн. Голицына, «Русск. Арх.», 1874, 1289.

Шумигорский. I, 372–373.

45

Кн. Лобанов-Ростовский: Е. И. Нелидова. «Русск. Арх.» 1873, 2165.

46

Арх. кн. Воронцова, IX, 70. Графиня Головина в своих «Записках» иначе объясняет удаление графа Н. П. Панина от двора, обвиняя его в интригах. «Заметив, — говорит она, — натянутость отношений Екатерины к своему сыну, он захотел окончательно повредить им, чтобы иметь возможность удовлетворить своим честолюбивым и даже преступным планам. После короткого пребывания в городе, он возвратился в Гатчину и испросил себе аудиенцию у великого князя, чтобы сообщить ему чрезвычайно важные новости. Панин вошел к нему с смущенным видом, прикрыл свое лукавство маской прямоты и, наконец, после притворного колебания, заявил, что он имеет сообщить великому князю нечто ужасное, что дело идет о заговоре, составленном против него императрицей, его матерью, что замышляют на его жизнь. Великий князь спросил у него, знает ли он заговорщиков, и, на утвердительный ответ, приказал ему написать их имена. Граф Панин составил их список, созданный его воображением. «Подпишите его», сказал великий князь. Панин сделал это. Тогда великий князь, схвативши бумагу, сказал ему: «Убирайся, негодяй, и никогда не появляйся предо мною снова». Он сообщил эту бумагу императрице, своей матери, которая также возмущена была ею. Бумага эта осталась у великого князя в его шкатулке, хранившейся всегда в его спальной». Записки гр. В. Н. Головиной, 113–114.

47

Correspondance de Sa Majesté l'Imperatrice Marie Feodorovna avec mademoiselle de Nélidov, sa demoiselle d'honneur (1797–1801), suivie des lettres de m-lle de Nélidov au prince A. B. Kourakine, publie par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris. 1896. Издание это нельзя не приветствовать, так как только таким путем могут быть доступны для историков сокровища, хранящиеся в частных архивах.

Шумигорский. I, 362–363.

49

Арх. кн. Воронцова, VIII, 63.

Шумигорский, I, 363–265.

51

Болотов. Памятник протекших времен, 67–86.

52

Дневник Храповицкого, 269.

53

Письмо ее к Плещееву без даты.

Князь Лобанов-Ростовский: «В. И. Нелидова», «Русский Арх.», 1873, 2164–2165.

«Correspondence» etc., 167–168.

Там же, 185.

Там же, 274.

Шумигорский, I, 369.

59

Нелидова, незадолго перед этим, сама убеждала Куракина в дружбе к нему цесаревича и торопила его приездом, уверяя его в самом теплом приеме со стороны великого князя «Correspondance» etc., 181–782.

«Correspondance» etc., 182–184.

Там же, 190.

62

Фрейлинское награждение при увольнении от двора.

63

«Correspondance» etc., 190–194. На содержание Нелидовой в Смольном из сумм двора отпускалось ежегодно 400 рублей, как это видно из отчетов по Смольному монастырю за это время.

Князь Лобанов-Ростовский; «Е. И. Нелидова» «Русский Архив», 1873, 2065–2166.

65

Шумигорский, I, 339. — Замечательно, как Мария Феодоровна постоянно ошибалась в объяснениях мотивов поступков Нелидовой: «Je vous confie sous le sceau du plus grand secret que la N. voulut donner une seconde lettre ces jours, mais on la retenu, ef ce n’est pas tout: ce n’est pas celui qui y serait le plus interessé, mais d’autres». Там же, письмо ее к Плещееву, 407, примечание 13.

Шумигорский, «Императрица Мария Феодоровна», I главы XI и XII.

Шумигорский, I, 402–403.

Там же, — 103, примечание.

Там же, 421.

Арх. кн. Воронцова, VIII, 93.

71

Masson. Memoires secrets, I, 319. В одном из писем великого князя Александра Павловича к Салтыкову, молодой великий князь спрашивал своего воспитателя, как явиться ему на придворный бал: во фраке он считал быть неудобным, так как этот костюм прогневал бы его отца, хотя он требовался этикетом. Юный дипломат предположил явиться во французском кафтане и думал угодить этим одновременно и отцу, и бабушке.

Арх. кн. Воронцова VIII, 104.

Masson, Memoires secrets, I, 310.

Письма Марии Феодоровны к Плещеевым сохраняются еще в рукописи. Часть их, в виде извлечений, напечатана во французском подлиннике, в примечаниях к первому тому моего труда: «Императрица Мария Феодоровна».

Шумигорский, I, 405, 419, 421.

«Correspondance», 227–280. Письмо от 5-го мая 1796 г.

Архив кн. Воронцова. XV, 85.

78

«Русская Старина», 1871, I, 279, 463. Карабанов впадает в ошибку, относя это событие к «высылке» Нелидовой из Петербурга в 1798 г. Мы увидим далее, что «высылки» этой не было, и что Плещеевы подверглись тогда одновременно с Нелидовой немилости Павла.

Болотов, «Памятники протекших времен», 67.

Арх. кн. Воронцова, VIII. 165.

81

«L'ami Serge a-t il-déjà été a la Communaute? — спрашивала Плещееву Мария Феодоровна. — Cette belle (Делафон), je crois lui tiendra aussi de rigueur. Marquez moi tout ce que yous apprendriez Chabrinka, et si un Dieu favorable fait rencontrer a l'ami Serge *l'autre belle* (Нелидову), prechez lui retenue, prudence, discretion, enfin toutes les vertues pour ne pas s'en laisser *engouer*». Письмо от 10-го октября 1796 г. Шумигорский, I. 435, примеч.

Сборник И.Р.И.О., XCIII, 9 | 10, примечание.

Шумигорский I. 434–435, примечание.

Сборник И.Р.И.О., XXIII, 574.

85

Сборник И.Р.И.О, XCVIII, 10, примечание.

86

Шумигорский, I, 436, примечание. — Шильдер. «Император Александр Первый» I, 130–131.

Доказательством этих сношений может служит следующее письмо Марии Феодоровны, находящееся в бумагах Плещеева; «Je ne pourrai vous voir que ce soir tard. Ainsi, mon enfant, dites par quelques mots ce qui vous arrive de nouveau. Tener vous an nom de Dieu au plan arrété, pu eourage et de la fermeté, mon eufant. Dieu n'abandonne l'innocence et la vertue. Barthaume vous enverra ceci de chez lui, comme une lettre vous est arrivè de la Grävenitz, et vous repondez moi en mettant sur le couvert l'adresse à mad. de Grävenitz, et envoyer la à Berthaume chez lui. Brulez mes billetb, je brule les vôtres». Г-жа Гревениц — урожденная княжна Воронецкая, бывшая фрейлина Марии Феодоровны и вышедшая замуж за Гревеница, виртембергского офицера, поступившего под покровительством Марии Феодоровны, в русскую службу. Бертом был доверенным камердинером великой княгини.

Correspondance, 292–294.

89

«Последний день императрицы Екатерины II и первый день царствования Павла». «Арх. кн. Воронцова», VIII, 165.

Высочайшие приказы 1796 г.

«Осьмнадцатый Век», III, 424.

«Сенатский Архив», I, 23.

93

12-го ноября 1798 г. Мария Феодоровна писала Нелидовой: «Il y a deux années aujourd'hui que vous vintes la première fois chez moi, chere Nélidow; vous rappellez — vous de tous les détails de cette entrevue. Mon coeur se les rappelle tous, mais je ne m'arrète que sur la réflexion consolante que j'ai gagné ce jour une bonne, tendre et fidèle amie. Que Dieu a daigné me la conserver et que mon coeur esf et sera toujours à elle!» — Chumigorsky: «Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorowna à m-lle Nelidow», 1, 126.

Masson: «Memoires secrets», I, 189.

«Осьмнадцатый Век», III. 425–426.

Камер-фурьерский журнал 1796 г.

«Сенатский Архив» 30.

Осьмнадцатый век, III.

Высочайшие приказы 1797 г., «Спб, Ведомости», 1797 г., № 2.

«Архив кн. Воронцова», XXX, 84–85.

101

Записки гр. Головиной, 102–103.

«Русский Арх.», 1873, 2168.

103

Czartoryski: Memoires, I, 132.

104

Князь Лобанов-Ростовский: «Русская родословная книга», I, 5, 421. — По свидетельству Гельбига, она была дочерью графа Григория Орлова, которого Буксгевден был адъютантом.

105

«Сенатский Архив», I, 58, 142.

«Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886, 8 et sqq.

107

«Сенатский Архив», I, 1. — Любопытно, что одновременно с этим другой, не менее виновный деятель 1762 года, граф Алексей Орлов-Чесменский, подвергался опале значительно позже, а первое время Павел, вопреки распространенным рассказам, относился к нему довольно благосклонно. Так, из камер-фурьерского журнала 1796 года видно, что Орлов, в течение ноября месяца, был два раза, в числе немногих, приглашаем к высочайшему столу. Нам сдается, что опала графа Орлова-Чесменского последовала после находки Павлом письма, напечатанного в «Архиве князя Воронцова», XXI, 93. Павел показал его Марии Феодоровне и Нелидовой (ibid., 94).

Записки гр. Головиной, 99.

109

Шишков: Записки, 31–32, примечание.

«Осьмнадцатый Век», III, passim.

111

«Осьмнадцатый Век», III, 439. Мы не могли определить, по какому случаю написано было это письмо.

«Сенатский Архив», I, 92.

113

«Осьмнадцатый Век», III, 438.

«Сенатский Архив», I, 104.

115

Там же, 98.

«Осьмнадцатый Век», III, 106.

«Correspondance», 372.

118

Письма Николаи к Воронцову («Архив князя Воронцова», XXII, 30).

119

Письма Марии Феодоровны к Плещееву (ркп,) Барон Бюлер: «Императрица Мария Феодоровна в ее заботах о Смольном монастыре» (Р. Стар.», 1890).

«Correspondance», 372.

121

Вероятно, что именно эти пожалования, в связи с дружескими отношениями Нелидовой к князю Александру Куракину, и вызвали в Москве слух, что «камер-фрейлина Нелидова идет за вице-канцлера князя Куракина». «Архив князя Воронцова» XIV, 484.

«Aus den Tagen Kaiser Pauls» (Heyking), 46.

Ibid, 45–46.

124

13-го апреля в Успенском соборе в высочайшем присутствии было молебствие и засим торжественное чтение нового статута орденов, в число которых, однако, не был внесен орден св. Георгия. Но во время этого чтения, «государь изустно с престола изрещи соизволил тако: «А орден св. Великомученика и Победоносца Георгия остается на прежнем своем основании так, как и статут его». «Спб. Ведом.», 1797 г., № 63. П.С.З., 17.917. Несомненно, что это один из случаев, указываемых Рожерсоном.

125

«Архив князя Воронцова». XXX, 86–87.

Из приказов этих выделяется особенно приказ от 27-го марта: «Государь объявляет свое удовольствие генерал-адъютанту Архарову за сегодняшний развод его полка. — Екатеринославского кирасирского полка шефу, генералу-от кавалерии князю Волконскому — выговор за неисправность его полка. Онаго же полка майор Ермолин выключен из службы. — Его императорское величество, заметив, что офицеры Екатеринославского кирасирского полка не прилежат и не радеют к службе, сделал таковым выговор, а впредь принужден будет взять другие меры и всех ленивых и неприлежных выключить из службы. О таковых шеф этого полка, замечая немедленно, должен прислать список его величеству». Засим следует целый список уже исключенных офицеров. «Спб. Ведом.». № 30. Ср. рассказ А. М. Тургенева, «Русск. Стар.», 1885, X, 66.

127

«Русский Архив», 1886, I, 20.

128

Записки А. М. Тургенева. «Русская Старина», 1885. X, 73–74.

129

Известно, что в июне 1796 г. императрица Екатерина предложила Марии Феодоровне подписаться под актом, лишавшим Павла прав престолонаследия, но получила от нее резкий отказ. Казалось бы, этот поступок Марии Феодоровны должен был внушить Павлу доверие к ней. На самом же деле, когда после смерти Екатерины, он узнал об этих переговорах, то, по свидетельству его дочери, королеве нидерландской Анны Павловны, он изменил отношения к своей супруге и стал относиться к ней подозрительно. «Сборник Имп. Р.И.О.». ХС, 1411, 10.

130

П.С.З., 17.906. — Саблуков («Русский Архив», 1869, 1893) пишет: «Павел полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев… Несомненно, что крестьяне считали милостью и преимуществом переход в частное владение».

Choumigorsky: «Lettres» etc., 14–15.

«Арх. кн. Воронцова», XXX, 89–90.

133

Гейкинг прибавляет, что одновременно с этим, в ознаменование особого благоволения государя, пожалована была графу Буксгевдену брильянтовая табакерка с портретом Павла, а его супруге орден св. Екатерины 2-го класса. Heyking. 50.

Heyking, 49–50. Греч приводит и другую причину увольнения Архарова — сильное вздорожание сена; «Записки о моей жизни», 119. Уже 16-го июня издано было повеление об установлении цен на съестные припасы. П.С.З., № 18.003.

«Русский Архив», 1870, 592–595.

Шишков: «Записки», 31–32.

137

«M-lle Nélidow est extrémement respectée de tout le monde. Le roi de Pologne même a beaucoup d'attention pour elle. Elle loge toujours à la Communauté no faisant que des courses pour paraitre à la cour». — Протасов — Воронцову, в августе 1797 г., в «Архиве кн. Воронцова», XV, 96.

138

Шишков. 40.

«Русский Арх.». 1869, 182–1.

Choumigorsky: «Lettres», etc., 38.

«Correspondance», 38.

142

Из записок Саблукова «Русский Архив», 1809, 1925.

«Correspondance», 37.

Не сочли нужным вывести войска из этого заблуждения. В приказе от 3-го августа объявлено было «удовольствие за вчерашнее усердие и исправность во время тревоги». «Спб. Вед.», №63.

145

Записки графини В. Н. Головиной, 115–116.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 25–26.

Ibid., 27–28.

«Русская Старина», 1887. III, 429.

149

«Павловск. Очерк истории и описание», 95–96.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 31.

Ibid., 35, 36, 39, 40. «Осьмнадцатый Век», III 451, 455.

Высочайшие приказы 1797 г. — «Русск. Стар.», 1873, III 974.

153

Высочайшие приказы 1797 года, 108.

«Архив князя Воронцова». Письма Протасова.

«Осьмнадцатый Век», III 434.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 31.

«Русский Архив», 1869, 1902.

158

Приводим это замечательное письмо в подлиннике со всеми особенностями правописания Павла: Vous avé bien raison Катя de megronder tout cela est vrai et il est aussi vrai que de moment en moment on permettra plus de chose devant soi rappelé vous de Louis XVI il commenca par devoir condescendre et fut réduit à descendre, tout fut trop peu et rien ne fut assez que quand on le mena à l'échafaud. Il n'y a pas de femme dans tout cecisinon qu on ne vent ici que des femmes» (ркп.).

«Осьмнадцатый Век», III. 456.

160

Воспоминания Ф. П. Лубянского. — «Русский Архив», 1872, 165–166.

161

Из записок Н. А. Саблукова, «Русский Архив», 1869, 1915.

«Осьмнадцатый Век», III, 139.

«Русский Архив». 1689. 1910.

«Русская Старина», 1873, 1, 488–489.

165

Высочайшие приказы 1797 г. и след.

«Русский Архив», 1869, 1915.

167

Там же.

«Арх. кн. Воронцова», XXX. 104–105.

169

Choumigorsky: «Lettres» etc., 22, — Др. и Нов. Росс., 1876, III. 396–397.—«Русский Архив», 1885, I, 168. — Арх. кн. Воронцова, VIII. 182–183. — Принцесса Тарант, однако, вскоре лишилась поддержки Нелидовой и даже впала в немилость, благодаря интригам Александра Куракина.

170

Морошкин: «Иезуиты в России». I, 292, примечание.

171

Арх. кн. Воронцова, XXX, 106. Об эмигрантах и дурном впечатлении, произведенном ими в России, сохранилась масса современных свидетельств. В особенности важны показания Растопчина (Арх, кн. Воронцова, VIII), Протасова (XV), Николаи (XXII) и Рожерсона (XXX).

Арх. кн. Воронцова, XXX. 100.

173

Арх. кн. Воронцова, XV, 96.

Там же, XIII, 383. — О сношениях Нелидовой с Клингспором см. «Вестн. Европы», 1897. май, 152-155.

175

Гейкинг свидетельствует, что Растопчин был личным врагом Нелидовой, хотя не объясняет повода этой вражды. Heyking, 135. — Чтобы достойно оценить пристрастность отзывов Растопчина, вспомним отзывы его о Марии Феодоровне за два года перед сим.

Арх. князя Воронцова. VIII. 182–183.

177

Там же, XIII. 386.

178

Что речь идет здесь о Румянцеве, это догадка издателя Арх. кн. Воронцова. Мы, с своей стороны, имеем все данные утверждать, что здесь подразумевается барон Николаи, личный секретарь Марии Феодоровны. Ср., напр., письма Растопчина (Арх. кн. В., VIII, 185), письма Николаи (Арх. кн. В., XXII), Кочубея XVIII. 172).

179

Арх. кн. Воронцова, XIII, 382–383.

Там же, XIII, 386.

Heyking, 145–143.

«Correspondance», etc., 308–313.

183

«Русская Старина», 1887, IV, 443.

Там же, II, 41.

См. напр. «Р. Стар.», 1895, II, 49 (Записки А. М. Тургенева).

Czartoryski: Memoires, I, 175.

187

Арх. кн. Воронцова, VIII, 296, Ср. «Русск. Арх.», 1887, I, 169.

188

Обрезков назначен был состоять при особе государя 10-го февраля 1797 г. — «Сенатский Арх.», I, 104.

189

«Русская Старина», 1873, VIII, 163, переписка Панина с Куракиным.

Арх. кн. Воронцова, XV, 133.

191

Военные приказы, 1798 г., 77.

Czartoryski : Memoires, I. 176.

193

«Архив кн. Воронцова», XXIV, 274.

«Павловск», 100–101.

195

Архив князя Воронцова, XV, 102–103; XXII, 67.

196

Растопчин уехал из Петербурга только 29-го июля (Архив князя Воронцова, XXIV, 268, а не был выслан в Москву после отставки, как уверяет Чарторыжский (I, 176).

Czartoryski, I, 176–177.

Czartoryski, I, 167.

199

Записки А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1885, IV, 62–9. Ср., между прочим, воспоминания Лубяновского, «Русский Архив», 1872, I, 133.

Heyking, 113–116, «Русская Старина», 1887, IV, 784–786.

201

Записки А. М. Тургенева. «Р. Ст.», 1885 IV, 81–82.

Czartoryski: Memoires, I, 177.

203

«1812 год в записках гр. Ф. В. Растопчина», «Р. Стар.» 1889. IV, 651.

Записки Мухановой, «Русский Архив», 1878, I, 308.

205

Из камер-фурьерского журнала видно, что императрица в 10-м часу утра прибыла из Павловска в Тихвин и отправилась по Ярославской дороге на встречу государю. В 5-м часу пополудни государь прибыл в селение Горки, где встречен был императрицею с камер-фрейлиною Нелидовой, обер-камергером графом Строгоновым и обер-шталмейстером графом Зубовым. Пили кофе, и в 6-м часу государь отправился в путь в карете с императрицею. В 6-м часу их величества, приехав в Тихвин, посетили тамошний монастырь. Ночевали в приготовленном для высочайшего пребывания доме…».

Записки Мухановой, «Русский Архив», 1878, I, 308.

207

Архив князя Воронцова, XV, 102.

Heyking, 117–118.

209

Архив князя Воронцова, XXIV, 268.

210

Архив князя Воронцова, XV, 134. Письмо Протасова. Он обвиняет в этом Плещеева и гр. Н. П. Румянцева.

Heyking, 118–119.

212

«Correspondance» etc, 367–368. Письмо это без даты.

213

Choumigorsky: «Lettres» etc., 54–55. Черновая этого письма императрицы была сообщена ею Нелидовой.

Там же, 55.

Heyking, 119.

«Хроника недавней старины», 42–43.

217

Там же, 35.

218

Арх. К.П.В. XVIII. 149–150.

219

Вот рескрипт к нему Павла от 26 февраля 1797 г. «Господин генерал-лейтенант Пален. С удивлением осведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезде князя Зубова чрез Ригу, из сего и делаю я сродное о свойстве вашем заключение, по коем и поведение мое против вас соразмерно будет. Сие письмо можете показать генерал-лейтенанту Бенкендорфу. «Павел». «Русская Старина», 1880, I, 144.

Heyking, 117–118.

221

Там же.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 59.

Там же, 60–61.

«Осьмн. Век», III 443–444.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 57–58.

226

Граф Буксгевден уволен был от всех дел 2-го сентября.

Heyking. 127–129.

Choumigorsky: «Lettres» etc., 78–80.

Czartoryski. Memoires, I, 177–179.

Арх. кн. Воронцова, XV. 133. Письма Протасова.

231

«Русск. Арх.», 1873, II, 216–217. Причиной высылки выставляли то, будто Нелидова вступилась за Марию Феодоровну.

Choumigrosky: «Lettres», etc., 71–89.

233

Ркп. — Письмо от 24-го августа 1798 г.

Heyking, 131.

235

Correspondance, 353–354 Письмо это издательницей неправильно отнесено к 1799 году.

Там же, 331–332.

«Correspondance» 333–336.

Heyking, 188.

239

Ркп.

Морошкин: «Иезуиты в России», II, 5.

Heyking, 188–189.

Там же, 190.

243

«Хроника недавней старины», 43 и далее, письма к Нелидовой Нелединского. Переписка ее с А. Б. Куракиным за это время еще находится в рукописи.

Heyking, 187.

Там же, 190.

246

Граф П. А. Толстой в марте 1801 г. видел у Палена целые свертки английских гиней. Будучи уже в опале, Пален, играя с Зубовым, раз поставил на карту 200 000 рублей («Русский Архив», 1882, II, 63).

247

Письмо от 21 декабря 1800 г. (ркп.).

248

Письмо от 20 декабря 1800 г. (ркп.).

249

Известие («Русский Архив», 1873, II. 2169), будто Нелидова многое узнавала тогда чрез петербургского полицмейстера Рачинского, своего племянника, который будто бы незадолго до 11 марта докладывал государю о необходимости принять меры, — опровергается тем обстоятельством, что Рачинский уволен был от должности еще 28 октября 1800 г., по влиянию, конечно, Палена («Сенатский архив», 614).

Heyking, 231–232.

251

Czartoryski: Memoires, I, 225.

Heyking, 237. Рассказ Нелидовой об этом поступке Палена, там же, 234–236.

Czartoryski, I, 226; Heyking, 236–238.

«Хроника недавней старины», 58.

255

Там же, 57, «Veuille l'Êttre Supréme, писал Нелидовой Нелединский-Мелецкий 7-го апреля 1801 года, — lui accorder dans une autre vie la paix dont (oserais-je le dire), il n'était pas en lui de jouer dans celle-ci!».

256

Кн. Вяземский: «Полное собрание сочинений», IX. 134: «У Нелидовой, — сообщает он, — сундук с письмами Павла и своим журналом».

Русский Архив, 1873, 2170–2171.

«Осьмн. Век». III, 458–459.